

Содержание:

Духовные беседы и наставления старца Антония. Часть первая

Вступление.
Первая встреча.
Земные пути.
Старчество.
Видение старца Антония.
Второе видение старца Антония. Поучения.
Как спастись.
Последняя встреча.

Духовные беседы и наставления старца Антония. Часть вторая (дополнения)

Предисловие.
События и люди.
Встречи.
Залог спасения.
Истина и человеческие мудрования.
Как спастись.
Закон Божий и закон человеческий.
Чаепитие.
Жизнь, основанная на потреблении.
О прошлом и будущем.
О прошлом.
Посетители.
Конец естественного миропорядка.
Как сохранить праведность священнику.
Рождение катастроф.
Время.
Судьбы мира

Литургия во времена гонений.
О раскольниках.
Прошлое и грядущее.
Спасение в городе.
Уроки истории.
Голод.
Заключение.

Духовные беседы и наставления старца Антония. Часть третья

Вступление.
Воспоминания прихожанки Натальи К.
Анна, прихожанка Н-ского храма.
Екатерина, главный агроном.
Священник отец Сергей Д.
В.К., клиросница, главный бухгалтер небольшого предприятия.
Священник отец К.
Воспоминания Екатерины Н., Верхнедонское.
Митрофорный протоиерей от. В.
Бог есть любовь... (Ин. 4,16) Преп. Максим Исповедник и его «Главы о любви»
Пророчества старца Антония согласуются с предсказаниями святых отцов.
МОЛИТВА ОТ АНТИХРИСТА ПРЕПОДОБНОГО АНАТОЛИЯ ОПТИНСКОГО (ПОТАПОВА)
Примечания.

Вступление.

Мне не хотелось ехать на эту встречу. Вообще, отношение к данной категории православного населения было, мягко говоря, неоднозначным. Да и судите сами, что это значит, старец, старица, когда речь идет о людях, живущих вне стен монастырских, в миру?! Очень и очень часто, за столь дорогими православному сердцу понятиями, скрывалось дремучее невежество, ханжество и стремление к получению хлеба насущного без пролития пота трудового. Старец! Кто он, монах ли, послушник ли, что за этим кроется?! Сколько дремучих бредней я слышал от своих прихожан, распространителями которых были какие-то бродячие «старцы».

Но, так или иначе, а люди едут к ним. Даже будучи священниками или иеромонахами, они не имеют официальных приходов, их приход – вся Святая Русь.

Но это я говорю сейчас, в тот момент, для меня они были воплощением своеобразного юродствующего сектантства, некоей дикой и темной природы, той природы, что преподала страшный пример раскольничьих самосожжений, увлечения буквой и отвержения духа.

И так, мы едем к старцу Антонию. Кто он – схимонах, иеросхимонах, послушник, инок, архиерей или священник – ничего этого мы доподлинно не знаем. Около полугода назад стали раздаваться вопросы по поводу некоего старца, которому было видение о конце света. Вначале я отшучивался, и вообще старался приписать все неверию людей в официальное, стремлению найти истину где-то вне стен иерархических. Даже проповедь сказал на эту тему. Но вопросы не утихали, их количество даже увеличивалось. Не

обращать на них внимания было бы уже делом неразумным, тем паче, что вопросы-то глупыми и не назовешь! Более того, будучи большим почитателем Святителя Игнатия (Брянчанинова), я многократно находил созвучие слов старца с тем, что утверждал жизнью и словом на основе Священного Писания и Святоотеческого Предания Великий Богослов и Святитель XIX века епископ Кавказский Игнатий! А тут прихожане – батюшка, вам стоит съездить к старцу!

На одной из архиерейских епархиальных служб, при большом стечении духовенства, я услышал разговор о некоем Антонии, еще царском протоиерее, много претерпевшем при советской власти, были и Соловки, и Колыма и пр. и пр. По освобождении своем, на службу принят не был, как неблагонадежный. Дети от отца отказались и тогда Антоний, Священник Бога Живаго, идет на работу кочегаром в небольшом городке. Люди очень любили «своего попа»! Нет, в городке был храм, были настоятели – то лучше, то хуже, но их, как водится, регулярно меняли, иногда, люди и имени-то запомнить не могли! Богу ведомо и архиерею. Но был Антоний-кочегар! Ночами появлялись посетители возле его печей и просили крестить, святить, отпевать, помолиться, вообще, обо всем том, в чем нуждается душа православная! Я не выдержал и спросил: «Так это тот старец, что поселился в нашем городе?» «А ты что, у него еще не был?! – услышал в ответ удивленный возглас знакомого священника, – Мы завтра едем, хочешь, – поехали с нами». И я согласился.

Теперь вот мы следуем на окраину большого города, в частный сектор, в дом женщины, приютившей столь знаменитого старца. А знаменит он был не столько своей необычной судьбой, сколько видением последних лет существования мира и пророчествами о том, как и кто, может спастись. При общем интересе к этому вопросу, понятно, что безвестность Антонию не грозила! Так, во всяком случае, я думал перед встречей.

Первая встреча.

Передняя машина остановилась, – мы приехали. Небольшой аккуратный дом, возле калитки нас встречает женщина приветливой улыбкой - мои спутники ей, видимо, хорошо знакомы, тут же начинаются расспросы о здоровье матушек, детворы и т.п. На удивление, женщина одета в довольно светлое платье, платок на голове вообще белый и повязан как у стряпух, послобожански – назад. Я ожидал черных платьев, платков, нарочито угрюмых кликушеских лиц (почему-то именно это считается истинным православным обликом), а увидел нормальных людей с улыбкой на устах. Из дома вышло еще несколько женщин, среди них были и прихожанки нашего храма. Хорошо зная мое отношение к, скажем так мягко, неформальному православию, они засмутились, засуетились, как это в народе говорят, готовы были сквозь землю провалиться! По всей вероятности, выражение моего лица лишь усугубляло их опасения возможной епитимьи, – я был напряжен, зол на себя за согласие на эту поездку, чувствовал страшную неловкость перед прихожанами – говорил, говорил и на тебе, оказываюсь во дворе старца!

Надо сказать, очень кстати обстановку разрядил ехавший с нами пожилой священник, митрофорный протоиерей с непререкаемым авторитетом, вообще, удивительной порядочности человек. Легкая шутка, чуть насмешливая улыбка и вот дверь комнаты старца. Я захожу и... замираю. Это состояние невозможно передать словами, это переживание какого-то детского восторга и трепета одновременно. На металлической кровати полулежал столетний старец. Он был очень высокого роста, что-то, вероятно, под метр девяносто, имел необычайно правильные славянские черты лица. Огромная борода и длинные, слегка вьющиеся волосы на голове, были белыми. Нет, это не была цыганская седина, эта белизна была как бы олицетворением сущности этого человека. Весь облик

его, облик монаха, аскета первых времен христианства, поражал величиим и одухотворенностью, молитвенностью. И только глаза были несколько иными, – они излучали какую-то необыкновенную свежесть и доброту. На устах играла легкая улыбка, добрая, ласковая, я бы сказал, согревающая. «Заходите, отцы святые, заходите!» «Да уж, думаю, святые! Тут грехов, хоть каждый день на исповедь!» Не успела у меня мелькнуть эта мысль, а старчик-то и отвечает, как бы продолжая свою первую фразу: «Да, грехов у всех хватает, но святость священника особого рода, это не святость подвижника, Божьей милостью и помощью обретенная, зависящая от отсутствия согрешений. Изначальная святость священника – дарованная, не стираемая! Иной и умудрится подрасплескать, а Господь восполнит, – плох, да свой!»

Окружающие не поняли, естественно, что они слышали ответ на мою мысль, а я взял себе это на заметку – нужно быть осторожнее! Все по очереди облобызались со старцем и, по его приглашению, присели на стулья, стоявшие у кровати. «Тут вот были только что ораторы, – старец кивнул головой на стулья, и усмехнулся, – доказывали абсурдность Страшного суда, конца света, рая и ада, дескать, придумали все темные рыбаки! Может, и слышали истину, да уразуметь не смогли, – высшее образование отсутствовало! Мы вот, светлые головешки, существование Бога не отвергаем, но не как личности, а всеобщего космического разума. И цитатки у них подобраны, под очередную душепагубную теорию. А я лежу и думаю, – улыбка исчезла с губ от. Антония, – это бы их рвение да на учебу, а не учительство! Закончили они и ждут, что скажу. А что сказать, сказать-то и нечего – глупость одна! На глупость и отвечу глупостью! А беса вы видели, говорю?! Ну, они обиженно в ответ: «Мы с вами серьезно, а вы шуточками!» А я им в ответ, что, дескать, вы и Евангелие дерзаете цитировать, да и со святыми отцами, с творениями их знакомы, а разумения нет! Вы пришли найти подтверждение вашим суемудрениям и, прежде всего, мысли о ненужности Церкви, о Ее не необходимости в деле спасения, увы, я Вам не помощник! Да, сидел. Да, не был принят в клир нескольких епархий. Но разве это может быть поводом для хулы на Церковь с Ее догматами?! Вы Евангелие пытаетесь обратить против Церкви, а кто дал-то Его вам, как не Апостольская Кафолическая Церковь! А за беса я вам не шутки ради, это не шутки - его видеть, перечитайте преп. Серафима Саровского или Свт. Игнатия Брянчанинова!

Молчат, а что им сказать, сказать-то нечего – увидеть, значит узнать, а узнать – это уже не вера, а знание! А разговор о вере. О вере, вроде бы, как и легче говорить – вера, попробуй, узнай где правда, я верю в то, а он – в иное! На первый взгляд – все логично! Увы, только на первый!»

Старец замолчал. Мои спутники, чувствуя усталость от. Антония, стали подниматься со своих мест и прощаться. Я последовал их примеру, хотя из этого дома, казалось, и не выходил бы, такое спокойствие и умиротворение были в душе. Мы раскланялись, и вот, уже у дверей, я услышал голос Старца: «Отец Александр, а мы с Вами-то, уже и знакомы!» Что-то дернулось у меня в груди, да, действительно, было нечто знакомое в разговоре от. Антония, но что?! «А помните, Верхнедонское, а, отец Александр?!»

Я вспомнил. Это были страшные страницы моей жизни, страшнее и придумать нельзя. Настигло горе, хотя, если быть точнее, признаки горя, не хочу возвращаться даже так в то время, но две ночи мы с матушкой не спали. Воскресный день, я служить не могу. Прихожане все знают нашу трагедию, сошлись в храме и читают акафисты. Дело было где-то в 9-10 утра, ко мне подходит молодой парень и говорит: «Батюшка и матушки велели передать Вам, от. Александр, чтобы Вы не переживали, не предпринимали ни каких действий, но молились! Все уже разрешилось, все хорошо!» Честно, я от его слов, оторопел

– какие батюшка и матушки?! Жил в поселке мой предшественник по настоятельству, выходец из Львовской области, запрещенный в священнослужении, но к таким делам он уж меньше всего! К нему приезжали за запчастями для иномарок, для перепродаж каких-то, но подобное!!! А тут – батюшка и матушки!

Паренька я знал не плохо, частенько он просился на клиросе что-то читать, старался, очень хорошая дикция, но службы посещал как-то не регулярно. В ответ на увещевания, Виктор, а так его звали, не оправдываясь, отводил взгляд и старался перевести разговор на другую тему. Не очень все это было понятно. Поэтому, когда он попросил характеристику и благословение для поступления в семинарию, то я ему отказал. И вот опять нечто неудобовоспринимаемое! «Кто, кто, Витя?!», «Отец Александр, ну, Вы же знаете, что в поселке живут монашки еще царского пострига? Так вот, когда я не на службе – это я у них, у матушек. А сейчас у них гостит от. Антоний. Все молились и вот, велели Вам передать!»

Поселок был своеобразный, кого тут только небыло. Не буду говорить про сектантов, «истов» – баптистов, иеговистов и иже с ними души губят, тут были организации и по страшнее. Очень сильная и большая секта «сатанистов». Вообще в Верхнедонском было очень много бесноватых. Древняя легенда гласила, что в этом месте было капище идольское, и такое капище, что к нему съезжались как древние народы, так и ногайцы, татары со всех сторон. Греки построили храм в честь Димитрия Солунского-мироточивого где-то в первой половине "пятнадцатого века (сохранилась икона от освящения храма – дата 1514 год). Но черные дела в поселке не прекращались. Дивным образом Господь хранил Свой дом, ни снаряды его не брали, ни сатанисты-большевики не могли взорвать по той или иной причине.

О существовании на приходе старушек-монахинь я узнал едва ли не в день первого Всенощного бдения. Матушки поселились здесь давно, с тех пор, как где-то в конце 50-х были взорваны храмы во всех окресных поселках. Говорили, что самые старые из них уже и не поднимаются. Уход же лежит на более молодых, живших при матушках.

Как-то приходские проблемы отвлекли от этого вопроса, да и внимания особого всему не придал, но вот однажды, после Литургии, мне староста и говорит: «Батюшка, матушки на службе были, свечи покупали, ставили и заказали Литургии и о здравии, и об упокоении!» И говорит все это с таким восторгом и радостью. Я не понял. А он отвечает: «Батюшка, матушек здесь в поселке все очень уважают. Когда назначают нового священника – они приходят или присылают кого-то из своих, дабы посмотреть, как служба правится. Если правильно, то они ходят, если нет, – и свечи не купят! И на них смотрят все местные жители!»

Великим Постом они приходили и принимали Святые Тайны. Еще раз я с ними столкнулся, а, точнее, услышал о них, когда была назначена Архиерейская служба по поводу мироточения иконы в храме. Машина Святителя приехала, а Его – нет! Келейник молчит, протодиакон загадочно улыбается, а водитель признался – Владыка у матушек, у них сейчас от. Антоний. Удивлению моему предел трудно было определить! Но опять суета все затмила, и я даже не поинтересовался, кто же этот батюшка. И, как показало дальнейшее, напрасно.

«Витя, – спрашиваю, – ну, ладно, матушки, а батюшка так кто?!» «Как кто – от. Антоний! Он у них постоянно бывает, Литургии служит, исповедует, причащает, наставляет всех нас, кто же еще! Он о Вас тоже молился, всю ночь, сказал, чтоб Вы успокоились, уже все хорошо!»

Я этого «хорошо» в тот момент не видел! Но вошел в храм, - сотни людей молились, читался акафист. Как-то само собой стал на колени, взял в руки «Акафистник» и... со слезами стал служить молебен. О том, что все уже действительно хорошо, я узнал только вечером. И вот тогда возник действительно серьезный интерес к этому старцу – от. Антонию.

Я его увидел. Была какая-то праздничная служба Великого Поста. Начинаю каждение после Проскомидии, и тут подскакивает старший пономарь, и едва не кричит: «Батюшка, от. Антоний, в храме!» Выхожу на каждение, и сразу взгляд останавливается на величавом старце, в подряснике и теплой, несколько старинного покроя, рясе. После каждения, на часах, выхожу и приглашаю священника сослужить. Он вежливо отказывается, сославшись на то, что будет служить в другом храме. И все. На малом входе его уже в храме не было. Потом был перевод, новый приход и все растаяло в суете дней текущих. Сейчас опять слышу знакомый голос.

«Помню, от. Антоний, вспомнил!» «Ну, так, провожатых Вам не надо, я мню, отче. Наведывайтесь, если между трудами праведными время будет! Я, правда, слышал, уж так Вы нас, старцев не любите, и все-то мы дремучие, и все-то мы невежды, да и крест Христов нести не хотим, восхищаем чужое стадо, вообще, все беды от нас, а, святой отец?!» «Листочков двух одинаковых не найти, что уж говорить о людях, от. Антоний». «Вот, вот, я тоже о том же. Так утром завтра я Вас жду!»

Мои спутники уже давно вышли и были удивлены тем, что я замешкался. А я ждал утра. Еще и еще раз прочитывал строки Св. Игнатия (Брянчанинова), жизнь Оптинских старцев, соизмеряя все с происходящим, ища ему должное объяснение.

Земные пути.

Утром я опять в машине и опять уже знакомый путь к старцу. Та же женщина у входа, только теперь ко мне обращены ее приветствия да во взгляде есть некоторая таинственность – взгляд человека, который знает несколько больше, чем должен и чем знают окружающие. «Молитвами...» «Аминь» – слышится из-за двери, – «Да он вас давно ждет, – уже шепчет женщина, – идите скорее, батюшка!» Я вхожу и теперь спокойнее осматриваю келью старца. Увы, чего-то необычного не нахожу: иконы на беленых стенах, в рушниках; в святом углу два ящичка – один больше, другой маленький. В доме священника, или, правильнее в данном случае сказать, в доме его пребывания, подобное вопросов не должно вызывать – крестильный и евхаристический набор, вероятно, с Антиминсом.

Поясню, для людей не знающих, о чем идет речь. Антиминс – это шелковый плат с вытканым или нарисованным, как правило, изображением Христа в гробу и подшитыми к нему мощами мученика, малой частью их, естественно. Так вот, только на Антиминсе совершается Божественная Литургия, точнее, та важнейшая часть Ее, во время которой происходит пресуществление Святых Даров – превращение хлеба и вина в Тело и Кровь Господни. Обычно Антиминс благословляется Архиереем для службы в конкретном храме, но в моменты нестабильности в обществе – будь-то война, революции, опасность раскола или чуждого религиозного засилья, как, скажем, было при введении на Украине униатства, архиереи наиболее стойким в вере священникам, благословляли Антиминсы специально для службы «аще где прилучится». Много Антиминсов оказалось на руках у духовенства при закрытии и уничтожении храмов большевиками. Одним словом, редко у кого из священства того периода не было своего Антиминса, поэтому, наличие его у от. Антония не вызывало сомнения.

«Что, отче, Святости взгляд притягивают, правда?» Поздоровавшись священническим приветствием и целованием, я, по приглашению старца, присел на стул возле его кровати. Разговор как-то не клеился. От. Антоний, в белом стареньком подряснике также полулежал, только выражение лица былое иное, чем вчера – глубокая задумчивость, даже некая поволока печали на челе.

«Батюшка, может я не вовремя?» – спрашиваю старца. «Да, нет, что ты, что ты, я ведь сам звал. Просто вот задумался о днях минувших, грех-то пути Господни взыскивать, ан нет, все возвращаюсь туда, в прошлое, все пытаюсь понять как, что и зачем».

«Вы, говорят, еще царский потомственный протоиерей?»

«Да что ты, Бог с тобой! Если бы нам всем в то время подобное понимание веры и места Православия в жизни России, так, глядишь, и революции бы не было. Нет, я из служивой семьи, отец инженер на немецком заводе. В то время, это было положение! Свой дом, выезд, в доме – полная чаша, прислуга, конюхи и все, что требовалось. Семья православная, но дух времени безбожия и увлечения Европой, не мог не отравить духовную атмосферу. Мама, урожденная дворянка, родилась и выросла в деревне, в имении деда, была более набожна. Хотя, скорее, эта набожность была больше сродни обрядности. Но, правда, с нищеприимством старой эпохи. На кухне у нас всегда кто-то кормился – то калека сирий, то солдат-инвалид... Отец смотрел на все это спокойно, как на милую странность супруги, но участия не принимал.

Образование я получить толком-то и не успел, – слушал лекции в университете. К сожалению, и не только лекции. Каких только партий не было на курсе, сейчас и не вспомнить! Но суть-то у них была одна – развалить, а потом строить. Чем-то страшным веяло от всех этих учений, адским духом человеконенавистничества. А люди шли и слушали, и слушались! Это как человек заглядывает в пропасть – одно неловкое движение и все, смерть, а его тянет заглянуть еще и еще раз! Не хотели слышать голос праведников, но шли за негодяями. И пришли.

Вначале война, казалось, люди образумьтесь, вот она, кара Божия. Нет, не вняли, и пошли революции. Я, к этому времени, изменил образ своего мировоззрения, оставил светскую науку и поступил в семинарию. Страшно было за стенами Троицы, но как покойно и трепетно совершались службы в храмах Лавры! В свободное время я сидел в академической библиотеке и читал, читал, читал... Все пытался понять происходящее и предугадать будущее. Дерзновение молодости, упование на разум! Благо, схимников старцев хватало, успели подготовить к жизни: уже не так чтение притягивало, как молитва и молитвенное общение. Споры же и дискуссии, всегда весьма доказательные для всех участвующих сторон, вообще воспринимались пустой тратой времени.

Страшное, но и интересное времечко было, – мученичество очищало Церковь. Если приходила новость, то всегда плохая, а чаще, очень плохая, еще чаще – ужасная! Погибли родители, и решение было принято – монашество, жизнь в миру была для меня просто невыносима. И вот постриг и две хиротонии. Почти сразу с возложением креста на перси, принял крест и на рамена – арест, лагерь, ссылка... Потом, опять арест и лагерь, вообще, все как у людей, не стоит об этом много говорить».

«От. Антоний, а как была воспринята духовенством декларация 27 года?» – перебиваю я старца.

«А как она могла быть воспринята? Архиереями – по-разному, я так слышал, сам с ними мало общался. Духовенством низшим – спокойно, достаточно спокойно. А что там было такого, чего бы не было в истории Русской Православной Церкви?! Резало слух слово «советская родина», или как-то чуть иначе, суть одна. Да ведь тогда слова «Россия», «русский» были сплошной белогвардейщиной! Сами виноваты, нет у врага возможности заставить человека согрешить, понудить силой, нет. Он лишь предлагает грех, а ты уж волен выбирать. Это частное согрешение, но из личных грехов вырастает и грех народа. Что, одни жида оскверняли храмы и входили в союз безбожников?! Нет, конечно. Но это отдельный разговор. Да, так на чем мы остановились, от. Александр?»

«Арест, лагерь, ссылка...» – напоминаю тихонько. И от. Антоний продолжил свой неторопливый рассказ.

«Выпустили меня после войны, – ходить не мог, так болезнь извела, а срок кончился. Подучил меня один солдатик к нему на родину отправиться, да к кому обратиться сказал. Люди сердечные, верующие, они меня за лето и отходили. В соседнем поселке работу нашли, –кочегаром устроился. К местному архиерею я не обращался, побоялся, наслышан был от людей всякого.

Думаю, зима пройдет, отопление кончится, тогда буду что-то искать. Мне отцы дали адрес одного архиепископа, за него говорили, что он брал сидевших, – уполномоченного успокаивая взяткой да обильным застольем.

А служить хочется! Тут как-то перед Рождеством, недели, эдак, за две-три, не помню, прошла ли уже Варвара, стучат ко мне ночью. Время лихое было, голодное, холодное, а у меня – уголь, что второй хлеб! Да ладно, думаю, открою. Зашел молодой парень, лет тридцати и стоит, мнетя, не может начать. Уже я не выдержал, говорю: «Пришел, так речь держи, что, дескать, мнешься, я не кусаюсь!» А он мне как сказал, с чем пришел, так тут уж мой черед был сомлеть, – и ноги подкосились. А рассказал он вот что. У его матери, очень верующей женщины, в безбожные окаянные тридцатые постоянно останавливались бродячие безприходные священники, и монахи, и мирские, говорят, даже епископ какой-то был. Так вот, они останавливались, служили, причащали, крестили, делали все то, в чем была потребность у людей. Особенно часто появлялся старый иеромонах и людям он очень нравился за простоту, мягкий характер, безотказность в просьбах. Однажды появился монах под утро, со своим обычным чемоданом, в котором хранил все для службы и узелком в руках. Он отдал матери моего визитера чемодан, да велел спрятать – самого его уже искали арестовать. Последнее распоряжение было таково: «Не вернусь я, отдашь тому священнику, который вернется в эти края после лагерей!» И исчез.

Женщина ревностно исполнила поручение – чемодан не нашли даже немцы. И вот теперь она старая и больная, услышав, что в кочегарке якобы работает поп, отправила сына все выяснить. Дальше можно бы и не рассказывать – и так все понятно. Я не бежал, я птицей летел не чувствуя ни одышки, ни ревматических суставов, только быстрее! Вот он – заветный дом, лай неведомо как уцелевшей худой собачонки, скрип двери и мы в доме. На кровати лежит старушка, на лавке сидят пожилые женщины возле стола. На столе коптит каганец и лежит даже не чемодан, как сейчас мы понимаем, а добротнейший деревянный сундучок оббитый кожей. Его небольшие размеры заставили меня вздрогнуть, – неужели нет облачений?! А, может, евхаристического набора нет?

Я так разволновался, что забыл поздороваться с людьми да пожелать мира этому дому! «Здравствуйте, батюшка, благословите!» – возле меня стоял мужчина средних лет,

кряжистый такой, и явно фронтовик. «Бог благословит». «Я старший сын, Василий. Вот, отче, ключи – все ваше, разбирайтесь. Только одна просьба, это маму по-соборовать и отпеть, – плоха больно» «Все, что надо, – пожалуйста! Только я вскрою его у себя в кочегарке, хорошо?!» – у меня дрожал голос, руки нервно гладили заветный сундучок. Василий улыбнулся: «Я же сказал – он Ваш, от. Антоний. Юрко, – он кивнул на младшего брата, – вам его сейчас отнесет».

У меня в кочегарке был один табурет и скамеечка. Вот теперь я застелил табурет чистой рубахой, подаренной мне кем-то, положил на него сундучок, а сам, сидя на скамеечке, рассматривал свое сокровище. Коричневая толстая кожа была с тиснением, можно сказать, узорами на церковную тематику: крест в обрамлении виноградных гроздьев и листьев, в углах – купола храмов. Но вот ключ в замке, пытаюсь повернуть, – не тут-то было, ключ на месте. Что-то тут не то, состояние сундучка не позволяет думать, что замок испорчен ржавчиной. Еще раз внимательно рассматриваю сундук и нахожу скрытое отверстие, вставляю туда ключ обратной стороной, поворот и слышится легкий щелчок! После этого, и второй замок открылся. Открываю крышку, да это же просто чудо! Изнутри крышка раскладывается и превращается в маленький иконостас. Внутри уложены белые ризы. Под ними деревянная переборка, в которой, в углублениях, пристегнуты служебное Евангелие, требник и служебник. С трепетом вытаскиваю ризы и отстегиваю Евангелие – да, под ним, как и положено, в илитоне, лежит Антиминс! Есть возможность службы, радость то какая!

Вытаскиваю эту среднюю переборку. Под ней, в углублениях все – и Евхаристическая посуда, и крестильный набор, и, даже Дароносительница. Сама же переборка – это маленький столик, переносной престол. Ножки к нему тут же положены. Радости моей нет границ, но вот служить-то, где?! У меня и дома нет, да, собственно, не то, что дома – вообще жилья. Кочегарка, тут и работаю, и живу. Звали люди к себе жить, да чего их стеснять, домишки да землянки после немца-то убогие, а тут я и помолюсь, и попою. Да и опасный я жилец, того и гляди, опять взять могут. Но как же теперь-то быть.

С этой мыслью я и уснул у печей возле своего сокровища. Но если уж Господь мне дал все для службы, то вскоре я получил и место для нее – маленький домишко на самой окраине поселка, подаренный верующей старушкой. Стал служить, отправлять требы. Специально не просил ни кого о сохранении тайны, не ограничивал число приходящих на службу, но тайна сия строго хранилась. Крестил и отпевал – ночью или рано утром, едва солнышко поднимется. Денег я не брал, на что они мне, что-то получал за работу в кочегарке, одежду приносили старенькую люди, а еда – много ли монаху надо? Жив, – и слава Богу.

Так незаметно прошла зима и с ней моя работа в кочегарке. Летом было хуже – отправляли на подъем сельского хозяйства. Мне тоже выписали повестку. Скорбел сильно – столько праздников, а я и служить не смогу. Выручили бабушки, прихожанки. Они пошли к врачу, внучку которой я крестил, и объяснили, что поселок останется без священника, если Антония отправят на работы. Да и о болезнях моих рассказали, как выхаживали всем миром. Дали мне освобождение, опять был приставлен к кочегарке – ездил на Донбасс уголь по нарядам выбивать, проверял систему и пр.

Так прошло несколько лет. Меня не отпускало желание съездить в Москву, в Троицу. Дело в том, что, едва приняв постриг и сан, глядя на аресты и ссылки, я начал к этому всему готовиться. Подготовка эта состояла в том, что все необходимое мне – книги, ризы, ладан, и т.п. я начал разносить по квартирам знакомых верующих с просьбой спрятать до лучших времен. И вот теперь, глядя на то, как сохранили служебный чемодан мои посельчане, меня обуяла мысль попытаться собрать скрытое. Прежде всего, – книги по духовному

деланию, ведь ушел я в лагеря молодым монахом, монахом только по постригу, а не по деланию. Конечно, что-то осталось в памяти от назидания троицких схимников, что-то подсказали священники, сидевшие со мной, но я остро чувствовал необходимость литературы и, прежде всего – Добротолубия. Эта мысль и заставляла меня отправиться в Сергиев Посад.

Отпусков как таковых тогда и не было, все так, полулегально. Вот и мне удалось выпросить у начальства какую-то филькину грамоту на поездку в Москву. Надо сказать, что на первом этапе затея моя показалась безнадежной – тот умер, тот погиб, в квартире иного – чужие люди, хозяин, видимо, сидит. Столько лет прошло, война, чистки...

Смирившись уже с неудачей, купил я пирожок, стою, жую, и вдруг слышу: «От. Антоний, вы ли это?!» Поворачиваюсь – Господи, да не наваждение ли?! Передо мной солидный мужчина, в дорогом костюме, костюме столичного начальства, в шляпе, с кожаным портфелем в руках, кажется, абсолютно все чуждое мне, бывшему лагернику. Но нет, это он, бывший мой сокурсник по семинарии, помогавший, в частности, прятать по квартирам верующих мое нехитрое имущество. Он был младше возрастом, изрядно младше, и не успел принять постриг и сан. «Ваня!» – у меня брызнули слезы. Мы обнялись и так и стояли, невозможно было слово сказать от комка в горле. Вероятно, вид обнимающегося солидного человека с едва ли не нищим, показался странным постовому милиционеру. Он подошел, спросил у Ивана, все ли нормально, а у меня потребовал документы и долго их проверял. Впрочем, может и не долго, но так хотелось уединиться с однокашником, что минуты казались часами. Наконец, страж порядка достаточно неохотно мне их вернул и нехотя козырнул, дескать, – свободен. Мы отошли с Иваном в сторону северной стены, там меньше прохожих, и я услышал историю его жизни.

Иван был свидетелем постепенных арестов как студентов семинарии и академии, так и преподавателей. Слухи об ужасах содержания в лагерях и ссылках, а, вначале, это были больше ссылки, превосходили все допустимые и воспринимаемые разумом жестокости. В это действительно трудно было верить, но не верить было невозможно. Арестован епископ Илларион Троицкий, закрыты Московские Духовные Школы, Ивана забирают в ряды РККА. Служба в Туркестане, очищенная биография, благо, в ней не стояло, что он семинарист, а – студент. Это была меньшая провинность перед властью.

Иван идет на рабфак, в институт, и, к началу войны, делает хорошую карьеру. Способствовало ей то, что все выдающиеся головы, так или иначе, быстро перебирались из кабинетов и цехов в «шарашки» – тюремные научные заведения, это в лучшем случае. В худшем – промлаг, обеспечение страны деревом, углем, железом...

Этим обстоятельством широко пользовались молодые сотрудники – анонимка, и начальника уже нет! Не знаю, писал ли подобные опусы бывший семинарист Иоанн, но карьеру сделал и сделал серьезную по бронированным стальям. Ему бы тоже сидеть, но – война, а она, как известно, все списывала. КБ на Урале, бессонные ночи 41-го, награды 43-го, одним словом – успех. В 44-м приглашают возглавить институт в Москве, орденосец, академик, квартира в центре, внутри кольца. Для квартиры и хозяйка нашлась, – узаконивается связь с бывшей подчиненной, станочницей КБ на Урале. Правда, подчиненная в одно мгновение становится начальником, даже служебная машина большей частью в ее ведении. Молодая жена не знает о религиозном прошлом мужа, для нее он рабоче-крестьянского происхождения, атеист. В партию Иван вступил еще в Туркестане. Все хорошо, а снится Троица! Да и страшит ответ перед Богом за детей, а их двое погодок, мальчик и девочка. Периодически Иван Михайлович сбегает от жены и детей, одетый в

наиболее скромный свой наряд и едет по святым местам, да и просто посещает сельские храмы. «Хоть душу вычистить», – как выразился он.

Домой он меня не пригласил – нельзя, его институт закрытый, дом под присмотром, но то, что он мне сообщил, было просто елеем на душу. Оказывается Иван, мой друг Ваня, сохранил большую часть спрятанного в революцию имущества.

А дело было так, едва Ваня демобилизовался из Туркестана и получил направление на рабфак в Москву, он немедленно нашел и собрал все мое имущество. Собственно, это не было все, многие люди к тому времени были арестованы, а имущество конфисковано, но большая часть всего – уцелела. Понятно, что хранить это у себя, в общежитии, Иван не мог – опасно. Но в Подмоскovie поселилась его родная тетя, монашка из разогнанного большевиками монастыря, вот ей-то он и отвез мое сокровище. О тете не знал ни кто, – она была родней по матери, т.е. другой фамилии, и Ваня, и тетя абсолютно хранили тайну родства. К ней мы и направили свои стопы.

Пару часов езды электричками: у Ивана был свой безопасный план езды с пересадками, и мы у цеди. На стук в калитку, к нам выходит старушка в черном, сухонькая, маленькая с таким благостным выражением лица, что хоть икону пиши! На улице, она не высказала ни каких признаков радости от встречи с племянником, но в доме расплакалась навзрыд. «Ванечка, что ж так долго не приезжал?!» – все причитала она. «Тетя Вера, ну ты же знаешь, чего мне стоит из дома вырваться, а не то, что из Москвы! Людмила хоть и знает, что развод для меня это конец карьеры, а ревнует к каждому столбу! Третью секретаршу меняю из-за нее, хоть волком вой. Это вот отправил на моря, в Сочи, восстановили там пару санаториев, ну, и приехал» – Иван поглядывает с оправданием и на меня. Тетя Вера опустила глаза, тихонько вытирая их краем платочка, и замолчала, засуетившись возле стола.

Я стал рассматривать дом хозяйки. Удивительная простота и достоинство, ничего лишнего, но то, что есть, действительно необходимо. Домишко маленький, зал и кухонька с русской печью, которая и служила монахине кроватью. Возле печи пару махоньких, закопченных старинных икон, даже лики на них трудно разобрать.

Возле икон теплится лампада. Ухваты висят на крючьях, вбитых в стену. На полке несколько чугунков и пара тарелок. В зале большой святой угол с красивейшей, огромной лампадой, вероятно, храмовой – так она велика. На нескольких полках – стопка льняного белья. Стульев нет, стол и две лавки возле него простые, рубленные, выскобленные до белизны.

«Тетя Вера, – начал Иван, – ты не суетись, мы с от. Антонием, не на долго, сама знаешь за чем приехали. Кстати, познакомьтесь – это иеромонах Антоний, ну, а это моя тетя Вера, монахиня Сенклетикия!» Матушка взяла благословение. «Ваня мне много рассказывал о вас, батюшка, слава Богу, – живы. Я уж и не верила, что дождусь хозяина вещей, боялась, что будет с ними после моей смерти. Ан, нет, Господь устроил! Ну, тогда давайте доставать».

Мое сокровище было спрятано под печью, несколько больших деревянных чемоданов с оббитыми железом углами. В одном лежали ризы и монашеское облачение, несколько комплектов воздуха и покрывцов. Когда открыли этот чемодан, – по комнате распространился едкий запах нафталина. Хозяйка засмушалась: «Вы уж не обессудьте, батюшка, это я от моли поклала, а оно эка как провонялось!» А у меня катились слезы, я

вспоминал, как темными ночами мы, прячась, носили все это по домам. Мое монашеское облачение! Сколько радости было, когда я забрал его от Лаврских портных, а одел-то пару раз!

Ваня явно занервничал из-за задержки. Поняв это, я перешел к следующему сокровищу. Боже Ты мой, а это откуда?! В чемодане лежало с десятков Антиминсов, у меня же был только один! «Это я собрал, – тихо сказал Ваня, – что на рынке в войну, что из Туркестана привез. Там солдаты сапоги Антиминсами натирали, для блеска. Не мог смотреть на кощунство. Сам не стал священником, думаю, хоть так послужу».

Кроме Антиминсов, в чемодане были служебные книги, крестильный ящик, серебряный Евхаристический набор, ладан, флакон Мирра, которое от времени невероятно загустело, и что-то еще.

В третьем ящике были книги, много книг. Я брал их и, как бы встречался со старыми друзьями, наставниками. Книги были явно не все. «Да, – как бы поняв мою мысль, сказал Иван, – много книг пропало. Не совсем удачно и доверителей нашли, – в голод двадцатых распродали, а некоторых хозяев арестовали с конфискацией имущества. Может, и оставались запрятанными по домам, но не будешь же новых хозяев просить искать, – за Библию садят, – антисоветчиной считается!» «Да что ты, Ваня, дорогой, это же подвиг просто – сохранить такое среди всего бывшего за эти годы ужаса! Спасибо, родной, спасибо!» – слезы застилали мне глаза, я едва выговорил слова благодарности.

Но это было пол дела, найти-то нашел, а провести как?! Пассажирских поездов практически нет, да и риск огромный – что милиция, а что – босяки. Опять помог Иван. Чемоданы были опечатаны и опломбированы как груз его института. Меня он переделал в «столичное», со своего плеча, выписал документы на сопровождение груза и посадил в пассажирский поезд, в мягкий вагон. Уже в поезде, в кармане подаренного пиджака, я нашел деньги и конверт с длинным письмом от друга...

Да, вот так я съездил в Москву. А дома меня ждали. Это такое необходимое чувство для человека, – что его ждут. Когда я уезжал, то не думал об этом. Но когда первый попавшийся мне человек так щедро одарил меня приветствием с теплой радостной улыбкой, стало понятно – я тут нужен, меня тут ждут.

Это сейчас не возникает вопросов, как довести вещи домой, а тогда ведь и лошадей-то похорошему не было. Меня довели и кто – участковый милиционер на стареньком, трофейном БМВ! И не только довел, но и чемоданы помог внести домой. А потом были посетители, по поводу и без, приходили люди, приходили и приходили. Я не мог дожидаться того времени, когда останусь один со своим сокровищем, со своим прошлым, но они шли. Нет, они, конечно же, не могли и догадаться, кто меня встречал в Москве, и что я приехал с деньгами, которые этим труженикам, как говорится, и не снились. Они шли с едой – яйцо, хлебушек, мука, пойманная детьми рыбка. Я поставил самовар, подарок монахини Сенклитикии, и мы пили чай, настоящий! Пусть, и реденький, и до вечера много-много раз перезаваренный, но настоящий чай!

Но вот настал вечер, мои дорогие прихожане разошлись и я один. Прежде всего, – книги, что тут осталось у меня, и времени не было особо разобрать. Главное, что увидел, так это Добротолубие на месте. Златоуст, Ефрем Сирийский, Григорий Палама, Патерики, часть книг было на греческом языке, некоторые – даже на латыни. Подзабыто все изрядно, но, думаю, разберемся. Несколько книг я увидел не своих, чужих. По всей вероятности, тетка Ивана

была хранительницей не только моего сокровища. Подписи: иеромонах Нифонт, схиигумен Павел, послушник Даниил, где вы, отцы всечестные?! И я почувствовал огромную ответственность перед Богом и святыми новомучениками российскими за то, что жив. Перед Церковью, наконец.

Последнее, меня очень мучило, как быть со службой? Об этом спрашивала в Москве и монахиня Сенклитикия, служу ли я, как она выразилась, у «сергианцев». В той обстановке было не до богословских диспутов, да и вообще я до них неохот еще с революции 14 года – надиспутировали 17-й! Но вот отсутствие законного, так сказать, служения, меня беспокоило. Кроме того, возвращение ко мне всего служебного и духовного я, во многом, воспринял как призыв к службе и не только, тайной, подпольной. Хотя, к этому времени, у нас в поселке и сложился отличный приход, приход старого понимания, не как доход на храме, а как общность людей любящих друг друга о Господе. Несколько смущало количество Антиминсов на руках, при подсчете, их оказалось около полутора десятков. Что это, просто доверие на сохранение святыни, мощей, наконец, или что-то другое? И, не мало сумняшеся, я стал искать приложение своим силам в Русской Православной Церкви Московского Патриархата.

Весьма быстро и, на удивление, без особых трудностей, я был принят в клир одной из епархий.

«Отец Антоний, – перебиваю я рассказ старца вопросом, – а как же говорят, что вас сразу не приняли, что дети отказались и прочее?».

«Да нет же, я же говорил тебе, что монах я от семинарской скамьи. Это другая история. У меня долгое время обретался некий отец Алексей. Вот он был и потомственным царским протоиереем, и детей имел, которые от него отказались. Больше всего обидел сын – фронтовик-генерал, Герой Союза, перед батькой дверь захлопнул. И на архиерея он попал так, что пока тот не почил, так от. Алексей и прихода получить ни где не смог.

Нет, со мной было все проще. Правда, перед этим, мне отказали пару-тройку раз, но без злобы, без продолжения.

Владыка, довольно молодой, но сидел. С властями так это, и не накоротке, но и не воевал. Во всяком случае, принимать ему не особо запрещали, да и рукополагал частенько. Дело в том, что хоть храмы-то и не открывали особо, но духовенство старое вымирало, все ведь прошли тюрьмы и ссылки. А если в храме не служится, то его быстренько закрывали, тут уж не церемонились.

Меня, как полагалось, вызвали к уполномоченному, заполнил я все бумажки, кажется уже все. Но уполномоченный не отпускает, затеял разговор о лояльности к советской власти. Я объясняю, что политикой даже церковной не интересуюсь, а не то, что светской. Власти, как гражданин и христианин, подчиняюсь. Противозаконного не сотворял, и впредь не собираюсь, не из страха, но по совести. Он, эдак пафосно, поощряет мои убеждения, а сам бумажечку сует, подпиши мол. А бумажечка-то на «стукачество»! Я извинился и отказался, мягко мотивируя лагерным отвращением к сексотству. Уполномоченный спокойно и без эмоций забрал подписку и сказал: «Ну, и дурак, батенька! А мы тебя в город хотели поставить, теперь пойдешь на деревню. И за то благодари, что не на стройки народного хозяйства. Донбасс вон рядом и шахт там хватает, так, что в другой раз лучше заранее меняй привычки. Иди, устраивайся».

Владыка по поводу моего визита к уполномоченному ничего не сказал, но видно было, что отношение ко мне стало более доверительным. Хотя, необходимость обустроить меня в деревне, явно его не устраивала: все ж таки уже за полсотни, монах, нет семьи, да и образование – не сегодняшнее, когда больше проходят историю коммунистической партии, чем историю Апостольской церкви. Все это, видимо, позволило Владыки выстроить некоторые планы в отношении меня, но разговор с уполномоченным многое разрушил. Тем не менее, через пару недель, я принимал приход.

Оказалось, однако, что не так волнительно было принимать, как оставлять свой. Что там говорить, в поселок я пришел больным, еле передвигавшим ноги инвалидом-лагерником. Подняли, одели, обули, дали работу и сохранили от зоркого ока НКВД. Здесь произошло все самое приятное в моей жизни после освобождения. И вот – проводы. Люди не воспринимали это как предательство, но элемент измены во всем этом был. Что сделаешь?! Прошли, канули в лету времена избрания священника на приход в Слобожанщине, тем паче, в православном мире. Я просил своих благодетелей-прихожан об одном – не вычеркивать мое имя навсегда, ведь и домик свой я не продавал, но оставлял на их попечение.

Приходская жизнь, я то и не знал ее совсем, все ее прелести и ее трудности. Кто-то доволен, кто-то обижен, тот вообще считает невозможным во время построения коммунизма служение попа-кровопийцы! На сколько было тепло Антонию-кочегару, на столько холодно стало иеромонаху Антонию, настоятелю храма. Впрочем, вскоре – игумену, а там и архимандриту.

Последнее повышение меня испугало. Во-первых, это было связано с переходом на городской приход, а разговор с уполномоченным я не забыл; во-вторых, меня пугали изменения в церковной жизни того периода. Я успокаивал себя, что это старческое брюзжание, что нет повода для волнения и вообще, каких-либо опасений, но что-то настораживало.

Прошло несколько относительно спокойных лет. Я старался постичь науку духовного делания, прихожан же пытался научить отличать белое от черного, спасительное от погибельного. В первые годы после войны это было проще: и народ, наученный войной, добрее, и запросы у людей естественней – крыша над головой да кусок хлеба. А счастьем было то, что ты живой. Потом будет сложнее: скажется и разрушительное воздействие кинематографа, да, и пропаганды тоже. Мы ведь вынуждены были на амвонах молчать, где ни где проповедовал батюшка. Много люди будут смеяться и мало думать.

Но я не об этом сейчас. Игумен, затем – архимандрит, кажется, все шло как нельзя лучше. Но что-то не давало душе спокойствия. Я стал чаще уезжать к себе в поселок для келейной службы, домашний храм я теперь уже имел благословением архиерея. Служил и служил, моля Господа открыть неправду мою, ибо почему иному потерял я мир душевный. И вот однажды за утренней, а служил я ее примерно в три утра, во время молитвы, в которой еще раз обратился с вопросом о тревожащем меня, я, даже не то, чтобы услышал, но ощутил голос: «А ты кто, Антоний?!» «Как – кто, Господи, архимандрит». «Нет, ты монах!» И в этом был ответ. Да, монах!

На утро я был в епархиальном управлении и подал прошение за штат. Долго меня уговаривал архиерей не делать этого, пришлось согласиться остаться до прихода священника в епархию, благо в то время многие возвращались из лагерей, приходили и выпускники семинарии, так что задержка не была длительной.

Старчество.

В лагерях я встречался со старцами, владеющими искусством умной молитвы. Был такой отец, что во время его молитвы снег таял! Но многое ли почерпнешь в лагере, где нет ни сил, ни время, так, азы. Да, изучил всю духовную литературу, имевшуюся у меня, но все одно, хотелось соприкоснуться со всем непосредственно. И вот теперь я отправился в путь, на поиски науки духовного делания.

Стучите и отверзится, почти десять лет я прожил у некоего старца, хранителя великой премудрости спасения, что несла людям Оптина, лишь изредка отлучаясь в свой поселок для служб. Перед кончиной, благословил он меня идти тем же путем. Вот и хромаю, грешный, по мере сил.

Видение старца Антония.

Где-то в начале семидесятых, во время служения Божественной Литургии, я сподобился первого видения. А дело было так. В то время началось повальное увлечение людей Западом и, соответственно, стирались черты, присущие славянам – неприхотливость, хлебосоольство, нестяжательство. Стыжательство, как раз, становится во главу угла нового взгляда на мир, деньги и вещи ставятся выше нравственности, духовности. И что самое страшное случилось, так это то, что образ жизни людей, называющих себя православными, очень часто, строго соблюдающими обрядность церковную, становится такой же, как и у окружающих язычников! Такая же нескромность в быту, такое же стремление к карьере, к высокому положению в обществе. Для детей из верующих семей уже ведь не вызывает душевных мук вступление в пионеры, комсомол, партию. И оправдание ведь под Рукой: «А как без этого, не в пустыне же живем, среди людей. Ну, грех, так начни разбираться – все грех, поедем покаемся». Такое легковесное отношение вызывало большие опасения за саму возможность спасения. Я перечитывал Евангелие, о последних временах особо. Апокалипсис, не давал покоя вопрос о пустыни, в которую люди должны бежать.

И вот вижу я огромное количество идущих людей, едущих людей. Некоторые, кажется, и не едут, одни – пиршествуют, другие – блудят, третьи – ближним пакости строят, но все равно, как рекой их увлекает вперед. Все они очень разные, тут и миряне, и духовенство, и военные, и политики, все, все. Большая часть людей просто рвутся вперед, а некоторые идут спокойно. На пути у них пропасть страшная, пропасть в ад. Казалось бы, все должны в нее провалиться, но нет. Большая часть людей, так и есть, летит вниз, мне видно, как тянет их туда, кого машины, кого застолья, кого деньги, кого наряды дорогие. А некоторые спокойно переходят через эту пропасть, даже сказать, над ней. Кое-кто не проваливается, но опускается в пропасть, – светящиеся мужи помогают перебраться, поддерживают. Проваливаются не только богачи, но и люди явно не располагающие большими средствами. Но у всех у них один кумир – похоть мира.

Страшно было. Из пропасти доносился не то, что стон, – вой попавших туда, и вонь. Это не просто запах, нет. Как благоуханию нет описания, благоуханию не от цветов, или травы, а благоуханию благодати, тому, что даруется Господом от мощей, чудотворных икон или еще как. Адская вонь – не просто дурной запах, как запах серы, это ощущение ужаса и безвозвратности, одним словом – ад.

Вот тебе и пустыня. И там отшельников соблазнял человекоубийца, стараясь возбудить страсть наживы, похоть, уныние. Многие падали, многие. В то же время, сколько князей и

сильных мира сего спаслось, и не просто спаслось, но прославлено Церковью во святых – они имели все, но сердце их принадлежало не тлению мира, а горнему.

Но наше время – тем и страшно, что искушения подстерегают человека везде, каждый шаг, и чаще всего, такие, что и разгадать их трудно. Сколько людей ко мне приходит, кажется, всех волнует один вопрос – как спастись, как поступить в той или иной ситуации. Но разве можно на каждый поступок, не то, что в течение дня, а даже месяца, взять благословение?! Значит нужно представлять пути соблазна, основные направления его. А они неизменны от сотворения мира, ибо дьявол не творец. Другое дело, что за многие тысячелетия он набрался опыта, и теперь его предложения человечеству сойти к нему во ад стали более изощренными, по сути, весь современный мир – это сплошное его предложение. Предложение, потому, что заставить он не может, не в его силах, но упаковать грех в соблазнительную для человека обертку, тут да, это пожалуйста, всегда слуги тьмы готовы со своим: «Чего изволите?».

Еще одна особенность сегодня, это скорый приход антихриста. Многие духовные люди говорят, что он уже родился. Об этом трудно судить, враг лукав, лукав он даже и с теми, кто ему служит. Из них многие считали себя антихристами, они являлись такими по сути своего мировоззрения и поступков, но не являлись тем, о котором говорит Церковь. Может, и родился, может, – нет, вопрос не в этом. Когда Святителя Игнатия (Брянчанинова) спрашивали о приходе антихриста, то он отвечал, что точной даты нет, приход антихриста определяют люди своей злобой. Так вот сейчас время окончательной подготовки к его приходу. Здесь и концентрация мировой власти, он ведь будет правителем не одной страны, а мира, и необходимое «озверение» человечества. Но даже этого маловато для того, чтобы все человечество поставить на колени, необходимо создать такую систему жизни, малейшее нарушение которой влекло бы за собой катастрофические для людей последствия – голод, холод, разруха. И система эта создается. Как все будет происходить, я увидел позже, через несколько лет.

Второе видение старца Антония. Поучения.

Трудно было это воспринять в те годы кажущегося советского благоденствия, не думал тогда, что и доживу до лет исполнения многого из того, что увидел.

Итак, как я уже сказал, второе видение не было продолжением первого, нет. И по времени оно было значительно позже, и по содержанию также весьма различно. Первое видение – это, своего рода, назидание, вразумление, что ли. Я просил ответа и получил его. Второе видение, совсем другого рода, свойства, можно сказать. Я ни о чем не просил, но дано было свыше увидеть то, о чем спрашивали люди, приходившие ко мне. Если первое видение можно было пересказать с большей или меньшей точностью, то второе – в принципе пересказать невозможно. Я, от. Александр, вообще первый раз попытаюсь тебе изложить это хоть в какой-то последовательности, языком светской науки – систематизировать. Но именно изложить в некоем порядке, а совсем не так, как дано было мне увидеть. Ибо мне дано было одно, для вящей пользы, для тебя и твоих прихожан, мню, лучше в иной последовательности. До этого же, все, что дано было мне увидеть, я использовал лишь в ответах на недоуменные вопросы верующих.

Еще несколько слов, не из видения, но о мироздании, дабы лучше понять последующее. Господь сотворяет все живое в единой, очень жесткой системе. Вся вселенная абсолютно связана каждым действием ее самой мизерной части, а, для разумного существа, человека, даже действием не относящимся к видимому миру, – мысли. Действия неразумных тварей, не

могут вселенной нанести урона, – они ограничены как тормозами внутренними, то бишь, инстинктами и иже с ними, так и саморегулирующими свойствами самой природы. Другое дело – человек. Он создан по образу и подобию Божьему. И как бы мы не спорили, что есть образ, а что – подобие, что стираемо, а что – не стираемо, что он, человек, имеет от рождения, а что призван стяжать за всю жизнь, в данном случае, важно другое – его действия, как в материальном мире, так и с невидимыми свойствами, отражаются на окружающей среде, на среде его обитания, на всей вселенной. Не Бог стер с лица земли Содом и Гоморру, но отрешившиеся от промысла Творца люди. Это я к тому говорю, что все беды, должные случиться с человечеством и природой, не следствие гнева Божия, ибо мы исповедуем, что он Всеблаг и Всемилосерден, и исповедуем истинно и истину. Но являются следствием всеразрушительного действия самого человечества, пошедшего даже не на поводу врага, повода нет и быть не может. Повод – это принуждение, но купившегося на уловки диавола. Ну, а теперь, собственно о видении, о том, что всех ожидает, увы, в не таком далеком будущем, некоторое же и происходит в настоящее время. И так, что увидел я о будущем.

Прежде всего, всевозможные технические катастрофы – созданная человеком система существования, по сути, сатанистская, ибо абсолютно противоречит законам Божиим, начнет ломаться. Будут падать самолеты, тонуть корабли, взрываться атомные станции, химические заводы. И все это будет на фоне страшных природных явлений, которые будут происходить по всей земле, но, особенно сильно – в Америке. Это ураганы невиданной силы, землетрясения, жесточайшие засухи и, наоборот, потопообразные ливни. Будет стерт с лица земли жуткий монстр, современный Содом – Нью-Йорк. Не останется без возмездия и Гоморра – Лос-Анджелес.

Кажется, трудно будет на земле найти такое место, где человек чувствовал бы себя спокойно, в полной безопасности. Спокойствие человека будет только в уповании на Бога, земля уже не даст ему защиты. Наиболее страшными последствиями разъяренная природа грозит городам, ибо они полностью оторвались от нее. Одно разрушение вавилонской башни, современного дома, и сотни погребенных без покаяния и причастия, сотни погибших душ. Эти дома, поставленные на сваях, суть – стрелах, пронзивших землю, как бы стремящихся туда, к аду, они и принесут людям адскую смерть под завалами. И тот, кто останется живой, будет завидовать погибшим мгновенно, ибо его участь еще ужаснее – смерть от голода и удушья.

Города будут собой представлять ужасающее зрелище. Даже те, которые избегнут полного разрушения, лишены воды и электричества, тепла и подвоза пищи, они будут напоминать огромные каменные гробы, так много людей будет умирать. Банды бандитов будут бесконечно совершать свои злодеяния, даже днем передвигаться в городе будет опасно, на ночь же люди будут собираться большими группами, дабы вместе попытаться дожить до утра. Восход солнца, увы, возвестит не радость нового дня, но горе необходимости прожить этот день.

Не надо думать, что на селе будет царить спокойствие и благоденствие. Отравленные, обезображенные, испепеленные засухой или залитые ливнями, поля не дадут необходимого урожая. Будет невиданный ранее падеж скота и люди, не в состоянии зарыть животных, оставят их разлагаться, отравляя воздух страшным злосмрадием. Будут крестьяне страдать от нападений горожан, которые, в поисках пищи, разойдутся по полям, готовые убить человека за кусок хлеба! Да, за тот кусок, который им сейчас в горло не лезет без приправ и соусов, будет литься кровь. Людоедство станет обычным явлением, приняв печать антихриста, человечество сотрет все границы нравственности. Для селян

ночь также период особого страха, ибо это время будет с наиболее жестокими разбоями. А нужно не только пережить, но и сохранить имущество для работы, иначе также угрожает голодная смерть. Сами люди, как и в городе, также будут объектами охоты. Со стороны будет казаться, что вернулись допотопные времена. Но нет. В то время над миром довлело Слово Божие: «Растите и умножайтесь.» Сейчас сама жизнь человечества и существо ее направлено на отвержение и благодати, и промысла Божьего. Но и это еще не конец. Я в начало рассказа поставил итог того, что предшествовало всему и не случайно. Очень часто, а, точнее сказать, зачастую, мы за малым не видим большого. К данному повествованию, за малым грехом, не видим, не хотим видеть попрания основных заповедей Господних. Господь сотворил этот мир и, как Творец, сотворил его, мир, в гармонии с Собой. Помните Его Слово о только что сотворенном: «Он хорош!» Это Бог сказал, Вседостаточный и Всеблагий, Всемогущий и Всесовершенный, Всемиловитый Промыслитель нашел творение хорошим, т.е. мир находился в гармонии с Добром, с Любовью, ибо Бог есть любовь. Человек, единственная тварь, способная влиять на существование мира, венец творения, также сотворен по образу и подобию Добра и Любви. И заповеди, данные ему Творцом, ни что иное, как назидание по спокойной и счастливой жизни в мире, в гармонии с ним. Все остальное, противоречащее заповедям, губительно как для мира, так и для всего сущего в нем, зависящего от него. Начинается все с малого, с вольного платья, коллективного обучения мальчиков и девочек, и не под водительством духовного лица, а светского преподавателя. Скоро и это название сотрется, останется одно – учитель! Учитель чего и чему? Сколько этих учителей вообще нравственно разложенные личности, разведенные, гулящие, неврастеники. Другие же, пусть и большая часть, если и сохраняют сколь человеческое лицо, то не знают и не хотят знать правил проживания в Богом созданном мире. Чему они учат-то? Учат миру не как творению Божьему, но правилам жизни в миру, как в области власти духов поднебесных! Вот оно малое, из которого вытекает страшное большое.

Моральное разложение. Сколько раз сатана пытался сделать его всеобщим, всеобъемлющим, но всегда наткнулся на грозное обличение Церкви. А для духов тьмы самое страшное – обличение. Как тать крадется в темноте и боится света, так и дьявольские наваждения наиболее действенны, соблазнительны, когда отсутствует свет истины. Мир застлала тьма довольства десятка «развитых» стран, которых враг избрал в качестве опоры в деле одурманивания всего мира. Главное ударное оружие в этом деле – лозунг свободы! Сколь кровушки пролито во всех революциях и переворотах, социальных и псевдорелигиозных выступлениях, политических и мистических распрях на алтарь беса «свободы»! Это он, восставший и низверженный, тварь, пытавшаяся присвоить себе место Творца, он – главный свободолоб. И свобода его, это не дарованная человеку Богом способность быть совершенным в каждом роде добродетелей. Нет, его «свобода» – это тягчайшие узы, цель которых, лишить человека возможности выбора между добром и злом, оставляя за ним лишь шествование в ад. Вот такая свобода и будет достигнута. И ладно бы у протестантов, они, в свое время, тоже боролись за свободу и против диктата католиков, а, придя к власти, те же баптисты, устроили такой террор и вакханалию, что и Европа содрогнулась! Но наши-то куда?! Хотя, разве можно говорить, что мы – Православная Держава.

Первая свобода, которая нужна бесу, без которой все иные рассыпятся – это свобода вероисповедания, так называемая, веротерпимость. Суть этого движения – открыть широкую дорогу, прежде всего, для молодежи, ведущую к сатане. Заметьте, отче, дорогу с односторонним движением. Попробуй противу этого-то движения, – сразу одернут. Православная Церковь, вот что не дает им всем спокойно спать! Католики уже все, они ко

всему готовы, они принимают бесовскую цивилизацию, «прогресс». Поддерживая сионизм, фактически, говорят «да» приходу антихриста.

И видел я, какие потуги делает мировое зло, дабы опорочить Церковь Святую, непорочное Тело Христово! Прежде всего, ее будут шельмовать во все газетах, радио и телевизору. Иудеи со славянскими фамилиями всячески будут выставлять духовенство, православных на публичное посмешище, издеваться над обрядами, постами, образом жизни, всем тем, что всегда являлось основой жизнеспособности народа. В саму Церковь, в среду духовенства, будут засылаться тысячи и тысячи окатоличенных разрушителей православия. При кажущемся их благочестии, дух у них – другой, чужой, и народ покинет их храмы. Будут они стоять восстановленные и построенные, но – пустые. Где ни где будет светиться огонек истинной святости и приверженности духу отеческой веры. Но кто хочет, тот найдет. Ни кто не сможет оправдаться сказав: «Господи, искал я и не нашел!» Среди тьмы безверия и безбожия по всей земле горят огоньки истины. И будет праведное духовенство гонимо и теснимо, подвергаться всяческим хулениям, не будут слуги дьявола останавливаться и перед убийствами, если будет Богом попущено праведнику принять мученический венец. Много их будет, праведных мучеников последнего времени!

А те, духа чуждого, дождутся властелина, антихриста. Но и им еще будет возможность спастись, т.е. распознать кто он, да власть и деньги закроют большинству глаза. Страшное время! А все ведь начинается с малого, – перестало духовенство носить приличествующие сану одежды, уже и бритые бороды на католический и протестантский манер – не диковинка.

Вторая «свобода», которую также всячески взращивают, это свобода моральной развращенности. Увы, люди приняли ее, и она стала неотъемлемой частью современной жизни. Блуд – не блуд, а сексуальная свобода (смотрите, как враг прячет свое действие за красивыми, на первый взгляд, словами: не блуд, а секс, не воровство, а экспроприация, и так во всем). Развращение начнется с самого раннего возраста в виде воспитания культуры полов и их взаимоотношений. Детям будут, а кое-где, уже это делается, показывать обнаженные тела, совокупление, разжигая похоть, выдавая все это за нормальное состояние. Книги и телевизор будут насыщены голыми людьми, ужасными сценами блуда. Обнаженность даже в сегодняшней одежде – это только начало. Цель много, много омерзительней – кущи Астарты и Ваала, где совокуплялись одурманенные спиртным и наркотиками сотни и сотни язычников. Вот туда, на поклонение бесам, тащат человечество поборники свобод. Кто кем побежден, тот тому и раб. В это рабство в обертке свободы и увлекаются люди.

Но и естественный блуд для слуг тьмы уже недостаточен. Как проявление истинного свободолобия, раскрепощенности мышления, будет подаваться содомский грех и скотоложство. Пропаганда этой мерзости будет невероятно сильна, едва ли не сильнее полового развращения. Случаи однополых браков предадут такой огласке, как изобретению в свое время, антибиотиков! Отовсюду будут появляться содомляне – артисты, прежде всего, политики, хозяйственники. Сodomский грех станет ярлыком ближайшего будущего. Уже сейчас устраиваются их дикие оргии в виде ежегодных карнавалов в Америке, все это будет и у нас в не менее отвратительном обличье. Всех, кто будет противиться этому засилью бесовщины, объявят как покушающихся на чужую свободу, дремучими невеждами и антигосударственными людьми, так как все государства во главу своей деятельности поставят не защиту нравственности, а защиту бесовских свобод.

Именно, бесовских, ведь и сейчас не встретишь особо православную статью, кроме собственно церковных изданий. А уж к телевидению допускают архиереев только по большим праздникам. Какую только чушь не пишут и не говорят, но нет противопоставления взглядов, точек зрения мировоззренческого характера. Хороша свобода, когда и можно только-то ругать святость! Все остальное – табу.

А началось ведь это тоже с малого и ой, как давно. Пошесть эта у нас идет с передачи церковно-приходских школ в ведение земств, светской власти. И пошли туда в качестве учителей безбожники готовить кадры для революций 17 года!

Молодежь, попав под власть сатаны совершением грехопадений, одурманенная спиртным и наркотиками, не сможет устоять перед последним призывом к аду исконного человекоубийцы, и будет кончать жизнь самоубийством. Количество наложивших на себя руки, неизмеримо возрастет. Возрастет так, что такой конец и удивления у окружающих не вызовет – как само собой разумеющееся следствие происшедшего. Тем более что количество больных страшными болезнями, связанными с похотью или неумеренностями, отравлением мира будет так велико, а страдания их так страшны, что самоубийства общество примет даже в качестве некоего акта милосердия. Пойдут даже на то, чтобы подталкивать к этому людей, объяснение же всему немудреное – все нацелено на погубление душ заблудших.

Другой страшной ловушкой дьявольской будет побуждение людей к заработкам, к увеличению личного дохода. Сама эта страсть сребролюбия пагубна, пагубна, как все неумеренное. А неумеренность ведет к разрушению природы, в какой бы сфере эти деньги не были заработаны, все одно отразится это на окружающем мире. Вторая часть этой ловушки в применении этих денег, средств. Еще раз повторю, что созданная система жизни невероятно хрупка, чудовищно хрупка. Так вот использование людьми денег, также подвержено этой хрупкости.

Что собой представляют сегодняшние деньги?! Блеф, призрак, иллюзия, как те «чудеса» дьявольские. Вся производимая техника является чем-то значимым только при множестве «если»: если есть горючее, если есть запчасти, если не высок радиационный фон, – электроника выходит из строя, можно перечислять и перечислять. К тому же, современный автомобиль без специальных мастерских и обслужить-то невозможно! Значит, стоит убрать одно из «если» и все это станет грудой ненужного металла. Пример у нас на глазах, что сейчас в цене у крестьянина – лошадь и корова.

Дальше пуще, большая часть денег хранится либо в банках, либо, в ценных бумагах. Лопнут они, эти банки, лопнут, дабы людей поставить на колени. И лопнут в одночасье, репетиции этого уже были и успешные. А предприятия останутся вследствие природных катастроф и войн. И с чем останется человек? С массой ненужных и бесполезных вещей, на приобретение которых были истрачены годы жизни, но ценность которых весьма относительна даже в благополучном мире, а мире катастроф – прах, ни что.

Помню, как женщины меня все пытали, хрусталь и ковры в доме грех или нет. Весь союз греб это в дома, в запас. А дальше что? А теперь представь себе, отключено электричество, газ и отопление, за что человек отдаст и хрусталь, и ковры? За пилу, топор и «буржуйку»? А у кого есть эти вещи?! У одного, может, из сотни-двух.

Уж коснулся вещей. Как рационально был устроен мир до безумств 19-20 веков. Одежда делалась добротной, надежной. Потрачены силы и труд на нее, так она доходила и до

внуков, вот как ценили люди свое время! И времени этого у них поэтому-то хватало на все, и в поле успеть, и в храм сходить, и за столом на празднике с родней посидеть. А что сейчас? Обувь – на сезон, одежда – на два, хорошо – три! Но на молитву времени нет, на храм – я дома помолюсь, на детей – увы, растут беспризорниками, ведь родители деньги зарабатывают. Зато живем не хуже других. А живем?! Живет только свободный, а пленник, раб - существует. Бог Сына Своего Единородного отдал, дабы нас выволить из рабства, плена греха и страстей, а мы, как евреи вышедшие из Египетского плена, ропщем и рвемся назад, в полон. Пусть и дети гибнут, и близкие унижены, да похлебка вовремя! Но похлебка эта – суть, сыр в мышеловке. Когда дверь захлопнута, но сыр еще есть, разве мышь знает, что она поймана? А ее час уже пробил, но есть сыр, и она его усердно грызет, да так счастлива свалившемуся невесть откуда вкусному обеду! Но поставивший мышеловку уже услышал, что ловушка сработала и жертва поймана. Он может сразу прийти и убить жертву, а может, дать ей переварить обед. Сразу ей покажется тесно, а потом – привыкнет. Голодно? Так и не убивают же! А конец известен. Мню, и мышь догадывается.

Да, страшные времена. Ты возьми, война последняя, для чего была развязана? Говорят, Гитлер, воинственность немецкого народа, передел Европы и мира. Коммунисты вставляют сюда империализм и борьбу за колонии. Да много чего, но суть-то не в этом, суть в возможности централизации власти, власти над миром. Любое древо познается по плоду, чтоб тебе не говорил продавец саженца на рынке, узнаешь и оценишь все тогда, когда получишь плод, дождешься его. А какие плоды войны – миллионы православных убитых и искалеченных как на нашей Руси, так и на Балканах. Главный форпост Православия на Юго-западе, Сербия, оказывается в руках хорватов, католиков – Иосиф Броз Тито хорват, и Хорватия становится наиболее развивающейся республикой. Православные области Югославии не просто в забвении, но Косово заселяется мусульманами так, как сейчас Россия и Москва.

Другой итог – Израиль. Пропагандой так было все организовано, что главное потерпевшее лицо в войне – евреи, а отнюдь не славяне или, скажем, французы. Вернусь к Балканам, у Тито воевали сербы, хорваты были с немцами, а выиграла в итоге – хорваты. Так и евреи. Во-первых, кто был загублен немцами? Большая часть, это евреи полукровки, либо крещеные, либо толерантные к вере, отнюдь не ортодоксы, а уж тем более, ни один из главарей сионизма в застенках Гитлера не обретался, – они успели выехать, ибо знали суть происходящего наперед. Но гонения, при особом освещении всего происходящего, позволили создать государство Израиль. Землицы-то им выделили, – плюнь, накроет. Но, как у нас говорят, – посади за стол. Отвоевали эту землю у арабов. Опять же, арабы террористы, а евреи – нет!

Третий итог – Европа. Что еще ее могло заставить объединиться, как не глобальная война. И вот уже можно считать, что это одна страна, от Турции до Норвегии. Все будет едино – правительство, деньги, законы. Все согласовано с Америкой, дабы при общем объединении трений не было.

Какой из итогов более важен для сатанистов? Не нам знать. Думаю, и видел, что это ступени одной лестницы, лестницы, ведущей в царство антихриста. Придет он, а тут уже все готово, централизация полная, изочтен и весь народ, каждому свой номер и карточка, а в ней все, вплоть до взглядов и мировоззрения. И проконтролировать можно будет с помощью этой карточки перемещение человека и по земле, и под землей, и под водой. Все будет.

Конечно, он захочет, чтоб поклонились ему добровольно, как мир принял Христа. Но эта та добровольность, которую выявляет скот, ведомый на бойню. Идет-то сам, а по сторонам пастухи с кнутами. Но человечество уже в мышеловке, хотя и остается толика сыра, почему и сказал Спаситель, что едва ли одна верующая душа найдется. Мы приняли условия этого мира, уже приняли, люди не просто согласились, но сами выстраивают свою систему зависимости от него, а если уж принял правила игры – будешь играть до конца, в данном случае, до Страшного Суда.

Такие страшилки я тебе порассказывал, что уж дальше и некуда. Самое страшное, однако, то, что слышать, не значит видеть, а видеть все значительно ужаснее и омерзительнее. Не все и говорить подобает, дабы картинами будущего не распалить уныние в настоящем.

Да, кажется, самое реальное, что существует в этом мире, так это смерть. Но именно в ее реальность все не хотят верить, точнее, реальность смерти соизмерять с призрачностью человеческого бытия. Призрачность не в том понимании, что это блеф, нет, у Бога обмана быть не может. Бог – это Бытия в его скоротечности и в отношении к нему самого человека, как говорится, все наши беды в нас самих. Человек к этой скоротечности относится как к вечности, отбрасывая наибольшую реалию смерти. Скажи кому-нибудь о смерти, да еще, о смерти собеседника – врагом станешь. А что, он вечно будет жить или я, или тот? Просто, мы стараемся не думать о смерти, уйти от нее по методу страуса – спрятал голову в песок и, кажется, опасности нет! Вот смотри, сколько святых ставили гроб в своей келии, зачем? Для памятования смерти, а это, как говорит Священное Предание, залог спасения. Во как! Какие люди были, истинные человеки, сыновья Божьи, а держали у себя перед глазами постоянное напоминание о смерти – гроб! И для себя, и для нас, грешных, особо, последнего времени человеков, ибо все-то нас тянет к вечной жизни на земле, уж так изловчились себя обманывать, ну, еще самое малость, и раздобудем эликсир вечной молодости.

Как ослу привязывают перед глазами морковку, дабы он бежал за ней всю дорогу, и не беспокоил хозяина остановками, так и сатана человечеству сует морковку вечной, греховной жизни на земле. Дескать, что там упражняться в духовном делании, молитве и посте, тем паче, возлюбивать ближнего, ты или поверь в то, что после гроба есть только земля сыра, в которой истлеешь сам, и гроб в труху превратится, или в то, что уже есть способы омолаживания, продления жизни, предотвращения старости, вообще, чего изволите. Если вы ну уж слишком привередливы, а жить-то хочется – заморозим! Когда разморозим, то уж точно все будет открыто, и вы будете жить вечно! Бред сумасшедшего, но верят же, верят несчастные. Да, на земле можешь соединиться с вечностью и воочию убедиться в реальности реальной вечности, а не сатанинского миража. Апостол Павел, преп. Серафим Саровский и сколько других праведников сподоблялись видеть красоты райских кущ! Равным образом, как еще большее" количество молитвенников были осеянны нетварным Фаворским светом. Да сам облик людей Бога и людей сатаны, не это ли залог реальности?

Как же спастись в это страшное погибельное время? Сейчас тут пошли некоторые теоретики рассуждать, что нельзя, мол, спастись человеку, если Бог захочет, – спасет, а так – нет, невозможно. И все это вне зависимости от трудов самого человека. Прямо, кальвинизм какой-то получается и главное, что и стремиться к спасению, опять таки, нет смысла, спастись-то нельзя. Грехи, брат ты мой, сколь душа просит, – понравишься, не понравишься, все одно от тебя это не зависит.

Ан, нет, все как раз, совсем не так. Да, без Божьей помощи спастись ни кто не может, Сам Спаситель ученикам это сказал, что уж нам-то головы ломать. Но помощь Господа прикладывается к рвению человеческому, к его трудам и стараниям. Как великий Святитель Златоуст говорил, что ты принеси все свое, а уж чего не хватит, то Бог восполнит! А рвенія-то и нет, поэтому и спасаемся скорбями да болезнями. И умеренностью, умеренностью во всем. Вещизм, потребленчество, вот страшная дьявольская узда на людях. Все поставлено на приобретение и границы этому нет.

Я начинал свой рассказ с первого видения, как проваливались люди в ад, что тянуло их туда. Так что же, нельзя иметь ни машины, ни дома, ни мебели? Как-то несколько лет назад, ко мне приехали с просьбой помолиться две русских семьи, бежавших из Грузии. Меня поразили их побег, осуществление его. Выехать уже было невозможно, все, кто пытался это сделать законно, т.е. соблюдали все формальности, дабы иметь возможность вывезти все нажитое, оформляли как, положено, свой выезд, машины, не знаю, что там еще, были на границе и по пути к ней ограблены, подвергались насилию вплоть до убийства. Мои посетители рассудили куда как мудро: «Бог дал, Бог взял, лишь бы выжить, остальное, – приложится». Они, в чем были по машинам, только теплые вещи в багажник, и бежать. Так Господь им промыслительно и жилье тут же дал, и машины смогли оформить, так все сложилось.

Вот оно, отношение к вещам, один их спасает, не думая о даже своей безопасности, как же, всю жизнь наживали. Для другого, это лишь средство, но не самоцель. Поэтому, такой человек, с таким отношением к вещам, не станет особо выкладываться на то, что называют «престиж». Да лишь бы мне было удобно. Вот это правильный подход для нашего времени сугубо. Не нужно нагребать вещей, назначение которых либо вам вообще мало понятно, либо применение их осуществится где-то там, в течение времени. Вы же их берете, потому, что у всех есть. Нельзя. Только то, что действительно необходимо и не самое дорогое, но простое и надежное. Особенно это касается одежды и одежды зимней, теплой. Принцип один – добротность, натуральная и достаточно, максимально согревающая.

Очень осторожным следует быть с электроникой, с электронными приборами. Из мнимых друзей они, в одно мгновение превратятся в явных безжалостных врагов: любой приемник является и передатчиком одновременно. Я по этому поводу не раз беседовал с людьми сведущими. Особо это касается телевизора, вокруг этого «чуда» цивилизации большие баталии ведутся. Думаю, что вопрос не только и не столько в самом телевизоре, сколько в его использовании.

У человека нашего времени с одной стороны переизбыток общения с людьми, а с другой, как это не покажется удивительным, его большой недостаток. И вот в чем тут дело – общение, равным образом, как все, что творит человек сегодняшнего дня, он творит впопыхах. Общение это происходит либо на работе, либо в дороге, когда человек не в мирном настроении – он или возбужден, или устал. Отсутствует должная обстановка для общения в состоянии успокоения.

У нашего человека огромное количество лишнего времени, я не оговариваюсь, именно лишнего, ибо свободное оно и есть лишнее. Так во всем: в пище, в одежде, в жилье. Везде лишнее чрезвычайно опасно для души. Но сугубая опасность от лишнего времени, ибо само появление лишнего времени свидетельствует об отсутствии духовной жизни, известной выхолощенности жизненного уклада. Вот смотрите, за счет чего появляется лишнее время. За счет работы? Нет, уж что-что, а работа на последнем месте не будет.

Конечно, об окончательно павших людях – алкоголиках, наркоманах, я не хочу говорить. Это тема, хоть и родственная нашей, но несколько отличная от нее.

Так вот, работа у человека современного общества на первом месте. Более того, даже верующие люди по весне занимаются садово-огородными работами, не взирая ни на воскресный день, ни на Страстную или Светлые седмицы, все едино, проявляется некая хамоуподобленность. Значит тут лишнего, свободного времени нет. Более того, все стонут буквально от его нехватки. Но ведь это свободное время есть и его огромное количество, откуда оно?!

А это то время, которое должно быть использовано на духовное делание будь-то молитва, чтение духовной литературы и, в том числе, на полезное общение, душеполезное. Тратится же это время на развлечение и только. Сатана так наставил человека организовать весь уклад своей жизни, чтобы в ней полностью отсутствовало время спокойствия, время осмысления прошедшего дня, недели, месяца. Все заменяют развлечения. И вот в этой системе развлечений, телевизору уделено почетное привилегированное место. Львиная доля свободного времени «съедается» именно ним, этим кумиром современной цивилизации. А я бы сказал, страшным деспотом и тираном, у которого под властью большая часть человечества в таком рабстве, которого еще и свет не видодал. Ибо рабы чувствуют свое приниженное положение, потому что приведены они к нему насильственным путем. А здесь рабство добровольное, даже, на первый взгляд, сладостное. И лишь горькие плоды бездуховности, жестокости, разврата указывают на то, что, как и в любом рабстве, выгоду имеет только хозяин. А рога хозяина так и проглядывают из-за экрана. Поэтому-то, телевизору в этой системе подготовки людей к приходу антихриста, уделена не только роль поглотителя свободного времени, разрушающая роль его на много больше. Смотрит человек новости, даже православный, ему кажется, что это вещь нужная и полезная, во всяком случае, не вредная. Но ведь собственно новости занимают малую толику времени, а остальное – анализ происходящего, то есть то видение происходящего, которое должно сформироваться у потребителей телепродукции. Имена заказчиков взглядов, тех, кто контролирует подаваемую информацию, называть и не надо, так все ясно. От этого, от психотропного воздействия телепрограмм, у человека уничтожается способность к собственному мышлению, осмысленному восприятию происходящих событий, и, на конец, к формированию собственного мировоззрения.

Мы начали с ущербности современного общения между людьми. Так вот корни этой ущербности лежат именно в отсутствии индивидуального мышления и осмысления происходящего в соответствии с собственным мировоззрением. И это отнюдь не оправдание исканий сегодняшнего «индивида», нет.

Я говорил, как-то, что у мамы на кухне всегда кто-то обретался. Вечером, после трапезы, ставился огромный самовар и все, кто находил приют на ночь, усаживались пить чай. Начинился разговор. Как это было интересно! Сколько назидательного было в этих рассказах простых людей. Отец подсмеивался над нашей любовью проводить вечер на кухне, считая, что образованному человеку нечего почерпнуть у людей малограмотных. Но, проведя пару вечеров с нами, он изменил свое мнение. Люди собирались все православные и мир знавшие, не по сообщениям телеведущих. Они рассказывали о тех событиях, случаях из жизни, которым сами были свидетели или слышали от очевидцев. Во всем этом искалась назидательная сторона, следствие происшедшего и как действие Промысла Божьего, и как проявление свободного волеизъявления человека. Вот в этих рассуждениях и проявлялось многообразие мысли человеческой, отличие мировоззрений.

Люди тогда умели не просто выслушать, но услышать и вообще больше любили слушать, чем говорить. Хотя, повторюсь, каждому, из присутствовавших, было что рассказать.

Отвлекусь, но вот что интересно, эти простые люди при кажущемся общем благополучии и довольстве в империи, уже тогда видели надвигающуюся катастрофу. И это было не столько следствием их общения с Оптинскими или Киевскими старцами, проповедями праведного Иоанна Кронштадтского, сколько следствием умения наблюдать за происходящим и делать выводы не на основе материального изобилия у окружающих, а на почве сохранения духовности обществом. Вот именно оскудение веры, не просто веры в существование Бога, но веры, как исполнения заповедей Христовых, и приводило к мысли этих людей, что неминуема грядущая беда. Я еще вернусь к этому «кухонному» общению, но теперь о нашей жизни.

Да, современное общение на том уровне просто не возможно. И дело в том, что даже когда люди собрались вместе, за одним столом, то их разнит, прежде всего, отношение к вере. Как сказал мудрый Давид: «Рече безумный в сердце своем – несть Бог!». Одно отрицание существования Бога это и безумие, и верный путь к безумию. И это не безумие тех язычников, которых просвещали Апостолы и Святые Отцы первых веков христианства. О язычниках сегодня Апостол сказал, что «они здравого учения принимать не будут, но по своим похотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху, и от истины отвратят слух, и обратятся к басням». Какое нормальное общение в таких условиях возможно?! Люди возлюбили говорить, но не слушать, учить, но не учиться. Что роднит всех за общим столом? Дурман-спиртное, и обильная еда, т.е. то, что на столе, но не те, кто за столом. Душеполезного в такой среде возникнуть ни чего не может, ибо о Боге, как учили святые, на сытое чрево не говорят, а уж на пьяную голову – тем паче!

И еще одно страшное зло от телевизора, но, увы, далеко не последнее. Это зло в подрыве авторитета Церкви. Подрыве планомерном и дьявольски хитром, он во всем – в насмешках над духовенством, над православными обрядами, в противопоставлении оккультики, язычества христианству, во всем. Все пропитано ненавистью к Истине. Еще не так много пройдет времени, и начнут телеорганизаторы открыто издеваться над Христом, святыми. Особой ненавистью будут пронизаны передачи о Богородице, все будет истекать ядом адской злобы. Только покрыто вуалью юмора, комедийности – «ад всесмехливый» начатое дело высмеивания всего Божьего, духовного, доведет до конца. А конец будет в том, что появится тот, кто попытается заменить собой Бога. И войдет он сразу в каждый дом. Как, как человек может войти одновременно в каждый дом?! Мы говорим, что это одно из свойств Божьих – Вездесущность, даже ангелы перемещаются в пространстве и существуют во времени. А Церковь учит, что антихрист войдет сразу в каждый дом, вроде бы тут наличествует противоречие.

Но нет, Церковь Святая Соборная и Апостольская является сосудом истины, Божественной правды. В подражание вездесущности, антихрист войдет в каждый дом одновременно с помощью телевизора. Каждый человек примет его в своем жилище и примет – добро-вольно! И примет, примет, ибо хотел быть подготовленным к этому и подготовился должным образом, ибо не внял назиданию Доброго Пастыря бежать в пустыню, не по нутру она ему – скучно сухому да еще в пустыне»!

«Отец Антоний, да где ж она сейчас, пустыня?!» – не выдерживаю я.

«А ты, благоснейший мой отче святой, умом-то не косный, да храмовая штукатурка по боле времени отнимает у тебя, чем должно, так полагаю, иначе не задал бы этого вопроса. Ну,

да прости, старого! Ударяетесь вы во внешнее, а внутреннее мало печалит. Один храм нерукотворный в душе человеческой стоит десяти храмов каменных! Увы, католичество так занесено было при окаянном Петре, а при присоединении униатов еще более, что все меряем внешним, по нему и кресты, и митры. Ты священномученика архиепископа Илариона Троицкого сочинения возьми, мудр святитель был. У меня сохранились и вырезки, и выписки с его выступлениями.

Что есть главное в пустыне – однообразие, не на чем глаз не задерживается, все одно. Строит дьявол миражи, будь-то зелень, вода, золото, на конец, но стоит обратиться ко Христу, как пишут святые пустынножители, сотворить молитву, перекреститься – все отойдет. Вот так и сегодня нужно стремиться к такому состоянию души, чтобы взгляд ни к чему не прилеплялся. Чтоб для тебя окружающее было пустыней, а увидел что, соблазняющее – помолись, перекрестись, исповедуйся. Осуждай себя, что увидел в пустыне соблазн, значит, хотел увидеть, точнее, был к этому расположен.

Что, удивлен? Вот такой пример приведу тебе, идет грибник по лесу, сколько поганок вокруг, но взгляд его не задерживается на них, нет. Но стоит только подойти к одному хорошему – сразу увидит, издали разглядит. Это хороший грибник и корзинка у него будет полна. А худой – одни поганки только и видит, где ему даже огромный боровик углядеть! И в корзинке смотреть не на что. Видел хороший грибник поганки, – видел, да внимания не обращал, взгляд не останавливал. Вот и будет рассказывать, и вспоминать хорошее, душа – растеплится.

Так и с грехом, видит человек вокруг себя один грех и грешащих, обращает на это свое внимание. Так или иначе, но он пропускает увиденное через свой разум, и становится соучастником греха. А не обрати внимания на все это беззаконие, испепеляй свои недостатки, с ними веди брань и на них негодуй – и осквернения нет. Вот тебе и пустыня. А то ведь первый раз заметил, – вознегодовал, второй – уже как бы и интерес появился, чем там люди заняты. А на третий, так и попробовать захотелось! Так оно и есть, потому и говорится о бегстве в пустыню. Но с другой стороны нужно и буквально сие понимать, потому, как полного и абсолютного контроля добиться антихристу не удастся у нас, да и на Западе видел я укрытых от его рогатых слуг – Господь не попустит. Конечно, кто хочет спасения, и ради этого покинет комфорт и удобство города, отправившись в пустынную местность, в большей безопасности пребудет. Но ведь люди будут себя успокаивать возможностью спасения везде до Второго Пришествия. Вот будут вскоре номера присваивать всем, чтоб для антихриста счет довести, потом карточки-паспорта особые вводить, тут серьезней, каждого человека положение определить можно будет. Можно обойтись без всего этого? Можно, да только торговать нельзя и купли деять, да приобретать жилье и прочее. И пойдут за номерами и этими паспортами даже те, кто себя в православных числят, в очереди за ними стоять будут. А что, Святое Писание и Предание о чем-то другом говорят?! Вот она, пустыня твоя, уповали люди на Бога, так от ангелов пищу принимали, или довольствовались столь малым, что сейчас за сказку это считают многие – вопреки же разуму!

Ох уж этот разум! Один ножом хлеб режет, а другой – человека жизни лишит. А разум, разум это хитрая штука, нет такой подлости и гадости, которую разум не смог бы оправдать, не найти причины, по которой нельзя было бы все оное сотворить. Вот и будет оправдывать и личные номера, и паспорта и... ббб! Ведь не на бездыханные тела номера ставить будут, и не будут вводить людей в состояние бесчувствия, нет, вовсе нет. Все все будут понимать, но разум найдет этому оправдание, обязательно найдет, а человек, уже внутренне подготовленный к предательству, будет успокаивать себя аргументами разума.

Горько мне, старику столетнему это говорить, но подготовка будет такая и равно подготовленность, что о высоких материях, поверьте, и речи не будет. Какое там, возлюби Господа твоего! Себя самое предадут, жену и детей, плоть свою. Апостол Любви обличал того, кто уверял в своей любви к Богу, а ближнего ненавидел, говоря: «Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит?». (1 Иоан. 4, 20.) Причем, под ближним подразумевается не столько кровный родственник, сколько окружающие нас люди. Но предатель последнего времени, это предатель и семени своего, готовый все сожрать и уничтожить ради мгновения земной жизни, не желающий прийти в разум и понять, что предает он, прежде всего – себя самого, предает не в руки земных деспотов, но на вечные мучения в преисподнюю. Предает, – передает. Вот он, рожденный и крещеный, пока находится в руках Божиих. Но у него свободная воля и понимание, где добро, а где зло, и он сознательно передает себя из сыновства Любви в рабство злу! А как там страшно!

Ты вдумайся, дорогой мой отец святой. Мать Божья боялась перехода, только перехода (!) из земной жизни к жизни вечной из-за возможной (для нее возможной, для нас – обязательной!) встречи со слугами тьмы! Боже, а люди отвергаются Тебя, передавая себя на вечно своему и Твоему врагу!!!».

Старец откинулся на подушку и замолчал. Из под закрытых век текли слезы большими каплями – одна, две, три... Губы неслышно шевелились в словах молитвы.

«Ты думаешь, – продолжил через несколько минут он, – так просто вознесенный до райских куц Саровский чудотворец готов был сам пойти во ад, лишь бы другие спаслись?! Нет, это высшая ступень любви, как совокупности совершенств, это, если хочешь, Боговидение и Богопознание. Бог Сына Своего отдал в Жертву за наши грехи, за грехи всего человечества. Апостол Павел себя предлагает в жертву за род иудейский, преподобный Серафим – себя за христиан из язычников. Они и тысячи прошедшие путем стяжания совершенств, путем Богоуподобляемости, готовы были к жертвенности ради заблудших овец. Они-то не просто читали, но познали то, что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного». (Иоан.3, 16)

«Отец Антоний, – спрашиваю, – а война таки будет?!» Старец горько усмехнулся: «О, племя неверное, доколе я буду с вами?!», помнишь такое, а, батюшечка? А я о чем речь веду, отец Александр?! Да война идет от сотворения мира, и будет длиться до Второго Пришествия Христа-Искупителя! Будет – не будет вестись война людьми, так ли это важно, точнее, это ведь следствие, а не причина. Причина ведь в духовности, в устремленности духа. Смотри, Константинополь в осаде язычников, наших с вами предков – славян. Но у осажденных, при всех их грехопадениях, сохраняется осознание, понимание, как хочешь это назови, что именно грехи-то и являются причиной всех негораздов. Бог с нами, пока мы с ним. Отвращаются греки от греха, пост, молитва и Господь являет такое чудо, когда от ополаскивания ризы Божьей Матери в море начинается буря и корабли язычников просто разметало в стороны. Сколь дивны были дела Господни, подтверждает тот факт, что после этого чуда большая часть славян приняли крещение. Вот вам и война. Вести ее надо каждому со своими грехами, войну эту. А от успеха оной брани на поприще духовном, будут зависеть и успехи в жизни земной.

Последние времена. Как только Евангелисты начинают повествовать о них, сразу пропадает необыкновенная, я бы сказал, дотошность повествования. Смотри, как Писание наполнено мелкими деталями, какая точность изложения и это понятно, ибо писали люди ведомые Духом Святым. Совсем иное, когда речь заходит о времени перед Вторым Пришествием Христовым. О чем пишут Евангелисты, – они говорят о духовном оскудении

людей. Уже это и оскудением трудно назвать, это какая-то дьяволизация человечества. Ибо они, падшие духи, носители всех пороков: гордыня, пьянство, блуд, сребролюбие, властолюбие, безбожие. И уже как следствие – катастрофы земные, это землетрясения, страшные небесные явления, болезни невиданные, войны и прочее. Именно уничтожение духовности приведет к гибели всего земного. Сам Спаситель говорил, что дня и часа конца времен ни кто, кроме Отца не знает, бдеть надо, дабы не попасть врасплох, как плохой хозяин с приходом татей. Нет даже намека в Писании на число, или отведенный срок, дабы можно было исчислить.

Но человек всегда старается проникнуть в пути Господни, сколько было попыток назвать год – пусто, не то! Неожиданен будет приход этого конца, т.е. неждан. И тут возникает ощущение противоречия, – Евангелие проповедано всей твари, мы знаем, что это один из признаков конца света, а звук Архангельской трубы – не ждан. А удивляться тут и нечему, и противоречия нет. Вот иудеи, тысячелетия ждали прихода в мир Мессии, как они изучали и Завет, и пророчества, а пришел Спаситель – в человеческом жилье места не нашлось для Богомладенца!

Потом они первые услышат Святое Благовествование из уст Самого Бога, ну, и что – будет «осанна», а, через пару дней, – «распни, распни Его»! Неудобно это Благовествование было для них. Оно нарушало их покой, привычную жизнь. Проще и доступнее было учение человеческое, учение старцев, ему и последовали. По нему и сейчас продолжают ждать прихода мессии, как царя царей, который еврейский народ сделает повелителем над всем человечеством. Получат. Получат антихриста.

Также и сейчас, все услышат Евангельские слова, точнее, будут слушать. Но не услышат. Не услышат учения Церкви, Ковчега спасения последнего времени, а пойдут за учениями человеческими, отвергнут истину, а упиваться будут баснями, как и предупреждал Апостол. Не удобно оно им, мешает созданному на основе убожества своих похотей укладу жизни. А Церковь, давшую им Святое Письмо, будут немисливо поносить и хулить. И грехи недостойных служителей будут относить к порокам церковным. Мешает им Она. Ибо Церковь является сосудом, исполненным Духом Святым, а Он – Дух Обличитель! Обличитель миру и мира. Не того мира, сотворенного Богом, мира первозданной чистоты природы и духа, но мира, увлекшегося грехом. Мира искореженного похотью, мира умирающего и стремящегося сделать соучастниками своей гибели как можно большего числа людей, а в результате этого, гибели их душ.

Как водоворот после гибели корабля захватывает в свои страшные объятия все более мелкое, так и теперь гибель мира, как области подвластной духам злобы поднебесным, будет захватывать на погибель многие, многие жизни. Отличие здесь есть и отличие существенное – эти жизни заранее были отданы греху и отцу его – дьяволу. Не видел я человека, имевшего желание спастись и шедшего этой дорогой, дорогой спасения, и не получившего сколь возможно тихой пристани. А пристань эта одна – Христос! Как сказал Апостол, ему, что жизнь – во Христе, что смерть – Христос. Вот она – тихая пристань. Тяготы и мучения для того, для кого земная жизнь – стержень всего сущего. А ведь она яркая иллюстрация не сущего, а если уж и сущего, то уж весьма кратковременного. Я о смерти, кажется, говорил, не стоит повторяться, но все же – вот где сущее! Из всего земного, наибольшая реальность!

И опять вопрос, как же так, Господь Бог – Сущий, Иегова, а наибольшей реалией в сотворенном мире определяет смерть, т.е. не существование. Но смерть – есть отторжение Сущего, отторжение Промысла Божьего, это смерть, это не сущее. Не создал Господь

смерть, отнюдь, это невозможно, чтобы Жизнь создавала смерть, чтобы Любовь порождала зло. Смерть именно в неприятии жизни, в действиях противоположных Любви, ибо Бог – это Любовь, как сказал Апостол. Поэтому-то смерть, ад с его вечным мучением, зло – это не есть природное явление, т.е. это не есть нечто, свойственное сотворенному Богом миру. Иначе пришлось бы говорить о том, что Творец – Он творец и добра, и зла. Нет, зло – есть антивеличина любви, противодействие ей. Ад – антирай, антипод его, соответственно смерть – антижизнь, то есть действие противу жизни! Что такое «Сатана»? Противник! Вот любое противление Божественному установлению и есть сатанизм, а, соответственно, смерть и мучение, ибо только в Боге благодать и жизнь.

И последний увлекатель душ человеческих на погибель не носит собственного имени, для зла это слишком много и просто не возможно, поэтому он – антихрист, анти Христос, сатана Христу, все его действия направлены с одной стороны, на подражание Христу. Прежде всего, это увлечение людей за собой добровольно, не насильно, хотя и здесь будет наличествовать «анти». С другой стороны, это абсолютное антидействие пути Христова. Путь Христов, крестный на земле и сладостный, венценосный на Небе, в обителях Царя Славы. Смертный путь антихристов и на земле не сладок, а конец его – в аду! Этим все сказано, а каждый выбирает себе что хочет. Но многие захотят быть увлеченными обманом его лжечудес. Не антихрист, но сами люди, согласившиеся принять на себя знак сатаны, знак противоборства Богу, они будут выявлять не принявших, и отправлять верных на мучения. Первые христиане принимали мучения у всех на виду, при собрании людей. Страшны будут муки исповедников последнего времени, мучения им будут втайне от окружающих причиняться. Сотворять же будут люди, наученные тут же находящимися духами злобы.

Вот оно, еще одно зло, творимое хозяевами телевидения – приучение людей к виду бесов! Уже оно идет, это приучение, со всех сторон на человека смотрят монстры. Их называют сейчас инопланетянами, еще как-то, но это – бесы. Пройдет время, и они свободно будут являть себя людям, состоя на службе у антихриста и его приспешников. Куда как трудно будет с ними бороться тогда!

И над всем этим будет довлеть голод. Голод будет двоякий – и голод пищевой, и, самое главное, голод духовный. Будут несколько неурожайных лет, засухи, все это приведет к страшному голоду. Но и не это основная причина, ведь люди привыкли потреблять пищи значительно больше того, что им требуется для поддержания жизни, много, много больше. Преп. Марии Египетской хватало несколько зерен и влаги росы, чтобы и жить, и выдерживать зной пустыни. Преп. Серафим, Саровский чудотворец, питался снытью, травой, а каждый день занимался тяжелым физическим трудом. Они напитаны были благодатью. И разве только они?! В отвержении тленного, они соединялись с Жизнью, даже тела их оставались нетленными вопреки закону смерти, внесенного в природу грехом. С людьми последнего времени происходит обратное, один из их кумиров – пища. Едят не тогда, когда хочется, а едят потому, что есть, что есть. Испытывает, знает ли современный человек вообще настоящее чувство голода? Вряд ли, иначе, зачем бы было ему столько разных приправ и специй, соусов, рецептов по приготовлению изысканных блюд. Ведь все их назначение, это вызывание желания съесть приготовленное. Действительно нуждающемуся в пище, для поддержания сил все это не нужно, куска хлеба и глотка простой воды достаточно вполне.

А горячительные напитки, притупляющие чувство сытости? Все это повторение языческих оргий. Но мы забываем, что, потребляя смерть, мы ей обрुцаемся, становимся ее заложниками. Сейчас идет откармливание человечества, именно откармливание. Ибо как

крестьянин откармливает скот и птицу, уготовленную к смерти, к забою, так и человечество уготовливается к смерти, прежде всего, духовной. Разница лишь в том, что скотина не имеет свободной воли и разума, а ограничения природные человек вытравливает отбором особей с нарушением оных. То человек имеет и свободную волю, и разум, принудить его ни кто не может, все осуществляется добровольно. Вот Жизнь, а вот – смерть. Вот Церковь – Истина, ибо является Телом Христовым и исполнена Духа Святого, а вот – пиршество смерти, вселукавые законы и соблазны мира. Каждый выбирает добровольно между ними.

О сегодняшнем дне многие будут вспоминать на Страшном Суде со страшной горечью и раскаянием, ибо не воспользовались ним для стяжания Духа Святого. Не вняли призывам Церкви напояться реками живой воды благодати Божией. Не захотели навыкнуться посту и молитве, добрым делам, духовному деланию. Стяжали смерть и смерть получают. Почему и сказано, что не оправдится всяк живой. Ведь не будет суда в человеческом понимании – прокурор, защита, последнее слово обвиняемого, нет. Осуждать или оправдывать будут сами дела человеческие, и дела и мысли. И кто что выбрал в этой юдоли печали и странствования, к чему стремился и что возжелал, то он и получит. Выбравший Жизнь – получит вечную жизнь и блаженство, ну, а уж кому смерть слаще – ад с его вечными мучениями. И, как учат святые отцы, главное мучение-то не сковородка, а отсутствие Бога! Сейчас, хотим мы этого, или не хотим, но мы постоянно имеем в поддержку Его Промыслительное действие, и так, или иначе, но напаяемы Его Благодатью. Хотя бы через Слово, сказанное при сотворении мира растениям и животным, самому человеку и самому миру. Без Промысла Божьего мир мгновенья не мог бы существовать. Последнее время потому и последнее, что действия человечества, увлеченного дьявольскими миражами, направлено на отторжение от мира Промысла. И вот тут и становится понятно, на сколько важно стяжать Духа Святого сейчас, только в этом залог спасения. Писание дни царствования антихриста называет точно – три с половиной года. Кажется, что там эти три года, но и этого хватит для того, чтоб едва ли одна душа верующая осталась, такая страшная брань будет, и настолько плохо будут подготовлены к ней люди. Не бдим, расслаблены, все, – на потом. На потом пост, на потом – молитву, на потом – усердие к принятию Святых Тайн, на потом – смирение, на потом – добрые дела. Зато пищу, да по обильней, – сейчас, жильё – сию минуту, машину – ну очень желательно. А рухнет мир, исчезнет это наваждение праха, и окажется, что гол как сокол.

Антихрист придет как избавитель от социальных негораздов, хотя, именно для этого они и будут проводиться. Силу и власть исчадие ада будет иметь несметную. Люди, готовящие его приход, уже сейчас держат в руках основные богатства земли. Мираж сегодняшнего благополучия уйдет быстрее вешних вод. Вспомним одну из тренировок, репетиций, проведенных с людьми в Советском Союзе – одни сутки и все, кто доверился банкам, стали нищими. Копили годами, кто за счет живота, кто за счет здоровья, казалось – на всю жизнь. А оказался мираж.

Теперь будет хуже, под ударом будет весь мир. Проводится все будет через государство, поэтому с ним должно быть как можно меньше контактов. Это залог и неприятия кодов в том числе. Ни каких банков и кредитов, все это контролируется одной рукой и одной головой. На поверку окажется, что рука-то и не рука, а когтистая лапа, и голова – не просто голова, а рогатая. Вместо лица же у нее звериная морда со страшным оскалом. Почему они так всех и приучают сейчас к банкам – за зарплатой в банк, за пенсией – в банк. Далекое не медленно всех сгоняют в одно стойло. Большим удивлением будет для людей, когда окажется, что и последняя копеечка в их кошельке изочтена, как это на Западе уже делается.

Что же, это не последнее удивление, увы. Весь тот каркас благополучия, выстраиваемый современным человеком, окажется стальным капканом для самого себя. Да что там капканом, в капкане пружины есть, нажми - и свободен, даже животным, пленникам это удается иногда сделать. Тут этого не будет. И будет бес подталкивать людей неверующих или маловеров к накладыванию рук на себя. Ужасно то, что будут их отпевать, предавать земле – написал, что был в момент самоубийства в состоянии невменяемости и дело готово. Как вроде бы суд такого, да и любого порядка о прощении или наказании можно вершить на земле! Это нечто вроде католической индульгенции - купил, и уже прощен. И для другого несчастного менее страшно – предъидущего же отпели, «Со святыми упокой...», прощен, а что мне мешает?! Многие и многие люди уйдут во ад под такое пение, закончив жизнь самоубийством, лишив себя малейшей возможности бороться за вечную жизнь, за жизнь в Жизни. Видел я вереницы гробов. На земле плачут и рыдают, поют упокоение, а вокруг бесы пляшут, довольные, – сколько душ погубить смогли!

И живые будут завидовать мертвым. Да, ужас болезней и войн, гибели близких; большую веру и упование на Бога надо иметь, чтобы выдержать все это. Как гордецу и сребролюбцу выдержать унижение? Ведь вчера еще он сам кричал: «Если ты умный, то почему не богатый?!» Вчера еще самодовольство перехлестывало через край, а сегодня – ни кто. На все он пойдет, и на коды, и на «ббб», и договор кровью подпишет с самим сатаной. Но тому-то это уже не нужно! И так свой, подергаешься, попрыгаешь, а там, глядишь, на шее петля – наш! Уничтожение же переносимое со смирением в дни призрачного благоденствия, вот тот мостик через три с половиной года антихристовой власти. На кого будет нацелено жало вражьего соблазна, – на верных. Не смогли их еще соблазнить комфортом и золотом, яствами и машинами, так попытаемся сейчас, под угрозой голодной смерти, соблазнить куском хлеба. Трудно, ой трудно будет сохранить душу, когда у близких, детей крошки во рту не было так долго. Только верящий в Бога, и верящий Богу сумеет удержаться от необратимого. Даст что-нибудь людям антихрист? Конечно, нет, ибо дать будет нечего. Что у него будет, кроме собранных богатств, но богатств, ценимых в том мире, который дьяволом был организован, но и им же самим и погубленный, ради удобства воцарения лжемессии! Эти пресловутые доллары будут, как в мое время, «керенки», на метры. Золото обретет истинную свою цену – ни что, как металл – никудашнее, а так, ни съесть, ни укрыться от холода. Стоимость будут иметь только функциональные вещи, вещи, без которых не возможно выживание человека – топоры, пилы, любой инструмент, простые печи из железа».

Старец закрыл глаза, опять скатилась слезинка. Казалось, что он спит, но губы привычно шевелились в молитвословиях. Я не знал, как и поступить: и молитву прерывать грех, но и на лицо была явная усталость праведника.

«Батюшка, – нерешительно начал я, – может, завтра мне лучше приехать?»

«Мил ты мой человек, отец Александр, да знаешь ли ты, что в следующую секунду произойдет, а не то, что на следующий день?! Эх, молодость, молодость, все-то назначить, все – решить. Меньше своего, меньше суеты, но больше выслушивать Бога. Просить не исполнения собственных желаний, но открытия Его Святой воли. А завтра не приедешь и не надо стараться. Появись-ка ты лучше через два дня, но не откладывай приезд на дольше. С Богом, отче!»

Только на улице я заметил, что день уже на исходе. А как одно мгновение! Только прощание как-то прошло не в тоне всей встречи, – почему это нельзя завтра встретиться? Наверное, устал старчик, подумалось мне. Каково же было мое удивление, когда дома

узнал новость – на утро быть у архиерея. Вообще-то, дело обыденное, но такое совпадение!

Как спастись.

Поручение владыки требовало отъезда из города. За один день не управился, пришлось и на второй выехать. Потом – отчет, опять к владыке. Одним словом, утром третьего дня мне меньше всего хотелось садиться за руль машины и куда-то ехать, даже к отцу Антонию. Я уж и повод придумал, как оправдаться перед ним, но из головы не выходили слова: «Не откладывай приезд на дольше!». Ладно, поеду.

Встретившая меня женщина была явно чем-то встревожена. На мой немой вопрос глазами, ответила: «Батюшка занемог, но вас ждет». О, Господи, как же я еще мог сомневаться – ехать или не ехать!

Старец едва смог чуть приподняться. При этом лицо его было удивительно покойно и благостно.

«Слушай, отче святой, что скажу. Ты обязательно что-то будешь писать про меня, грешного. Для этого и беседы с тобой веду. Случится это, хоть сейчас, хоть позже, имя изменить и о месте захоронения – ни слова. Я уже распорядился, где могилу рыть».

«Батюшка, – начал я, – рано вы об этом заговариваете...»

«Отец Александр, не трать попусту время, не так много его у меня осталось. Слушай да запоминай, может что-то пригодится для спасения.

Преддверие пришествия антихристового – хаос в жизни почти всех стран. В процветании будут те, кто, в силу исповедуемой религии, ждет пришествия лжемессии. Прежде всего, это иудеи и мусульмане. За ними те протестанты, кто, отрицая Божество Господа нашего Иисуса Христа, проповедуют царство Божие на земле. Усиление их влияния уже сейчас видно, дальше будет пуще. Главное сейчас для них – овладеть землей. Тайно будет скупаться все – и леса, и поля, и реки. Сибирь падет под китайца, может, и больше вырвут».

«Так, где же спастись удобнее?» – перебиваю я старца.

«А где Господь укажет. Важно – спастись, а не разговоры вести о спасении. Суть «чудес» антихриста будет в их обольстительности. То есть, притягивающими будут эти лжечудеса, завораживающими. Поэтому, и смотреть на них и грех, и смертельная опасность. Нужно прятаться и прятать взор. Но и это еще не все. Смысл пришествия его ведь, опять-таки, абсолютная справедливость. Пришел Спаситель не во Свое Имя, но во Имя Отца – не приняли, более того, распяли. И сейчас суть поносят и распинают, отрицая Его Божество и извращая Его учение. Этот придет – яко бог, не бог, но как бог, и его примут, признают богом за лживые чудеса, прельстивые деяния. То есть за то, что будет приятно и привлекательно для людей. Обольстительно, так более вместительно нам доносит язык славянский, церковный. Почему и сказано, что неоправдится всяк живой – не будет сему оправдания. Это сейчас, так говорливы псевдоучителя. Тогда же, когда деяния и слова оных пройдут поверку Истиной, будет видна вся лживость их.

Но примут антихриста в каждом храме на земле, и будут поклоняться ему как богу. Вдумайся, отче честный, не он себя богом объявит, но чудесами льстивыми добьется того,

что будут поклоняться ему как богу! Вот в чем ужас, вот в чем отсутствие малейшего повода для оправдания! А кто будут те, кто примет его – люди, для которых сейчас Евангелие кончается на Тайной вечери. К Голгофе же они глухи. Крестные страдания – это для Него, это все там, – в Иерусалиме 2000 лет назад.

Знаешь, когда ЧК забирала нас, мы были как овцы, не хочу сказать агнцы, чтобы даже так не сравнивать себя со Спасителем. Мы тихо шли на бойню, просто трудно было представить себе, что возможно подобное беззаконие. А ведь знали же, кто они. Сколько пророчествовали старцы об этих временах, о власти слуг тьмы. Но сидели и ждали – кто следующий. Многие ведь попались, в эти тенета лъсти. Как велики и умны были и архиепископ Иларион, мой учитель, и митрополит Сергей, и многие другие. Но ошиблись в том, что с бесами и слугами их можно договориться. Мнили, что, сохранив внешность, содержимое само собой останется. Ан, нет, только видно это стало много позже. То же и сейчас есть, но более будет через время.

«Простите, отец Антоний, а как же слова Апостола о власти, о подчинении ей?» – опять перебиваю я.

«И-и-эх, душа моя, – крикнул старец, – а Апостол Петр, не бежал ли он из Рима, когда его встретил Спаситель? А того же Апостола Павла, не спасали ли в корзине, спуская со стены? Причем же здесь принятие реалий и противоборство сатанизму? Что тебе-то примеры приводить – возьми ты великомученицу Екатерину, иль того же великомученика Георгия. Подчинение возможно только в делах, касающихся светской власти – должность свою править, вооруженных бунтов не творить. Да, и то, как сказать. Братья Маккавеи – добрый пример применения силы против оскорбляющих Бога и Божье. Пойти путем глупого смирения, так и начнешь задавать вопросы о прославлении во святых и Александра, Невского победоносца, и Димитрия, погубителя нечестивых татар на поле Куликовом. Вопросы-то вопросами, а прославил – Господь! Я, когда такие, «блаженные», вопросы слышу, вспоминаю житие святителя Василия Великого и преподобного Иова, Почаевского чудотворца. Коль страшное время для их жизни отвел Господь, ну, и что, разве не молился св. Василий о гибели императора Юлиана?! Да, я вижу, что ты хочешь сказать, дескать, Юлиан был отступником, но ведь императором и императором законным, заметь! Не от желания ли удобств наши молитвы о сатанинских «властях»?! И ведь Господь подтвердил правильность подхода св. Василия – Юлиан погиб не от земного оружия, но был сражен копием небесного воина. А преп. Иов, шел ли он на сговор с поляками? Нет, он с ними и их приспешниками, боролся всячески, даже судов не чурался праведник! А ты – власть!

Дело Божье с умом должно твориться. Если бы в отношениях властных начальник – подчиненный было только всевластие одного и глубокое смирение другого, то не было бы необходимости и в Соборности Церкви. Но если бы не Соборность, не осталась бы Церковь и Православной, – сколько раз хранителями истины оказывались одиночки, в то время как высшее священначалие – еретики?! Что уж говорить о светской власти – митрополит Филипп и патриарх Никон тому яркие примеры. И эти праведники, алкавшие правды, прославлены во святых: Св. Василий Великий, Св. Григорий Богослов, преп. Максим Исповедник, преп. Иосиф Волоцкий, да разве всех перечислять. Но тут тоже помнить надо, что, борясь за чистоту веры, они, Святые Отцы, сами были ревностными исполнителями заповедей Божьих.

Смирненное же подчинение любой власти удобно тому, кого отнюдь не прельщает жизнь по Слову. Ибо путь исповедничества, если и бывает кое-где устлан розами, но неизменно, вслед за «Осанна...», прозвучит «Распни, распни его». Это неудобство и будет поводом для

самооправдания и принятия антихриста – знания есть, а разум грехами стерся. Дескать, всякая власть от Бога, будем и антихристу подчиняться, что ж сделаешь. А то еще и добавят – на все воля Божья. Потому и говорится, что воссядет нечестивый в каждом храме, ни слова о том, кто в нем службы правил прежде. Помни пример великого старца, Саровского чудотворца, сколько икон у него было – одна, книг – с десятков, а стяжал великую славу и не от людей, но от Бога. Сейчас же у всех в домах иконостасы, книг – полные полки, да делания разумного нет! Все слушают, да мало кто внимает, отче».

«Да, уж, – подумал я, – и в мой огород камень, какую радость приносит библиотека в полторы тысячи томов!»

«Еще раз тебе говорю, не разговоры о спасении, но действия к спасению нужны как сейчас, так и тогда, чуть позже. Время оправдываться прошло, если когда и было. Только спасение, все этому должно быть подчинено. Дал Господь время спокойное и для приобретения разума, и для слышания слова Божьего, и, самое главное, для возможности стяжать благодать Божью перед страшными годами. Кто, использует это во благо, а кто, для потворствования своим похотям. Первые обрящут, а вторые, так что и было, расточат! Как и сказано, что у имущего прибавится, а у неимущего – отыметя. Бди!»

На этом наша беседа и закончилась. Еще несколько раз посещал я старца. С любовью он назидал, много рассказывал о своем детстве, но все это было уже личностным, т.е. касалось сугубо меня и моей семьи. Общих вопросов спасения в последнее время он уже не касался.

Последняя встреча.

После воскресной службы, ко мне подошла незнакомая женщина и сказала, что меня ждет отец Антоний. И немедленно. Но кроме службы были требы, ждали меня прихожане с вопросами, одним словом, отлучиться было трудно.

Примерно, через пару часов, я подъезжал к дому старца. Встретили меня сразу несколько человек с очень встревоженными лицами, явно отцу Антонию было плохо. Меня провели в его келью, в которой находилось несколько стареньких священников: одни – из белых, но несколько – монасей. Видимо, старца соборовали и Причастили Святых Даров.

Меня батюшка узнал, улыбнулся и сказал: «Все штукатуришь, отче?!» Дело в том, что в это время я занимался оштукатуриванием и окраской храма.

«Да нет, отче, – ответил я, – служба, требы».

Едва заметным движением руки он пригласил меня присесть возле кровати. Отцы расступились и тут же стали переходить в дальний угол, к столу, дабы не мешать разговору.

«Все, дорогой, призывает меня Господь. Это последняя на земле наша встреча. Отец Александр, думаю, не откажешь старику, отслужи молебен о упокоении в моем домашнем храме. Где – тебе покажут. Захочешь, я сказал людям, отслужишь и Литургию, но если сам захочешь», – повторил он.

«Отец Антоний, – комок подкатил к горлу, – да что же это, этого не может быть!». Мне была просто противна мысль, о возможности расставания со старцем. Только-только ощутив всю сладость духовного наставничества, я его терял.

«Отче, мы же с тобой несли людям главную реальность поднебесного мира, это то, что рожденный грех порождает смерть. И что эту смерть уничтожил Спаситель. Так что же ты хочешь, дорогой?! Смерть – это не есть, прости, существительное, смерть – это прилагательное, прилагательное к греховной жизни. Мы все, дети Отца Небесного, не рождены к смерти, но к вечности! О чем страждешь ты, душа моя, все и за все, слава Богу!»

По прошествии несколько дней, я служил Литургию в домашнем храме отца Антония. Душа трепетала: вот Антиминс, он еще Николаевский, тут же серебряный Евхаристический набор, вино. Нет, это не «Кагор», это было вино для Евхаристии, присланное с Афона. Отец Антоний весьма отрицательно относился к службе на кагоре, не без основания считая его не соответствующим требованиям «Известия учительного».

Потом панихида на могиле... «Со святыми упокой...

ПРОРОЧЕСТВА ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ И НАСТАВЛЕНИЯ СТАРЦА АНТОНИЯ Часть вторая (дополнения)

Предисловие.

Прежде всего, сразу хочу сказать, что книга о старце Антонии писалась не для читателя, а в стол. Почему? Во-первых, были большие сомнения в самой возможности опубликования ее. Во-вторых, в этих встречах и беседах было что-то необыкновенно личностное, потаенное, особого желания говорить об этом в слух не возникало.

В первоначальном варианте, написанном в 2000 году по «горячим следам» с надиктованных после встреч кассет, было до 300 страниц. При подготовке к печати, большая часть написанного – вырезана. Вырезаны были практически все конкретные пророчества, в частности, о катастрофе в Нью-Йорке. Причин для этого было несколько – с одной стороны, честно признаюсь, некоторое предубеждение к пророчествам вообще. Да и то, что он говорил, трудно было в полной мере сразу оценить, а уж тем более, понять – лицом к лицу лица не увидеть... Скажу больше. Уже сейчас, при подготовке к изданию второй части, была прослушана на кассете надиктовка беседы со старцем о продовольствии. Даже не столько о продовольствии, сколько об убогости сельского хозяйства на Западе. Отец Антоний однозначно считал, что невероятные урожаи и в Европе, и в Америке – блеф, мистификация и не более того. В частности говорил, что хлеб они скупают во всем мире, а если продают, то свой отравленный или купленный, но дороже закупочной цены. Вначале беседа была внесена в текст так, как и надиктовал ее четыре года назад, но сомнения одолевали. Нам ведь так вбили в голову, что на Западе переизбыток производства сельхозпродуктов, что переступить это просто невозможно, и беседа была частью вырезана, частью сглажена. Каково же было мое удивление, когда совсем недавно из официальных источников стало известно, что Канада (!) закупает пшеницу. Пришлось беседу подправить в сторону первоначального варианта.

Я ведь не был в буквальном смысле духовным чадом старца, чтобы привыкнуть абсолютному доверию, увы... Несколько встреч, встреч в непростые периоды жизни. Да, от

этого осталось невероятное ощущение молитвенности, силы духа старца и, даже трудно выразить словами, абсолютной истинности, умиротворенности, в общем, всего того, что православный ощущает при посещении намеленных мест. Вероятно, подобные этим чувства испытывает ребенок на руках успокаивающего его сильного отца.

С другой стороны, и это было наиболее довлеющим, мне хотелось, прежде всего, сконцентрировать внимание на глобальной проблеме – наставлениях о спасении души в последнее время. Кроме того, очень многое касалось лично меня, моей семьи и паствы.

Появилась книга в печати, можно сказать, чисто случайно (хотя, что бывает случайным – на все воля Божья!). В разговоре с одним духовным иноком я вскользь упомянул о старце и о книге пророчеств (в первоначальном варианте она называлась «Пророчества старца Антония»). Он был удивлен тем, что я ее не показываю, и убедил привести для просмотра. Когда же книгу прочли схимники и благословили на издание – она родилась вторично, уже для всех. Поэтому истинным «родителем» я считаю монашество, братьев во Христе. Слава Богу, что Русь Святая имеет их, одетых в черное, но с белыми душами, пекущихся о спасении окружающих!

Монахи стали сразу просить о передаче полного текста пророчеств. Я отказывал. Естественен вопрос о причине подобного. Я уже вначале сказал о том, что все встречи, все духовные наставления носили во многом личностный характер, любое прикосновение к ним, или открытие их, казались просто кощунством. Кроме того, интерес к книге, в том числе и нездоровый, особенно не воодушевлял на обработку для печати оставшегося материала, восстановления первоначального варианта текста.

Но вот книгу стали читать бывшие прихожане: когда-то был настоятелем в их храме. Большая часть, хотя я и издавался под псевдонимом, сразу поняли и о ком речь, и о чем. Пошли звонки, визиты, а дом наш открыт для каждого приезжающего. И я решился.

К сожалению, текст, вырезанный при подготовке первого издания, был безвозвратно утерян из-за заражения компьютера вирусом, распечатать его сразу, три года назад не догадались. Кроме того, прошло почти четыре года после последней встречи, многое, прежде всего хронология, уже забыто. Надиктовки на кассетах перемежались с проповедями, записями занятий воскресных школ для взрослых, в следствие чего определить последовательность оказалось просто невозможным. Поэтому вторая часть построена как одна беседа, хотя на самом деле она вобрала в себя разговор нескольких встреч.

Была еще одна проблема при подготовке. Первая часть писалась сразу после последней встречи, буквально через пару месяцев. Воспоминания были так живы, что удалось сохранить даже своеобразие речи старца. Во всяком случае, те, кто его знал и имел счастье общения, сразу поняли о ком речь. Сейчас, через четыре года, память многого не сохранила. Приходилось по крупицам восстанавливать бывшее.

Если что не вышло – простите! Могу заверить только в том, что все написанное – писалось не ради коммерческой выгоды, но ради спасения душ человеческих. Испрашивая ваших святых молитв:

Смиренный Александр, иерей Бога Живаго.

События и люди.

Так получилось, что после происшедшего в Верхнедонском, я забыл о дивном старце. Все шло как-то не так, от идиллии созданной в воображении перед хиротонией – пастырь на селе, тома перечитываемых книг святых отцов, опыты аскетизма, свои труды, от всего этого остались, как говорят, рожки да ножки. Но об этом лучше и не вспоминать.

Прошло время, служил я уже на другой епархии благочинным Н-го округа. Округ сложный из-за отсутствия достаточного количества духовенства. Очень большой – порядка пяти районов, но приезжали и считали себя прихожанами верующие и за пару сотен километров, из других округов. И вот однажды к нам во время отдыха после службы подъехали люди – просьба освятить несколько домов километров за сто пятьдесят от моего прихода. Стал отказываться – устал после службы, возможны осложнения с их местным духовенством... Но в глазах у людей была такая просьба, что пришлось отбросить надежды на отдых и идти переоблачаться.

Когда были отправлены требы, на обратном пути нам стали рассказывать истории об их необычном священнике – истопнике из кочегарки отце Антонии. Всю обратную дорогу мы проговорили о нем. Собственно, говорили они, а мы с матушкой только спрашивали, если что-то было непонятным. Рассказывали люди простые, поэтому и повествование их отличалось чистотой и образностью – как священник Антоний служил тайные Литургии, отпевал усопших, крестил, наставлял, венчал и т.п.

Рассказ этот в своей простоте просто завораживал. Невозможно было не погрузиться в перипетии всех жизненных искушений этого человека. Удивляло, пожалуй, одно – как он смог стать, если и не всегда любимым, то, во всяком случае, всегда уважаемым и верующими, и неверующими.

Мы сразу поняли, о ком ведется речь – не каждый день встречаешь праведника, и отнюдь не каждое место их рождает. Рассказ людей был напоен любовью и уважением. Священник-кочегар как некая гранитная глыба высился среди суеты и мелочности окружающего его мира! И именно эта целостность, монолитность характера так привлекала души людей к нему.

Не знаю, поймете ли вы меня, но как раз эта не поддающаяся сомнению ревность в исповедании Православия, праведность духа и вызывала наибольшие сомнения – все мы дети своего времени. А время наше – время сомнений, утери уважительного отношения к человеку, как к носителю образа и подобия Творца. Время греха, время постоянных духовных падений. Оправдание даже верующий человек ищет в одном – все вокруг грешат. Вероятно, именно это и было поводом относиться к отцу Антонию с некоторым предубеждением. Может даже не столько с предубеждением, сколько с осторожностью. Хотя и появилось в тот момент желание еще раз воочию увидеть живую легенду – отца Антония.

Встречи.

Прошло время, и мы встретились. Я не буду пытаться восстановить хронологию, последовательность встреч – в книге о пророчествах достаточно ясно все сказано. Важно, что встреча состоялась. Была возможность не только спокойно рассмотреть старца, его келию, но и вести неторопливый разговор. Обаяние личности подвижника было так велико, что сомнения в пользе такой беседы быстро отпали.

Ко времени встречи со старцем у меня накопилось множество вопросов, и все они начинались со слова:

«Почему?...». Улучшив момент, я высказал ему свои недоумения. Думаю, если бы в тот момент не прозвучал вразумительный ответ, то не состоялись бы и последующие длительные беседы.

Слова старца потрясли своей простотой и ясностью: «Отче, а за чем тебе нужны ответы?! Ответ ли на эти вопросы спасет тебя, или твой ответ на вопрос Бога о содеянных грехах, отец Александр?! Милый ты мой, отбрось все и перестань мучаться! Не во благо это. Вспомни святых подвижников первых времен христианства – они не хотели и слушать о мире, а не то, чтобы увлекаться рассматриванием язв его, потому и спасались.

И вопросы твои, уж прости отче, лучше изменить: после слова «почему...» ставить не «то и то плохое происходит», а «почему мы грешим? почему мы сотворяем негодное Богу?»».

Старец откинулся на подушки, глаза были полузакрыты, а длинные тонкие пальцы равномерно перебирали потертые четки. От постоянного употребления они казались уже не вязанными, а точеными из какой-то черной кости.

Залог спасения.

Я хотел тихонько удалиться, но старенький гнутый стул скрипнул, и отец Антоний открыл глаза:

«Убегаешь?! Чай, не обидел тебя, отче? Останься, побудь – ты ведь не очень доволен ответом, а надо разобраться. Не хочу оставлять тебя недоуменным.

Кажется, все просто, ты сам, мню, не раз говорил в проповедях о подобном. Трудно другое, трудно принять это сердцем, душой, трудно веру свою выразить делами. Вот сидели мы и тянули «лямку» лагерной жизни. Не год, не два, даже не десять. И знаешь, довольно много духовенства выживало и думаю, что во многом благодаря стяжанию умиротворенности, отрешенности от зла царившего вокруг. Сказали – сделал, и сделал хорошо, наказали – спаси Господи. Отобрали уголовники хлеб – Господь пропитает, а обидевших мя, прости, Господи, не ведают бо что творят! И все с молитвой, все от души. Но вот пошли в лагеря «строители коммунизма». С возмущением в душе они писали во все органы письма о совершенной в отношении их ошибке, что-то говорили о справедливости и пр. Ломались, и ломались очень быстро.

Вот и теперь мир все силы бросил в сей час на то, чтобы отвлечь человека от главного – Спасения. Самое страшное, что для этого используются темными силами и вроде бы благие цели и намерения. Кажется, каким благом было бы соединение всех православных церквей, русских, по-сути. И тут враг не дремлет. И увлекаются люди в «борьбу за истину»! Все, для спасения места уже нет! Все что-то доказывают, все сказанное подтверждают цитатами, какими-то подобными случаями из истории Византии и Руси... А где спасение?! Где борьба со своими страстями, со своим грехом?!

Вот как-то приехали ко мне люди, не первый раз приехали, называют себя духовными чадами моими. Увещевания слушают, да не слышат, а, значит, и не выполняют. Настаивая на своих правах духовных чад, они, не взирая на людей, собравшихся у кельи, и на то, что у меня была вдова, с которой мы молились и плакали об ее заблудшем сыне, вошли ко мне.

Послушать – исповедники веры, щит и меч Церкви воинствующей. Но все это – в страсти, вне себя, в некоем исступлении.

Выслушал их, рассадил по стульям и стал принимать братию свою смиренную, жизнью и миром униженную. Молились и плакали с ними. Я грешный не давал советов, старался, чтоб человек сам услышал голос Господа своего. Склонил выю на исполнение святой Его воли.

Так прошло несколько часов. Недоумение сменилось у моих «чад» размышлением. Потом – молитвой, а там и слезы потекли. В конце концов – стали просить прощения и благодарить за науку! А наука-то какая - мир вам, – как сказал Спаситель! Мир в душе, как залог ее спасения. Мира нет – нет и спасения. А мир – это стремление ко спасению, отрешение от всего того, что не имеет к этому никакого отношения.

Вот твои «почему». Да, это существует, да, это весьма и весьма смущает. Но ты же не думаешь целыми днями над тем, почему на небе тучи, и не светит солнце? Так, отче? Да, холодная погода летом – это не свойственно. Но подходит осень – и это уже естественно. Кому придет в голову ругать ноябрь за холод и промозглость?! Мил ты мой человек, отец Александр, да разве мы можем знать – что сейчас на духовном дворе, то ли ноябрь, то ли декабрь?! Должно знать только то, что будет еще холоднее, будет еще большая нравственная стужа, будет... А то, что сейчас происходит – воспринимай за теплый день, за сияние солнышка. На вопросы же свои ответ получишь, только они, эти ответы, будут тебе уже не нужны...».

В силу ли своего характера, или наболевшего, я не унимался и опять спросил старца: «Ну, и все же, отец Антоний, как быть, как поступать мне, священнику?». Ответ был на первый взгляд прост, но думаю я над ним и по сию пору: «А не поступаться, батюшка! Ты же говорил в Верхнедонском, мне сказывали, что Бог и в городе, и в пустыне Один и Тот же. Захочет – даст, захочет – нет! Не поступайся, вот тебе и ответ. Нет в природе, сотворенной Господом, примера, когда можно было бы столкнуться с нечистотой и не понести на себе печати этой грязи. Говорил мне один ученый человек, что когда выходят люди из джунглей, они несут на себе запах тления. Какие бы сапоги ты не одел, но, пройдя по скотному двору, и сам выпачкаешься, и запах дурной приобретешь. Сторонись греховного навоза, отче!

Вот сейчас говорят – все сотворено Господом. Да, только продукты тления не суть сотворенные, но являются результатом грехопадения – смерть едим, смертью и заканчиваем. А продукты этого соприкосновения со смертью – жизнь, только не для нас, а для растений. Господь даже это обращает к нашему благу. Нам же о смерти напоминает лишь запах животных отходов.

Оставь ты свои «почему», отче, ты ведь знаешь, хоть понаслышке, от. Алексия. Праведник! Молитвенность, исповедничество, постничество, любовь... Какой был человек! Я с ним в лагерях познакомился, да какой там познакомился – сошлись мы с ним, как две части одной разбитой вещи. Потомственный священник, потомственный! Что-то века до XIII он всех предков своих знал, все несли крест Христов. Наградной наперсный крест принимал он из рук самого императора-мученика. Страстотерпец и к руке у батюшки приложился – любил царь Николай благословение брать у простого, не столичного духовенства. А тот молодой еще, да стушевался, ну, на колени перед императором! А может, душа восчувствовала, что рядом с мучеником обретается.

Так вот, пришел Алексей из лагерей. Казалось все – и судимость сняли, и времена полегче, хоть как-то люди жить стали, а не бороться. Ан, нет – не принимают его на епархии. Мой сразу сказал: «Не возьму, своих проблем хватает», – правда дал денег на первое время. Другие же ходят кругами: ни да, ни нет. И вот один архиерей стал с ним разговаривать. Долго они сидели, часа два, если не больше. Я ждал Алексея в приемной, а приемная – коридор, ни табурета, ни лавочки, ноги-то у меня слабые, извелся весь. Не знаю, о чем уж шел у них разговор, но вышел он – как говорится, никакой. Была бы кровь, наверное, был бы красным. Я Алексея таким не видел, даже в лагерях. «Что такое, – спрашиваю, – что ты разошелся?». А он и отвечает, лучше б уж молчал, право слово, до сих пор его слова сверлят мозг: «Я ему говорю, простите, дескать, великодушно владыко, а Страшного суда не боитесь? А он мне: «То ли будет, толи нет, а пожить и тут хочется!»».

Но я не к тому, отче, я к тому, что через пол часа, час отошел отец Алексей, и по-прежнему перебирал свои четки в руках. Мню, что молитва была в том числе, и за сомневающегося архиерея. Алексей больше к этой теме не возвращался, а я – не спрашивал. Все вместе, бывшие лагерники, мы помогали ему, как кто мог. Где-то в середине шестидесятых он таки устроился на епархию. Хотя и тут ему пришлось на приходе претерпеть негаразды, да ты и сам это знаешь.[1] И все же батюшка служил без всяких «почему». Не наше это дело – «почему» выпытывать. Если бы лошадь, вол, а теперь – машина, спрашивали «почему», вряд ли бы что-то с места сдвинулось. Человек богообразен, не машина и не животное. Но эти «почему» и его могут низвести до ада!».

Старец – молился, я молчал. А что можно было сказать – даже чтоб просто «переварить» услышанное необходимо было время.

Истина и человеческие мудрования.

Молчание затянулось. Старец, закрыв глаза, шептал молитвы, перебирая четки. Я уже готов был и удалиться, но по опыту знал, что отец Антоний отнюдь не в дреме, а просто мне дает время для раздумий и молится, молится и о моем вразумлении.

«Видишь ли, дорогой отец Александр, – не открывая глаз, продолжил отец Антоний, – самое трудное для человека – это восприятие истины. Человеку проще принять какую-то точку зрения, или просто обсудить ее, обговорить, но только, если в ней заложен элемент человеческого же заблуждения. Ко мне тут довольно часто приходят и артисты, и ученые. Пытаясь говорить об Евангелии, они вначале переводят разговор на сравнения с изобретениями человека – кораном, буддистскими писаниями, и только тогда разговор начинается, вроде бы как о Евангелии. Вначале желание низведения Истины до человеческих мудрствований, а потом – разговор. И оно-то понятно – как можно обсуждать Истину?! Истина требует, или призывает к поступкам в соответствии с Собой, соответствующим Себе. А вот тут и возникают все основные трудности для нас. Поговорить-то мы можем, а вот исполнять – с этим уже сложнее. Вот и придумываются теории о том, что все религии, философские течения, это как луг с разными цветами. Все должны существовать, все украшают жизнь, без этого многообразия мир обнищает.

Хитрый пример, и возразить сразу что-то трудно. Но может эти цветы не пример воплощения человеческих суемудрений, может это пример просиявших праведников в святой Истине подвизавшихся, как мыслишь? Тогда понятно становится и другое – почему при уничтожении цветов и трав, луг сразу зарастает сорняками. И не лебедой какой-нибудь, а все ядовитыми колючками!

Ревность, тобою высказываемая, нужна только в деле спасения; своего, если речь ведем о мирянине, и паствы, если говорим о пастыре. Я тебя понимаю, увы, все не так, как нам бы хотелось. Но подойди с другой стороны – вот Ветхозаветная Церковь. Казалось бы, и дух Истины в последнее время там отсутствовал, чего стоят одни только учения саддукейские[2]?! Ан нет! Для Христа все возможно и Он оживотворяет мертвое. Но, не приняв Его, оживший было мертвец опять почил...

Впрочем... – старец как-то вдруг встрепенулся, – Нет, иудаизм почил только духовно, а так не почил, он переродился едва ли не в сатанизм! Большая беда православным будет от него. И от него и от мусульманства. Это как две ноги грядущего антихриста, сейчас они вроде бы, как и спорят, порой даже дерутся. Но когда ребенок учится ходить – тоже нога за ногу заплетается, хотя этот страшный демон уже не дитя.

Вот его ноги – иудаизм и мусульманство на глазах всего мира перечат друг другу, но это они только нас вводят в заблуждение. И ты смотри, отче, как хитро враг действует – иудаизм проповедует свободу, полную свободу от заповедей Божьих, правда не для самих иудо-евреев, а для нас всех, гоев, выходцев из язычников. А мусульманство – наоборот, кажущиеся строгости, законы, и о морали что-то там говорят... Но ждут они одного и того же, и с приходом антихристовым быстро между собой договорятся. Да, тяжело вам будет, а я не доживу...

Детей жалко... Они, рожденные в похоти, без благословения и воцерковления, суть – каиниты. Сколько их пойдет на удовлетворение низменных потреб приспешников антихристовых! Вначале они будут использовать для утех своей их тела, но дойдет дело и до блюд из них. Впрочем, и сейчас крещеные младенцы православные закалываются для жутких обрядов.

Как спастись.

Антихрист же и слуги его будут собирательны во всех своих негодных делах. Нет такого греха на земле, кроме Богоубийства, который бы они не повторили - все будет! В том числе - и поедание себе подобных. Все будет, все.

Труднее сказать чего не будет, какая только мерзость не будет ними производиться. Что поделаешь – дыхание ада... Все греховные поступки, творимые заблудшими людьми на протяжении семи тысяч лет, все будут воспроизведены за 3,5 года правления антихриста. Все! И это будет делаться не только по тому, что сын греха есть воплощенный грех, но и чтобы увлечь всех, у кого хоть какая-то в душе червоточина есть. Есть то, за что хоть как-то можно зацепить, и зацепится, дабы увлечь в омут ада. Только тот, кто сейчас в пустыне, он и сможет спастись.

Да ты не смотри так удивленно, отче! – старец приоткрыл глаза, – Речь не о песках, а о пустыне! А пустыня она для каждого может быть в разном месте. Но для всех она в состоянии души.. Помнишь того монаха, который обижался на братию, входил в гнев и покидал очередной монастырь? Но, даже обретя полное отшельничество, он не перестал гневаться, теперь уже на вещи. Поэтому я и говорю, что обрести пустыню можно и в лесу, и в большом городе, а можно не иметь ее и в настоящей пустыне. Но без обретения пустыни – не спастись!

Хотя и понятно, что вернулся наш монах не в город, а в монастырь. Город – не лучшее место для спасения даже для мирянина, а уж для монаха тем паче. А большой город и для

жизни не годится – растлевают, ибо исполнен соблазна, нечистот и духовных, и телесных. Где гордыня взлелеяла дерзкую мысль построить башню до небес? В самом большом городе того времени, Вавилоне. Где растление дошло до такого безумия, что переполнило чашу терпения Господа? В двух больших городах, Содоме и Гоморре.

Поэтому надо отрешаться от внешнего мира. И тут дело не в том, конечно же, чтобы не видеть ближних, закрывать глаза на скорби и беды ближних наших. Нет, нужно не видеть чужой грех. Это позволит не впасть в осуждение, высокомерие о своих поступках, гордыню. Кроме того, и самому лучше будет уберечься от падения. И второе, отбрасывать прилоги вражеские, стремиться не обращать на них внимания. Это еще труднее, но только исполнение всего этого и удалит нас в пустыню. Пустыню – как место, где нет ничего притягивающего взгляд, нет зримого соблазна для чувств человеческих. Кроме мыслей. Их-то, как игривых и неистовых лошадей, и надо обуздывать.

Увы, отче, сам знаешь, нет сейчас Фив, нет Синая времен Лествичника, нет и Нитрии[3]. В Нитрии, по различным оценкам, было до 300 тыс. подвижников.

Нет и пустынь, как мест особого уединения, единения молитвенного с Богом. Поэтому пустыню обрящешь только в душе, и только в ее отрешенности от мирских соблазнов, от мирского рассеяния, внимания чужому греху. Ведь когда человек внимает чужому греху, так или иначе, но он повторяет этот грех, пусть даже мысленно, но повторяет. Кем-то сотворенное рождается заново и, может быть, даже в большем неистовстве страсти. «Не судите, да не судими будете», – не стоит понимать только как ограничение на злоречие. Отнюдь. Высота Евангельских слов теряется где-то в Небесах, как нечто недоступное для полного разумения оскверненного грехом человеческого разума. Призыв к отказу видения чужих грехов, это и отеческий совет не идти стопами согрешившего.

Обсуждая чужое падение, мы сами падаем, ибо смакуем грех нашего знакомого, представляя грехопадение, возрождая его в мыслях своих. В этом и сила бесовская кинематографа. Как оценивают величину таланта постановщиков этого исчадия ада – по производимому впечатлению на желающих оскверниться потреблением продукта лицедейства: заставят их смеяться или плакать – хорошо. Рыдать и хохотать начнут – еще лучше. А ведь это ни что иное, как способ заманить смотрящего в другую жизнь, где на первом месте восседает грех!

Вот тебе и пустыня. Сто лет проводи в песках, а пустыню можешь и не обрести. И в столице, «аще хочеши», можешь ее стяжать, хотя путь и будет более тернистым. Призыв же бежать в пустыню для спасения в последние времена так и следует понимать, как даже не бегство, но удаление от всего того, что предлагает нам для соблазна мир, в том числе, и прежде всего, от открытия всевозможных чужих грехов.

Я сознательно не говорю, отец Александр, познания. Нет! Чтобы заразиться простудой, отнюдь не обязательно пить чай с больным из одной чашки – достаточно поговорить с ним на близком расстоянии. Так и с грехом, человек может и не участвовать в оргиях согрешающих, но одно слышание о грехопадениях, подробности в совершении греха, уже поведет человека по пути нечестивых. И даже если не вызовет желаний повторить, то одно воспоминание греха будет осквернять и разлагать душу человека. Вспомни праматерь, змий ее именно словом соблазнил на грех.

А для исправления в последние времена уже времени не будет. Тут: да - да, нет - нет! Увы, это не тысячу лет назад, когда можно было полжизни грешить, а оставшуюся половину –

каяться. Поэтому в последние времена, где только можно, будет вестись разговор о чужих грехах, будут смаковаться подробности грехопадений.

В прочем, уже даже не грехопадений, ибо это и падением не будет считаться, а только одной из форм проявления свободы. Кто-то будет защищать блуд, содомию, обжорство, кто-то будет все это ругать, видимо обличать. Но суть-то не в этом, цель всего этого адского театра – заставить людей обсуждать грех, причем, самые низменные формы его, вот что важно для соблазнительей. Они будут стремиться провести людей сквозь грязь и мерзость пусть и чужого, но греха. Уже и сейчас это есть, но дальше будет пуще. А имея в доме этих двоих соблазнительей – радио и телевизор, просто не скроешься от предлагаемых духовных нечистот.

Так прама-терь наша Ева вначале просто рассматривала запрещенные к еде плоды и соблазнилась их видом. Потом же стала искать оправдание претворению греха в жизнь и рассуждала так: «Дай-ка, попробую я этих плодов, говорит же змий, что будет только лучше!» И Адам, увидя, что жена жива, также соблазнился на послушание воле Божией. Что из этого вышло, все мы знаем, но в поступках своих мало чем отличаемся от прародителей. Вот и думает человек: «Все говорят, что это хорошо, а я еще сих поступков не познавал. Надо попробовать, или хотя бы посмотреть на других!» Да и включил телевизор, а там до воплощения греха действием уже рукой подать.

Внимать же надо Евангелию и истинному толкователю его, превносителю духа евангельского в мир – Святой Православной Церкви. Православие – идеально, ибо это Истина, это знание, данное людям Богом о Себе. Православие не может нести на себе родимых пятен язычества, человеческих мудрований, потому что это уже будет не Православие, а противление ему – протестантство. Люди, называющие себя православными, могут иметь и имеют множество родимых, переданных от давних пращуров, пятен язычества. Но именно эти-то люди и составляют всю полноту церковную, поэтому враг и стремится соделать в их душах еще большее число пятен от грехов, дабы опорочить святость Православия, Боговедения, Богопознания. Выставляя напоказ согрешения православных – соблазнять этим маловеров и просто людей, не стойких в истине.

Только пустыня. Только она может стать надежным убежищем для мятущейся души человека конечного времени. Вот ты, отче, рассказывал о бездомных на своем приходе[4]. А веди они православный образ жизни – исповедовались, причащались – вот тебе и спасение в самые страшные времена! Можно выжить? – можно! Даже не понимая этого, люди отвергли блага этой бесовской «цивилизации» (вот уж не люблю этого слова). Для них нет сомнения, выражаемого в «почему», они принимают все так, как оно есть: дождь – это дождь, а не плохая погода. Мороз – значит мороз: теплее оденься и не хули Бога недовольством за посланную стужу. Потому и Отец наш Небесный их питает и одевает, согревает и балует – по простоте их, непосредственности.

Мы же постоянно придумываем для себя массу вопросов, на которые либо вообще нет ответа, либо ответ на них для нас не полезен, не спасителен. Ум не должен отвлекать, мешать единению души с Богом, ни что не должно нас извлекать из пустыни.

Я не случайно сказал тебе – извлекать. Отвлекать – это одно, извлекать – совсем другое. Отвлечь можно от какого-то, пусть даже доброго дела, но чего-то временно творимого, скажем, от молитвы. «Я вот вижу по твоим четкам, только не обижайся, дорогой отец Александр, что часто тебя хозяйственные дела да инно что отвлекают от молитвы, а?»

Я даже сравнивать не стал четки отца Антония и свои – его буквально косяные от постоянного перебора и молитвы, а у меня на руке новенькие, не так давно купленные в Троице. Были домашние, повседневные, так сказать, но выезжая куда-то, всегда старался брать новые.

Старец, видать, понял те аргументы, которыми я руководствовался, беря в руку четки не вседневные.

«А знаешь, в первую войну фронтовые офицеры даже из знатных высокопоставленных семей не здорово любили, чтоб денщики и сапоги особо начищали, чтоб отличаться от тыловых щеголей. Но даже начищенные фронтовые не меняли на другие, на которых не было стольких набивок, натертостей от стремян, в общем, всего того, что выделяло истинного воина от ряженного в военного.

Четки – не сапоги, и подвижнику гордиться ними не след ни новыми, ни потертыми. Но последние, намоленные, они обязывают и призывают к молитве. Это некий мостик между простым принесением молитвы, от которого можно отвлечь, к постоянному молитвенному состоянию, непрерывающейся беседе с Богом. Но кольми паче извлечь – это уже действие сопротив самой основы жизни. Уже от состояния молитвенности отвлечь невозможно, можно только «извлечь», извлечь из жизни, чтобы поместить в смерть».

«Отец Антоний, но если говорить об извлечении из жизни к смерти, почему, как вы говорили, будет это извлечение и буквальным, т.е. извлечением из жизни земной. Собственно, уничтожением этой земной жизни», – спросил я.

«А ты вернись на начало, не заходи с конца. Что сказал Господь Адаму в ответ на совершенное противление установленному порядку:

«...Проклята земля за тебя; со скорбью в сердце будешь питаться от нея во все дни жизни твоей. Терние и волчцы произрастит она тебе...» (Быт. 3; 17, 18.) Земля наказывается за грех вместе с Адамом, с тем, кто совершил грех. Лишается некоей первоприродной благодати обильности плодоношения.

На первый взгляд – явная несправедливость. А глянь-ка ты отче, с другой стороны. Хороший царь правит страной, и держава его благополучна, благословенна. Приходит нечестивец – весь народ страдает. Человек же – венец всего творения. Вот от его-то похоти и рождается грех, а грехом – смерть. И смерть эта входит не только во всех человеков, но и во всю жизнь. Во всем грех и его спутница – смерть. Причем заметь, что Апостолы не говорят об этом, как о чем-то прошедшем, нет! Праведный Иаков сказал нам это, не оставляя никакого сомнения: «Сделанный грех рождает смерть» (Иак. 1; 15.) Не родил, но рождает! Апостол Павел, великий просветитель язычников, говорит немножко в иной окраске: «Возмездие за грех смерть...». Но смотри, смысл-то тот же. Дальше Апостол продолжает: «А дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем». (Рим. 6;23). Но дар этот, жизнь, оказывается нам и не нужен.

За один грех уже была проклята земля, лишилась дара родить только жизнь. Господь называет ее после падения прародителей прахом, землю, которая была прекрасна после сотворения, и Сам Творец сказал: «Хорошо».

Грехи жителей двух городов были причиной того, что земля, на которой они стояли, обращается в мертвое море, мертвое! Водоем, в котором нет жизни! Столько было греха,

что это вызвало абсолютную смерть. Некоторые «паломники» наши в Израиль (они ведь в Израиль едут, а не на Святую Землю, поэтому иудеи эти туры организуют с большой охотой) все благословение берут купаться в Мертвом море и подлечиться грязями. Лечить следствие собственных грехов – болезни, воплощенным в грязь и мертвую воду грехом ветхозаветных нечестивцев!

А ты, мил человек, думаешь, что сегодня греха меньше?! Да паче прежнего вдесятеро, в сто раз больше этой дьявольщины. Именно дьявольщины, ибо, словами Апостола же, «кто делает грех, тот от диавола». А значит и больше на земле смерти. Больше смерти, я бы сказал, –непоправимой. Смерти безысходной, ибо нет времени для вымаливания душ, попавших в ад. Поэтому и с землей будут происходить явления непоправимых трагедий.

Вся жизнь последнего времени – это одна сплошная беда и боль. И здесь не столь важно, кто именно виновен в той или иной, отнюдь. Сама греховная жизнь – уже катастрофа. Чем больше «цивилизовано» место проживания людей, тем больше произойдет ужасов от технических и природных апокалипсических негораздов. Видел я современный Содом – Нью-Йорк в огне, печь адская, развалины и неисчислимые жертвы. Но жертвы ли?! Жертва всегда чиста, там же гибли оскверненные, не сохранившие своей чистоты, отвергшие Истину и ввергшие себя в пучину человеческих, считай, бесовских суемудрений. Они, пытающиеся создать новое подобие Вавилонской башни, этакого процветающего государства без Бога, вне Его закона, и будут первыми жертвами его. Жертвами своих правителей, к тому же. В качестве одной из ступеней к мировому господству власти принесут на алтарь Ваалов жизни своих соотечественников. Эти власти, состоящие из людей, исповедующих выродившийся в сатанизм иудаизм, в ожидании лже-мессии, антихриста, пойдут на все, чтобы вызвать войны и трагедии мирового значения.

Но огонь и разрушения от него еще не конец, а только начало. Ибо первоначальный огонь и разрушение вавилонских башен нового времени взрывом – дело рук человеческих, хоть и по попущению Божию. Это злодеяние, как особо тяжкий грех, вызовет и природные негоразды. Взрыв в море произведет огромную волну, которая зальет новозаветный Содом. Гоморра же будет уже вскоре подвергаться разрушениям от страшных морских бурь, от воды».

«Подождите, отец Антоний, вы говорите о гибели от воды, а как же обещание Бога не насыпать новый потоп?!» – перебиваю я старца.

«А при чем тут потоп? – удивленно возражает он, – душа моя, разве не было возможности у ветхозаветных греховодников спастись? Была! Даже строителям ковчега Ной предлагал вместо платы взойти с ним ко спасению. Не захотели, отвергли. Но сейчас и не потоп главное. Что тянет людей в эти исчадия ада – современные города? Неумеренность. А кроме неумеренности еще то, от чего предостерегал и Спаситель, и Апостолы – страсть рассеянности. Разве я сказал слово о возможном потопе? Не будет общего наводнения. Паче того скажу, вода не главное. А главное в том, что грех будет разрушать землю и все стихии ее дадут людям ощутить ужас отторжения благословения Божия.

Но рассеянность, пожалуй, все же главное. Все сейчас в этом мире настроено против предупреждения Спасителя: «Бдите!». Мы не внимаем ни словам Писания, ни Святоотеческим увещаниям. Знаешь, отче, мне привозят люди много, много книг современных богословов. Скорее, авторов, говорящих на православную тему. Скажу тебе как на духу – большая часть из них пожигается. Прошу чад почитать ту, или иную, а спасения то в них нет!».

«Отец Антоний?!» – воскликнул, не удержавшись, с удивлением я.

«Нет, отче, нет! Это, дорогой мой, то, что в университетах называлось критикой. Что только не критикуют – и протестантизм, и оккультизм, и шаманизм и что-то еще неудобовоспринимаемое! Что-то кто-то в исступлении доказывает, что-то проповедует, убеждает, но на сколько это связано со спасением?! Не связано и далеко от него. На столько далеко, что трудно и понять. А понять трудно потому, что все люди сегодня, так или иначе, но живут в современном мире с его дьявольскими законами. Точнее, по этим законам.

Закон Божий и закон человеческий.

Расскажу тебе один случай, свидетелем которому пришлось быть. В лагерях погибал священник, совсем превратился в «доходягу». Он был такой высокий, нескладный, робкий, слабый здоровьем. Быстро дошел иеромонах до того состояния, когда и ноги-то переставлять стало трудно. А норму ни кто не уменьшал, наоборот, старались нагрузить несчастного без меры. Как за него не вступались, но все без толку, ни на легкие работы, ни, тем более, в лазарет беднягу не переводили. Все объясняли тяжестью построения социализма, индустриализацией, коллективизацией... Кроме того, необходимостью служителям культа испустить свою вину перед пролетариатом.

Подученные лагерным начальством уголовники, поначалу также страшно докучали всем нам, особенно отбиранием и без того скудной пищи. Впрочем, и пищей-то это трудно было назвать. Но батюшка жил. Казалось, вопреки всем законам природы – он жил! Хотя как раз он-то и жил по законам природы, но только не в законах земного бытия смерти. С полной верой, принимая советы находившихся там старцев, он даже благословлял преступников, отбиравших еду, и они на отобранном у него скудном пайке набирали вес! Скоро всем в лагере было известно, что лучше съесть сухарик из рук молодого «попа» с благословением, чем лишний полный паек, украденный, или выигранный в карты у такого же заключенного.

Потом произошло следующее. Батюшка, едва дошедший до лесосгона, стал свидетелем жесточайших мук уголовника от случившегося заворота кишок. Бедняга умудрился, отобрав ли, украв ли, но съесть просто не мыслимое для лагерника количество пищи. Страдания были ужасны, и несчастный умолял охрану хотя бы из одного сострадания пристрелить его.

Уголовники подошли к батюшке и стали просить его о помощи. Священник взял в руку снег, благословил его, коротко помолился, и дал болящему. Тот, было, воспринял происходящее за насмешку, но уговоры стоявших рядом уголовников возымели свое дело. Умиравший открыл рот и проглотил кусочек благословленного снега. И, о чудо! Буквально через несколько секунд преступнику стало легче, а по прошествии получаса уголовник уже встал на ноги.

Я уж не буду говорить, что после этого уголовники нас не трогали, даже где-то опекали. Дело не в этом. Человек жил по законам Божиим, и, естественно, они восторжествовали над законами мира сего».

«Отец Антоний, – перебиваю старца, – я уже слышал этот рассказ, и говорили, что это были вы!».

«А это так важно?! Люди всякого наговорят, были бы желающие выслушать. Какая разница в том, кто это был, важно другое – живущий по законам Божиим всегда побеждает и бесовские наваждения, и суемудрения человеческие. Вот смотри, сейчас все кому ни лень ищут виновных в негораздах своей жизни: волхователей, колдунов и чародеев. Они – «причина всех бед», они – «источник всех проблем» людских. И книги пишут по этому поводу, и лекции читают... Причем на страницах книг, в словах лекций (мне тут как-то кассеты крутили) царят две крайности – первая такая: колдунов, как людей общающихся с духами злобы нет и быть не может; вторая: вера в существование колдунов и полное их всеисилие. Но ведь даже Апостольские правила говорят о наличии гадателей, волхователей, облакоотгнателей и предусматривают суровые наказания за подобное нечестие. А открой ты Деяния, мало там описаний борьбы Апостолов со слугами духов злобы и победы над ними?! А Жития святых? Но вопрос-то в другом, разве мешало наличие языческого нечестия становлению Церкви? Нет. И на жизнь каждого последователя Христа влияла степень ревности его к исполнению заповеданного Спасителем, а отнюдь не «наговоры».

Нет, отче, в том случае, о котором я тебе рассказал, важно не кто победил, важно – как. А победа возможна только исполнением закона Божьего, закона любви, при полном попрании законов падшего человечества, законов смерти. Один святой древности рассказывал, что принял крещение после того, как в чужом городе их, воинов-новобранцев, христиане накормили, не спрашивая о вероисповедании.

Предуготовливать же тело и душу к законопослушанию следует постом и молитвой, кто поспорит со Спасителем? Слава Богу, открыто до этого еще не дошло – это начнется чуть позже. Пост и молитва – вот лучшие друзья на пути спасения, ибо пост усмиряет разжение плоти, ее жажду неумеренности в похоти, а молитва усмиряет ту же плоть в желании рассеянности и соединяет ее с Богом. Все, что вне этого – перекладыны на лестнице в ад. Впрочем, и лестницы-то нет, а есть страшное падение в кромешную мглу.

Старец, под духовным водительством которого я был почти десять лет, не уставал повторять слова одного святого подвижника: «Лучше дело без слов, чем слова без дела». Помнишь слова псалма: «Грешнику рече Бог: векую ты поведаеши оправдания Моя, и восприемлиши завет Мой усты твоими; ты же возненавидел еси наказание, и отвергг еси словеса Моя вспять» (Пс.49; 16-18)[5]. Если судить по словам, наше время – время одних праведников. Кто ж закончив даже какую-нибудь «энскую» духовную школу будет рассказывать то, что обличило бы его как грешника? Миряне уже спорят с духовенством, слова святоотеческие нанизывая, как та белка грибы на ветки.

А катастрофы продолжают, и непросто продолжают, но увеличивается их количество со страшной быстротой. Так где же праведники?! Ведь мы исповедуем неизменность Бога и верим Святому Письму, в котором описано, как Господь миловал города и народы ради избранных Своих. Значит, нет тех, ради которых стоило бы Божьей волей остановить разрушение, сотворенное грехами слуг дьявола. Все борются с чем угодно, только не со своим грехом и не со своими страстями.

Сколько было Апостолов и верных учеников – сто, двести, пускай триста человек. Горстка исповедующих в вере и верой Господа Иисуса Христа. А обратили к вере весь мир. Вдумайся, отче, жрецы бесовские имели какой огромный опыт общения с нечистой силой, и «чудеса» творили, которым люди верили. Рассказывали о прошлом и предрекали будущее. А против всей этой нечести выступила горстка малограмотных в большинстве своем «галилеян». Но выступила с той верой, при которой и горе прикажи, – передвинется!

Христос – Воскрес! Это они несли людям, но и сами, прежде всего, жили в соответствии с этой Истиной. «Вера без дел мертва есть»...

Смотри, Саровский чудотворец, он как бы смеется над неумеренностью мира и делами обличает ее – мир стремиться к наполнению чрева яствами, а он ест траву.

В миру счастьем является возможность безделья – он трудится в поте лица своего, а плоды труда дарит ближним. Мир занят стяжательством, как будто надеясь на вечное пребывание свое на земле, а он ставит в келье гроб! Тысячи и тысячи ученых уже вскоре будут мудрить над тем, как бы без Бога да с хлебушком быть. А он показывает всем нам безмерную глупость такой вавилонской мысли, – молитесь, и все будете иметь, сохранив верность, чистоту!».

Мне было страшно. Он говорил так, как будто видел воочию и прошлое, и будущее. Это было какое-то окно в человеческую душу и во все творимое адом ради погубления ее. Спорить было просто невозможно – любое возражение находило ответ и ответ Евангельский и святоотеческий. Поражало и другое – все, что говорил отец Антоний, не было спрятано где-то далеко в глубинах богословия. Нет, все это было на поверхности, приводимые ним цитаты читаны-перечитаны. Увы – не поняты! Точнее, толкование их было использовано на потребу своих слабостей, чтоб не сказать страстей. И в этом-то и был весь ужас – знал, верил, но не исполнял. Хотя, какая это вера, бесы верят и хотя бы трепещут, а мы?!

Чаепитие.

Между тем в комнату вошла женщина и напомнила отцу Антонию, что пора пить чай, а мне предложила к ним присоединиться. Старец благословил, и вскоре внесли большой старинный русский Самовар. К самовару сошлись все домашние. Была непринужденная обстановка, женщины копошились возле стола. Когда все было предуготовлено, отец Антоний, встав возле кровати, прочитал молитву и благословил. Чай он пил уже в кровати, полулежа.

Перед этим ему принесли маленькую чашечку какого-то травяного отвара. Поймав мой, несколько удивленный взгляд, он сказал: «Травка, отче, это жизнь, это то, что Господь дал человеку во здравие, в подкрепление немощи нашей. Нет хвори телесной, которую бы не осилила былина земная. А чай вот – дело спорное. Во многих монастырях со строгими уставами запрещали его откусивать, тем паче – с сахаром! Бдели отцы».

У самого отца Антония на блюдечке лежал малюсенький кусочек колотого рафинада.

«Я в лагерях поистине возлюбил чаепитие, – продолжал старец. – Нет, не сам чай, – откуда ему там было взяться! На праздники что-то подобное давали, да и уголовники под конец нет-нет, и угостят. Но не к этому душа рвалась, а к чаепитию, как в нашем родительском доме. Чтоб за самоваром весь дом собирался – и хозяева, и братья Христовы меньшие. Чтобы текла мирная беседа, от которой душа оттаивает, а в голове разуму прибавляется».

После чаепития было чтение Евангелия, Страстей Господних. Читал стоя молодой человек, старец молился, и лишь изредка вырывались из его уст слова: «Как Он страдал!».

Отец Антоний всегда, когда упоминалось, или сам упоминал имя Господнее, крестился, приподнимаясь на кровати. Когда же слова касались пусть даже косвенно, страданий

Спасителя, он крестился трижды, тихонько шепча или Иисусову молитву, или приговаривая: «Как Он страдал!» Как правило, из глаз его в это время капали слезы.

После прочтения опять потекла неторопливая беседа. Я боялся, что в силу возраста, отец Антоний потеряет нить повествования, но он продолжал как будто и не отвлекался на разговор о чем-то другом.

«Так вот, душа моя, все сейчас находится в когтистых лапах рассеянности. Жизнь частная в большом городе начинается только с темнотой, при которой и малое искушение превращается в страсть. Какое уж тут: «Бдите!». Напротив, вся жизнь «окультуренная» адом направлена на то, чтобы заглушить даже слабые голоски совести, голоса еще не окончательно погибших душ. И что эта «культура» несет? Идеи «нравственной свободы», суть – культы Ваала и Астарты, культы пьянства, разврата, обжорства или культы человеческого тела... Никто ничего нового предложить не может – либо языческая рассеянность и неумеренность, либо Божественная бдительность и осмотрительность в потреблении».

Жизнь, основанная на потреблении.

«Помню, в годы тотального искоренения религии, при Хрущеве, нас собрали на «промывку мозгов» в райисполком. Состав «приглашенных» был весьма показателен – духовенство, причем, в основном сельское. Вероятно, по мысли организаторов, оно больше всего нуждалось в подобном просвещении.[6]

Были также районные лекторы по атеизму и, естественно, парторги разных организаций. Лектор с весьма серьезным набором званий, при регалиях, из Москвы, читал лекцию на своеобразную тему. Названия не помню, но суть такая: все стоны попов на опасность духовного разложения молодежи – ерунда, это лишь способ одурманить народные массы и использовать их в своекорыстных интересах[7]. Но поразительна была даже не столько тема этой лекции, сколько удивляли доказательства, приводимые присяжным столичным болтуном. Они сводились к цитатам из письменных источников древних цивилизаций – и вавилонских, египетских и пр. пр. Подлинность цитируемых свидетельств сомнений не вызывала, и положение автора, и качество материалов, ссылки на солидных исследователей древностей... Суть всего сказанного сводилась к одному – все древние авторы сетовали на развращение молодежи. А вот вывод московского гостя от приводимого был неожиданен, – если всегда все сетовали на развращенность нравов, а мы, люди, живем, значит, и нравственные законы являются выдумкой. Всегда было плохое, но оно не может довзлететь над жизнью.

Мне бы сидеть и молиться, а я, грешный, не выдержал, поднял руку для вопроса. Говорю: «Так речь-то идет о народах вымерших, после них и земли не осталось, только одна пустыня! Вот вам и результат разложения». Что тут поднялось! Уж не рад был и сказанному, чуть под белы руки не вывели».

Отец Антоний улыбался, погрузившись в старые воспоминания. А я смотрел на умиротворенное лицо столетнего старца и не мог представить его на том заседании парт-рай- и прочих истов. Да еще устроившим такой скандал на лекции подобного «высокого» уровня. Человек, не знакомый с условиями существования Церкви, духовенства в тот период, не сможет и представить себе все мужество бывшего лагерника, пусть и со снятой судимостью, осмелившегося на подобную реплику! Ведь это было время тотальных

подписок на «лояльность» властям, проповеди заранее священниками подавались в письменном виде благочинным и контролировались уполномоченными. Ну, и батюшка!

«А ты не удивляйся, отче, – поняв мою мысль, продолжал старец, – нельзя было молчать. Тогда уже пошло это движение покорности властям во всем – и в духовном, и в светском. Слова Спасителя: «Кесарево кесарю, а Богу Божье» извратили полностью, сотворив: «Кесарю все». Лишь бы только не трогали, да приходом городским благословили. С бывших польских, ныне советских, окатоличенных земель вереницей потянулись соискатели сана священника. Тлетворное воздействие католического духа обрядности, иезуитской хитрости и лжи уже начало разлагать Церковь, которая только-только вышла из периода прямого мученичества и исповедничества.

И нужно было поддержать верных, дать им точку опоры. Пусть утвердятся один, два – но православных, не тронутых духом тления, и это счастье, и это возможность вывести на путь спасения кого-то из мирян».

Отец Антоний замолчал. Я внимал его молчанию. Хотелось слушать и слышать слова старца, понять его мысли, понять все так, как он понимал. Конечно, это было желание неисполнимое, но, даже осознавая это, не пропадало желание напитаться плодами духовных трудов его.

Когда он молчал, у меня было ощущение сродни ощущению человека, мучимого жаждой, сидящего возле источника чистой воды и не имеющего возможности удовлетворить свою жажду. До сих пор не могу отделаться от угрызений совести: мог спросить, мог узнать больше, но не сделал этого. Человеку, вероятно, свойственно это ощущение призрачной вечности, неизменности. Оставляя «на потом» дело спасения, мы оставляем «на завтра» и возможность общения с людьми, не задумываясь о временности земного бытия.

И тогда, находясь возле старца, не приходила даже на ум возможность потери этого источника живой воды. Так, вероятно, думал и Адам в раю. Потерю можно ощутить только после свершившегося факта. Какой ребенок может понять потерю родителя?! Это невозможно, это выше сил человеческих. Жаль, чтобы не сказать печаль. Печаль от нашего нежелания воспринимать Божественное, находящееся вне зоны человеческого разума.

О прошлом и будущем.

Отец Антоний открыл глаза: «Весь ужас, отче святой, будет в том, что каждый поймет безвозвратность ушедших времен спокойствия. Невозможность возвращения к дням стяжания благодати, укрепления дарами Божественной длани. Как Христос ответил на испуг учеников о невозможности для человека спастись? Что человеку невозможно, то возможно Богу. Только укрепляющей благодатью Его осуществимо для нас пересечение ужасающей пропасти, ведущей во ад. Пропasti между адом и раем. И поверь, пропасть эта далеко не какое-то человеческое суемудрие, не какая-то языческая аллегория, как в мифах, нет. Существует она, эта пропасть.

Помнишь старую байку, как вернувшийся на каникулы домой сын-бурсак стал доказывать родителям, что в печи жарится не две курицы, как было на самом деле, а три? Отец в этом рассказе поступил так умно: предложил мудрствующему сыну съесть третью, а себе с матерью оставил настоящих кур. Вот так и люди, отвергшись Творца, в полном уповании на свой исполненный гордыней разум получают третью курицу.

Апостол учил: «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1Тим. 6; 8.). Так и было, пока в безумном уповании на свой ум люди забыли, что и его-то получили от Бога, только отравлен он ныне противлением Творцу. Дальше – больше, греховодничеством отвергается Всемогущество Бога, а там – и само Его существование. И пошел к небу не фимиами молитвы и добрых дел, но страшный дым плодов рук человеческих. И все мало, мало... Что там одежда и еда – дворцы, машины, самолеты подавай! Да и одежда с едой совсем не те, о которых говорил Апостол.

Даже за один грех получив проклятие, земля не сможет уже держать человечество, увязшее в страшных тенетах греха. Страшных, омерзительных, липких и невероятно крепких сетях. Отравленная и изнеможденная, не сможет она поддерживать жизнь всего живого, что кормится от плодов ее. Семь с половиной тысяч лет она кормила и питала каждую тварь. Сейчас голод, прежде всего, голод будет жать плоды этого всеобщего безумия грехопадения.

Неумеренность в желаниях, потреблении уже поставлена во главу угла этого сумасшествия. Чем хуже, тем лучше. Земля же будет стонать, увы, стенания эти останутся не услышанными. Каждый крупный город – надругательство над природой, и он станет источником бедствий для людей. Вначале источником несчастий, а потом общим гробом для живших в нем. Как бы не исследовали ученые почвы, какие бы не делали заключения, какие бы не придумывали дома – а города будут проваливаться в преисподнюю, увлекая с собой сотни и тысячи душ без покаяния, без раскаяния... Это будет невыразимо ужасно!

Василий Великий славил Бога за то, что не доживет до этих дней. Великий во святых отцах Василий! И будут люди слушать, да не услышат, не захотят ответить на призыв Творца ко спасению. Франция, эта колыбель распутства и блуда, богопротивления, испытает на себе все ужасы отторжения от Бога. Морские бури и землетрясения, кораблекрушения, которые будут нести смерть всему живому и на побережье, и на суше, вот что ждет родину революций.

Тот, кто надеялся в спокойном, сытом и преуспевающем сейчас государстве найти отдохновение от жизни в своей державе, терзаемой всеми силами зла, глубоко ошибется. Переезд на все эти пажити торжествующего сатанизма суть добровольная посадка в поезд обратного направления. И вагоны этого поезда, такие красивые и заманчивые на первый взгляд, даже не тюрьма. Тюрьма и лагерь – насилие над человеком. Поезд современной «цивилизации» – это добровольное предание себя дьяволу. Он ведь мечтает о добровольности следования его призывам, пусть даже мнимой. Передача своей души на вечное мучение, добровольное отречение от желания Богоуподобления, Богообщения, это даже не ужасно – хуже.

Возьми Адама, первым согрешив, первым же и получил совсем не то, на что рассчитывал: искал в свершении греха совершенства, а нашел смерть. Праотцы лишились не только райского Богообщения, но и землю получили уже далеко не ту, какую они знали до этого. Она была теперь под влиянием духов злобы, а люди приняли на себя страшное ярмо рабства греху.

Так и теперь, ища запретный плод на древах государств, исповедующих гордыню и поклонение мамоне, созидающих идолов «свободы», которые несут полную неумеренность в жизни плотской и равнодушие к духовной, люди найдут себе властителей-бесов, каждый в соответствии со своей похотью. Оттуда придут культы прямого поклонения сатане. Тысячи людей назовут Вельзевула богом, станут возносить ему похвалы и приносить

кровавые человеческие жертвы. Более всего эта эпидемия сумасшествия поразит изнеженную, не знающую физического труда молодежь. Уже растленная, забывшая прежнее славянское целомудрие, она воспитана на культе поклонения идолу силы. Поэтому паче меры подготовлена проглотить адскую фальшивку о том, что Православие это вера слабых, а сатанизм – сильных. И поверят.

Борьба со всем этим нравственным мусором, собранным дьяволом от времени своего отпадения, к сожалению уже не может принести видимой пользы человеку в мире, принявшем на рамена свои вместо Креста Христова ярмо сатаны. Поэтому власть пре-державшие и в странах кажущегося христианства будут прекращать даже слабые попытки противления беснованию Америки. Станет бесноваться она, влекомая избранным идолом – «свободой», весь мир вовлекая в этот водоворот смерти, гибели духовной и телесной.

Хотя интерес к Америке у слуг тьмы будет уменьшаться с каждым новым покоренным народом. Даже сейчас это уже только дубина стоеросая в кулаке Израиля и кошелек для мирового сионизма. Свою роль привлечения всех стран и народов на дьявольский путь греховного шествования во ад она исполнила. Того, кто до сих пор не попался на приманку американской демократии «с человеческим лицом» и не принял культа «свободы», ждет гибель физическая под ударами этой украшенной звездами дубины.

Даже теперь уже едва ли не весь мир представляет собой Новый Вавилон. Да, да, как тогда, в древности, людей захватило желание овладения небесами без благословения Божия, против воли Его, так и сейчас идет построение нового миропорядка, основанного на противлении Творцу. Один язык, одна «культура», одна религия, одно движение стада на духовный и телесный убой...

Америка уже начинает мешать, во всяком случае, раздражать устроителей мирового порядка. И гоев многовато, и даже призрачная независимость действий властей ее от настоящего хозяина, того синедриона, который принял на себя и убедил иудеев на головы свои взять Кровь Спасителя, не устраивает тех, чьи предки кричали: «Распни, распни Его!».

Столицей «нового мира» будет отнюдь не Нью-Йорк или Вашингтон, они попросту исчезнут. Центром вселенной станет Иерусалим, это будет очередная попытка овладеть миром через духовное давление храма, в стенах которого все, кроме иудеев – гои, что-то менее ценное, чем скот, но лучше дерева и камня. И попытка эта будет удачной. В старом же «центре» будут стрелять, взрывать, в общем, наводить ужас на жителей. Но и это будет использовано для убеждения всех и вся в необходимости полного контроля над людьми.

Страшно будет слабым, холодно и одиноко будет тем, кто не пытался в наши годы относительного покоя стяжать любовь, эту совокупность всех совершенств, благодать Святаго Духа. А ведь это будет только малое отражение, слабое подобие геенского огня и адского холода!

Окажутся же они в таком положении потому, что паки и паки отказывались идти путем Богоуподобления, путем следования Христу дальше Тайной Вечери, до Голгофы, до Креста. Веря в бытие Бога, некоторые уповают на свои добрые дела, считая это достаточным для спасения, отвергая приятие благодати Божией в Церкви. Так сектанты бьют себя в грудь и кричат: «Господи, я в Тебя верю!». Они как будто успокаивают Творца, Того, Кто Самодостаточен, ни в чем не нуждается, тем более в восхвалении и признании самого существования Его, ибо Он и так – Сущий!

И будет терзать холод и голод духовный не только видимо отвергшихся от преемственности духовенства, Св. Таин, благодати, даруемой, повторяю, даруемой Православной Церковью, только Она может даровать. Холод и голод испытают и все те, кто, считая себя православными, отнюдь не хотят воспринимать Дух. Даже если такие люди и исполняют обряды, они не напитываются благодатью. Это сосуды закрытые, закупоренные, сколь не пытайся залить в них живительную влагу, – они останутся сухими! Ибо они закрыты... И таких, увы, большинство.

Так привлекательно это для человека, с одной стороны следовать призывам дьявольским, идти по зову развращенной грехом плоти своей, а с другой – надеяться Божеские плоды получать. Поэтому и вероятность исповедничества, в последнее время всегда связанного с мученичеством, будет не просто смущать, но попросту отталкивать людей от последования Христу. Сотни тысяч кажущихся православными верующих откажутся от убеждений, от благодати, от Бога. Проверку, отче, как понимаешь, силы ада уже провели, присвоив всем номера. Насильно это делалось? Нет, просто ставились условия – или принимаешь и продолжаешь зарабатывать, или уходишь. С молчаливого согласия, а то и прямого благословения духовенства, вся страна превратилась в лагерь – только там важно не имя, данное при крещении, не фамилия, доставшаяся от предков, а присвоенный номер.

О прошлом.

И подобное этому уже было, совершилось в 17-м году. И не в октябре, от которого обычно ведут отсчет началу власти слуг тьмы, нет, а в феврале семнадцатого. Именно февраль был месяцем предательства и державы, и Православия, и самое себя. О возможности подобного предупреждал Россию святой Иоанн, Кронштадский чудотворец. Слушали, да не услышали, но и услышав – не поняли. А предали именно самих себя. Кто-то потом сумел подняться на Голгофу, понеся святой Крест мученичества, для большинства же все обратилось путем во ад. Сколько среди большевиков, просто солдат, надсмотрщиков и расстрельщиков было бывших семинаристов, просто детей духовенства, отпрысков знаменитых дворянских фамилий!

А что было брать с нас, недоучек из духовных школ, если, словами верховной церковной власти, в 17-м, при свержении монархии Российской, наконец-таки свершилась «воля Божья»? А подписали письмо-поздравление временному правительству все – и митрополит Киевский Владимир, и митрополит Московский Макарий, и архиепископы Тихон, Михаил, Иоаким, Сергей Финляндский и иже с ними. Кто-то из них понес мученический крест, кто-то – исповеднический, а кто-то... Да!

Как это странным не покажется, но вести с воли о положении в Церкви доходили до нас постоянно, только меня это мало интересовало, как и большинство сидевшего духовенства. Там понимаешь, что главное не внешнее, а внутреннее. Единственная возможность спасти себя, и тело, и душу, это соединение с Богом, отрешение от всего мирского. А политика, хоть светская, хоть связанная с миром церковная, все это не полезно. Спаси душу, сохрани ее. Кровью искупленную Агнцем на Кресте. Да, травили душу сообщения обо всем происходящем, но они и воспринимались как отравляющие душу. Кто может помешать ей и в темнице сподобляться святости и небесной чистоты?! Душа любого может просиять так, что чистотой своей, светом богоуподобления, стяжанного Святаго Духа, облистает и просветит нечистоту духовную самого закоренелого грешника.

Разумом понять все то, что происходило, было просто невозможно. Ведь ни кто, кроме обновленцев, не выдвигал во главу угла что-то явно противоречащее Апостольским

правилам или Соборным установлениям. Как, впрочем, и сейчас. А если так, то вроде бы, как и говорить не о чем – идет нормальная жизнь. Большинство понимает, что в главном-то нормальности нет, ибо отсутствует любовь и наличествует лукавство – доказать невозможно, да и некому. Кто обличал впавшее в арианство, монофизитство и прочие ереси священноначалие? Пустынные монахи-отшельники, старцы по-нашему. Поэтому все было сделано, чтобы вытравить старчество из церковной жизни. И многовековой опыт превращения белого духовенства в рабов без права голоса также дал себя знать: отвыкли говорить-то, во всяком случае, правду.

Мученичество в то время было обычным делом. Сколько священников, уцелевших от комиссарских наганов в начале двадцатых, рукоположенных в двадцатые – тридцатые, отправились по страшной дороге на Голгофу лагерей. Кто хотел предать – уже предали, они ушли еще с Вечери Спасителя. Несчастные писали покаянные письма для газет и от всего отрекались. Кто-то пытался спасти жизнь земную за счет подписки в НКВД.

Но большая часть оставшегося духовенства все же устояла. Спасались разными способами – кто-то бродил по городам и весям. Обычно это было уделом монахов и монахинь из разоренных обителей. Требы они исполнять, понятно, не могли, поэтому жили на подаяния и за счет временных работ: нищенство очень скоро стало присекаться. Хорошо, если были хоть дальние родственники, готовые принять праведных скитальцев у себя. Но решались на подобный поступок единицы – режим всеобщего контроля уже давал себя знать.

Священники, как правило, выживали тайными службами и требами. Но вылавливали их нещадно, статьи применяли жесточайшие – контрреволюция, бандитизм... А результатом всего этого было отрешение мирян от Церкви. И жуткие природные изменения. Это взаимосвязанные вещи. Дьяволизм разрушителен по своей сути, он не может быть созидателен. Созидали и сохраняли мир люди Божьи, а отнюдь не строители коммунизма. Была у меня знакомая монахиня, скромнейшей и смиреннейшей души человек. Крестьянка из достаточно состоятельной семьи – отец мельницу имел, ее хотели отдать замуж буквально перед революцией. Она пешком из средней России идет в Киев, потом в Троицу. После этого посещает схимника, жившего в диких лесах возле Ниловой пустыни. Пришла она туда вместе с сестрой, да благословение праведника было разным для них – одной супружество, а другой – монашество. И в монастыре-то она пробыла лишь год-два, но святой обет сохранила на всю оставшуюся жизнь.

Родителя ее к этому времени уже умучили организаторы колхозов, посадив в одном исподнем зимой в холодную. Женщинам разрешили надеть платья, они остались в живых. Мать после смерти супруга долго не прожила, почил от горя. И пошла горемычная монахиня по миру. Она работала у крестьян, благо и в семье, и в монастыре научили работе со льном, шерстью. Большею частью жила у сестры, муж которой, хоть и атеист, но не гнал из уважения к вере жены, не хулил и воззрений монахини. А она во всех перипетиях жизни сумела не только сохранить обеты, данные Богу при постриге, но и умудрилась пронести сквозь все злоключения книги убитых монахов. Да что книги, даже письма с духовными наставлениями и фотографии мученически почивших старцев были в полной целостности. Это было просто страшно листать эти письма, это был глас вопиющего в пустыне! Они все уже знали, вдумайся, знали, видели и зывали к заблудшим мирянам, собратиям – одумайтесь! Слышали их, но не услышали, услышали, да не поверили. Представь, душа моя, каково было им, знавшим конец этого безумия, смотреть на совершающееся!

По себе могу сказать, что трудно было в те годы кажущегося благополучия воспринять пророчества о грядущих несчастьях. Да и сами несчастья, если кто и верил в возможность их, воспринимались просто какими-то негораздами, временными трудностями. А несчастья ведь уже стояли у порога, стучали в двери, и причина их была в развращении нравов, в уходе от Православия, Все было пропитано духом нигилизма, суемудрений человеческих, духом языческой мистики и прямого сатанизма. Популярный композитор, несколько поэтов и прочие люди «творчества» считали себя антихристами! Они и за позор не почитали рассказывать растленным страстями поклонникам о контактах с бесами, восторгаться диаволом, именно противлением его Богу!

Любое непослушание и властям, и Церкви, и даже обществу воспринималось большинством как проявление особого дара свободолюбия. Вольнодумство становится признаком хорошего тона, убийцам аплодируют, а над жертвами смеются, их ненавидят. Но молох «свободы» и есть носитель истинного рабства. Очень скоро и убийцы, и те, кто поощрял их гнусные деяния, почувствуют это. Кого-то расстреляют, оставшиеся какое-то время будут трудиться на «стройках народного хозяйства», воплощая в жизнь те идеи, которыми сами развращали Русскую державу.

Иудеи с русскими фамилиями ввергнут страну в такую катастрофу, сродни которой будет только апокалипсис. И многие будут думать, что это уже конец, но это будет репетиция конца времен, только репетиция. Хотя весьма продуманная и проведенная явно в соответствии со строгим планом. Когда он родился, этот план – сейчас не скажет ни кто, но мне, что основные направления действий по уничтожению Руси появились сразу после разгрома князем Святославом хазарского каганата, управляемого иудеями, обратившими и хазар в иудаизм. Костью в горле тогда стал им воинственный русич, сумевший порушить их вековую торговлю – Великий шелковый путь. Убили князя. Подчистили план свой после захвата Крыма равноапостольным Владимиром, желавшем крещения и жаждавшем наказания богоубийцам, – полуостров иудеи также полностью держали в своих руках.

Много, много раз пытались потомки кричавших страшной ночью: «Кровь Его на нас и на детях наших» пакостить Святой Руси. Чего стоит одна «ересь жидовствующих». Новомодные мудрецы сейчас так это подадут, дескать, темные, необразованные новгородские попы, столкнувшись с европейски образованным окружением киевского князя, что-то услышали, да не поняли, переврали, а обвинили во всем иудеев. Кто-то этой басне может и поверит, больно часто мы слышим чуть ли не о недоразвитости славянской. Только для кого ж тогда все (!) типографии Литвы готовили еретические книги и под видом вещей послов возами завозили в Новгород, Москву?! И если Схария не был посланцем синедриона, если за его спиной не было всей силы богоборческой, то как он умудрился добиться поддержки Турции, Крымского ханства, Польши, Литвы, всей Европы наконец?! Старцы тогда спасли Отечество наше. Ведомые Духом Святым, они разоблачили вражеские поползновения. Сколь трудов понес, сколь обид вынес Волоцкий ревнитель Православия преподобный Иосиф! Высшее священноначалие, власть предержавшие уже в ересь впали, но не испорченный народ поддержал праведников.

Дело у разрушителей оплота Православия пошло при Петре, о его приходе и царствовании пророчески предупреждал изгоняемый патриарх Никон. Так и получилось: вначале – вытравливание из общества традиционного православного образа жизни. А это все – и одежда, и пища, и обрядность, и обычаи, все, что составляет основу существования державы.

Дальше пуще, дальше удар собственно по Церкви. Он тоже был дьявольски хитрым – низведение духовенства до уровня чиновников и отнюдь не престижного высшего уровня. Разделение духовенства и народа, для этого используется и вынужденная клановость священнослужителей, и кажущееся отличие в положении облеченных саном и простых людей. Кажущееся, потому как дети духовенства, не принявшие сан, становились обычными холопами, крепостными, а самих священников пороли, как и тех же крестьян до конца 18-го века. Монахов подвергали физическим наказаниям едва ли не до середины 19-го. Могло сохраняться среди людей, особенно среди высокопоставленных дворян, уважение к священному сану, когда поддерживалось публичное унижение лиц, облеченных от Бога особым даром Духа Святаго для совершения таинств?!

Затем – шельмование Церкви, ее догм, законов христианской жизни и духовенства, конечно же. Когда же ослепленное собственными страстями общество подвели к вере во все эти бредни, вышедшие из неистового в своем противлении Богу ада, у Церкви отбирается школа. Это был страшный удар по духовности людей, прежде всего, крестьян, которые составляли основу народа Русской державы. Школа, под водительством духовенства и семинаристов, воспитывала добропорядочных граждан, законопослушных православных христиан. Законопослушных! В земских школах стали воспитывать нигилистов. Кто был первым нарушителем закона?! Сатана, и имя то это означает – противник, нигилист. Следовательно, воспитывалось племя сатанистов, будущих краснокосы – ночниц и расстрельщиков. Всех тех, которые через несколько лет будут танцевать на иконах, стрелять из револьверов в святые иконы, курить, лежа на святых престолах, начищать до блеска испачканные кровью невинных жертв сапоги святыми Антиминсами.

После этого гвалт нечестивцев в обманной борьбе будет направлен против монархии, хранительницы Православия, и остатков устоев древней жизни наших предков. Как Афон стоит нерушимой скалой истинной веры среди бушующего океана растления, так и Россия – единственный оплот Православия. Император сказал дивную по смыслу фразу: «Единственные друзья России – это ее флот и армия». Увы, и флот, и армия, состоят из людей. Все остальное, это уже потом, люди главное. А восполняли строи рядовых выпускники земских школ, где большинство учителей были нигилистами, считай – сатанистами.

И в высшем кругу было не лучше, если не сказать много хуже. Трудно было найти такую семью, где бы не практиковались спиритические сеансы. Православие уже воспринималось как некая ветхость, старая вещь, которую и выбросить жалко, но и применить в жизни невозможно. Как все похоже на день нынешний! «Апостольские правила устарели», «уставы требуют изменений»... Сейчас изменения, посев зла, а в день грядущий – жатва плодов его!

Тогда время пожинания жатвы посеянного противленчества пришло в начале 1917-го. В феврале окаянного года даже брат императора-мученика будет ходить с красным бантом. Временное правительство приветствовали все, вплоть до высшего архиерейства. Все, кроме старцев, признанных и нет, канонизированных ныне или напрочь забытых. Они, носители Духа Святаго, стенали и зывали – одумайтесь, православные! Одумайтесь! Увы, опять таки, слышали и не услышали, а если и услышали – не поняли или не поверили.

Сколько ж было их, отцов и братий, сестер во всей Святой Руси, в обителях и уже изгнанных из них? Святых архиереев, несших крест апостольства? Ведь каждый из них, гонимый, но сохранивший истину, был больше чем солнце, которое согревает только телом. Духовенство грело души людские, согревало верой и мученическим следованием

Христу землю, сообщая ей Божью благодать. Именно их молитвами и выстояла Святая Русь в борьбе с тевтонами в Великую Отечественную. Для них существо власти не имело значения, главное – Россия. Не понимая этого, очень многие русские православные эмигранты шли воевать против Родины под знаменами чуждыми. А война ведь шла не собственно против советов, а против самого Православия, против духа русского.

Вероятно, организаторы битвы с главным носителем духа Православия – монархией – уже предвкушали пожинание плодов всемирного господства антихриста. Только не учли они жертвенности русского народа, его преданности Христу. Сейчас многие подсмеиваются над пророчествами великого Кронштадтского чудотворца о конце света, забывая, что в Библии есть несколько описаний подобного изменения воли Божией. Пророк там был просто обижен на Бога неисполнением обещанных Им же кар испорченному народу. Но люди покаяться, и Господь изменил уже объявленное решение. Россия омылась мученической кровью, поэтому и не произошло то, о чем возвещал великий пророк. Даже те, кто в обычной жизни отнюдь не отличался праведностью, следовали за Христом крестным путем на Голгофу. Это было время неимоверного подвижничества и истинного исповедничества.

Отче, сейчас этого нет, нет... Всюду алчность, страсть к земным благам, неумеренность в потреблении... Знаешь, или нет, где-то, то ли в Астрахани, то ли в Ростове, в самые жуткие годы разгула сатанизма большевистского, архиерея выставили из его шикарной коляски и заставили идти пешком. Мне об этом уже в лагерях рассказывали. А скажи-ка ты, душа моя, Петр Первоверховный из Рима в карете уезжал?! То-то и оно, апостолы пешком шествовали и поэтому Христа в пути своем встречали.

Мил ты мой человек, пойми, что не говорю я это из осуждения – Господь уже при дверях, и я знаю, что вот-вот кончится век мой. О вас душа страждет! И как страждет! Грешный я, и весь в язвах греха, но слуга Бога моего. Поверь, я знаю как Он любит каждого из нас, детей Своих. Он, Творец и Всевластный Господин, моет ноги Своим ученикам! Кто сейчас на это способен? Помой мне ноги!».

Честно, я стал оглядывать комнату и искать какую-нибудь посуду, воду...

«Да что ты, всечестный, я же образно тебе сказал. Скорее я омою тебе ноги, чем ты мне! У тебя еще есть время послужить младшей братии, а у меня его уже нет. Услада-то в смирении, а не в гордыни; истинное наслаждение не в грехе, не в страсти, а в стяжании подобия Божия в том, в чем возможно это для человека. Ибо стяжав возможное, ты тоже сподобляешься сопричастности Божественного величия. Заметь, дорогой, величия не в силе разрушительной, не в силе устрашающей и карающей, но в силе милостивой и ласкающей, ободряющей, укрепляющей. Помнишь, как Апостолов со Христом не приняли в самарянской веси и ученики просили наказания для жителей? Господь тогда же сказал им, что они сами не ведают от какой они силы и что они должны нести в мир.

А в мир они должны были нести мир, и только мир. Ведь Господь наш Иисус Христос не что-то сказал ученикам Своим после Воскресения, но: «Мир вам!». Он не желал им здоровья, благополучия, всего того, что мы так часто желаем ближним своим. Даже имея камень за душой, по привычке к лукавству воспеваем здравицы.

А важны ведь не они, все эти здравицы, но важно спокойствие, успокоение души, мир в ней и ее. Это залог мира в мире, его благополучия, его существования, наконец. Я в лагерях очень много слышал об отцах-пустынниках, как первых времен познания людьми веры

истинной, как и тех, кто жил не так уж и давно. Всегда хватало желающих отречься суеты мира и избежать даже соприкосновения с его соблазнами. В семинарии, увы, не было особого времени для познания жизни пустынноческой. А в местах, как говорят, не столь отдаленных, я мог не просто слышать о пустынночестве, но и видеть эту отшельническую жизнь. И ей не мешали ни надсмотрщики, ни каторжный труд, скорее наоборот, старцы использовали это в пользу себе. То, что для других было наказанием, они воспринимали как возможность укрощения своих страстей, своих движений плоти. Монотонная физическая работа только способствовала возможности их невероятного духовного роста, стяжанию особой молитвенности и отречению от суеты сует земного бытия.

Фивейские отшельники и иже с ними трудились, в основном, за плетением корзин. Они их продавали, а полученное использовали для дел милосердия, и лишь небольшую часть для поддержания своего существования. Мы там были рабами, трудились много и без какого-либо вознаграждения. Но с другой стороны, отцы-монахи первых времен и вареную пищу считали излишней роскошью, жили ведь не просто впроголодь, а так, что сегодня и представить невозможно! Преподобная Мария Египетская зернами трав пустынных питалась, и ей этого вполне хватало и для жизни, и для трудов молитвенных, подвижнических. Поэтому тот, кто не был приучен к неумеренности мирской, тот, для которого и плошка болтанки – роскошь, тот и не был в рабстве, он был свободен! Свободен от излишеств, а значит, свободен и от гнета дьявольского.

Будучи в учении у оптинского старца, мне пришлось сразу познать дело плетения сетей. Да, да, отче, плел, и еще как! Это было первое, что мне пришлось освоить у мудрого носителя древнего опыта умения побеждать себя, обретать истинную свободу в отрешении от греха. Ох, и тяжело было первое время! Бывшему лагернику, архимандриту, прошедшему, казалось все, сидеть и вязать сети! Какие только мысли не появлялись, что только не передумалось за это время. Смирение? Но что, казалось бы, так не смиряло, как сидение за колючей проволокой. Послушание? Шаг влево, шаг вправо... было все это. Работа? Господи, да нас, доходяг, во время войны померших на стройках народного хозяйства, и не считал ни кто! Но то, что требовал от меня старец, было вытравливанием суеты, стяжанием мира в душе. Именно эта кропотливая, монотонная работа и давала возможность сосредоточиться сугубо на себе, погрузиться в молитву, заставляла прийти к миру в душе, ощутить его. Спокойствие вместе с видением плодов трудов своих создавало едва ли не зримое ощущение этой умиротворенности.

Старцы из моего лагерного прошлого уже прошли науку умного делания, у них был несравнимый навык отрешения от всевозможных мирских соблазнов. Каждый из них был особым миром, в который и доступ-то был не каждому открыт. Общались они, обычно, только между собой, да и то это общение заключалось в нескольких словах, иногда – фраззах. Иной мир с ними мог соприкоснуться только тогда, когда нужна была их молитвенная или иная помощь. Пребывая телесно в мире бренном, духовно они находились там, со Творцом. Их невозможно было обидеть, или вывести из состояния умиротворенности. Даже, когда поначалу уголовники отбирали у них еду, они крестились и продолжали свое молитвенное бдение.

Это отрешение от обычных мирских законов первое время вызывало у мирян удивление, смех и раздражение. Потом – безмерное уважение. Мир можно победить только неприятием его законов и абсолютным следованием Закону Божьему. Именно этого он больше всего и боится, именно против этого мир и восстает.

Плетение сетей у старца было тоже противлением законам мира, главный из которых – рассеяние. Эта работа, подкрепляемая духовным наставничеством и молитвой, была способом отрешения от всего того, что нас так затягивает в болото страсти. Всего того, что несут в себе «прелести» неумного в своем желании безудержного потребления мира. Вначале для меня это плетение было просто смирением, желанием исполнить работу ради похвалы. Потом – это уже было занятием для отвлечения от праздных мыслей, для возможности полнее ощутить сладость молитвы. В конце концов – работы не было, было лишь что-то помогающее обрести мир!

Посетители.

Кто-то постучал в двери. Отец Антоний, медлил с ответом. Приехали очередные посетители, жаждавшие услышать, что всех нас ждет в недалеком будущем. Старец явно был нерасположен к приему нечаянных гостей, даже дал им такую нелестную характеристику: «Это не посетители, это все праздносидетели».

Эта фраза вызвала мой недоуменный взгляд, который тут же был пойман и понят старцем. На невысказанный в слух вопрос последовал ответ.

«Конечно, праздносидетели! Они похищают мое время и себя подводят под гнев Божий! Зачем слушать то, что ты заведомо не исполнишь? Ну, ходят они, слушают, обсуждают, а ведь даже без малейшего желания следовать Христу. Кто из ныне живущих поступит хотя толикой от своих мирских благ?! Кто?! Да, есть горстка, сотня – две изочтенных у Бога. Зачем же усугублять и без того тяжкое?! В пустыне безверия и развращения, конечно же, пребывают и истинно страждущие, те, кто действительно жаждет напиться от источника живой воды Духа Святаго, но эти, поверь отче, не из них. Они жаждут не истины, но спора для доказательства своих суемудрений, утверждения в своих заблуждениях. И только этого, но отнюдь не пребывают в поисках истины, которая только и дает вечную жизнь. Она, эта Истина, и есть настоящая жизнь, и только познавший, стремящийся познать ее, может обрести пажити вечного блаженства. Только познать уже означает следовать. Если ты знаешь, что посуда горяча, раскалена, разве ты возьмешь ее голыми руками? Так почему мы с невероятным упорством все время пытаемся совместить адский уголь с благоухающей прохладой райского сада?! Апостолы ведь как нас увещевают, что не может вода из одного источника быть одновременно и сладкой, и горькой.

Поэтому невозможно плоды человеческой гордыни совместить с божественным смирением, нет. Напрасный, бесполезный и опасный это труд пытаться тьму собственных заблуждений как-то соединить со светом Истины!».

Старец, явно недовольный неожиданным посещением незваных гостей, имел удрученный вид. Я хотел оставить комнату, но был остановлен словами отца Антония: «Сиди отче, эта встреча для тебя не без пользы будет». Происходило что-то непонятное - если сам он не видел пользы от встречи с посетителями, то уж какая польза могла быть от встречи с ними для меня?! Однако, помня рассказ о плетении сетей, постарался воспринять предложение хотя бы на одном смирении.

Отец Антоний, наконец, произнес: «Аминь».

В келию к старцу вошло несколько человек, не больше десяти. Вид их явно указывал на принадлежность к достаточно состоятельным слоям общества. Они очень вежливо поздоровались, старец их благословил, но не целовал как обычно. Это сразу бросилось

мне в глаза, хотя и тени недовольства на лице у него уже не было. Разговор не клеился. Даже на прямой вопрос старца о цели приезда, гости отвечали, путано и бессвязно. Наконец, переглядываясь, посетители стали излагать цель своего приезда. Заключалась она, по их словам, в разрешении одного недоумения – почему Православие так отрицательно относится к католикам, не является ли это просто проявлением исторического противостояния образованной цивилизованной Европы и невежественного восточного консерватизма. Ведь, дескать, сколько пользы было бы для державы, если бы исчезло напряжение между этими двумя направлениями. Будучи государственными чиновниками достаточно высокого ранга, их этот вопрос очень беспокоит – греко-католики (униаты) подали документы на открытие своей парафин в областном центре, а православные всячески сопротивляются.

Да уж, беседа обещала быть нескучной! Я об этой истории знал не понаслышке и понимал, что гости приехали явно не за разрешением недоумения, а для, так сказать, освящения своих суждений мнением старца. Впрочем, вполне вероятно, что для них достаточно было самого факта приезда к отцу Антонию. Очень часто после подобных визитов к известным православным священникам, старцам, слова последних нещадно изменяются, причем, не всегда из злого умысла: что-то не понято, что-то понято не так.

Однако такое посещение авторитетных лиц осуществляется и просто ради самого визита. Для того, чтобы была возможность сказать: «А отец такой-то мне разрешил этим заниматься». Речь идет, прежде всего, об армии экстрасенсов, магов, целителей, как откровенных шарлатанов, так и действительных контактеров с нечистой силой. Сегодняшние посетители отца Антония, похоже, тоже нуждались лишь в одном факте пребывания у него. Хотя понятно было и то, что при полной убежденности в собственной правоте, гости все же желали узнать мнение старца.

«Отец Антоний, – продолжали они, – но ведь существуют страны с разными религиями. В той же Германии и католики, и протестанты живут. А в Америке вообще конфессий – не перечислить».

«Конфессий?! – устало отвечал старец, – А в языческом Риме сколько было этих ваших конфессий?! Но гнали-то только православных христиан! Не может вода из одного источника быть чисто-грязной, она либо чистая, либо грязная. Результатом господства в Киеве отпавших христиан, католиков, было то, что там существовали мечети, иудейские синагоги, католические костелы, не было только ни одного Православного храма! Что удивляетесь, а не знаете ли слов Спасителя о властителе дома? Может кто-то сам себя изгонять из храмины? Могут ли слуги одного господина позволить ссору между собой? То-то и оно. Православие от другого Господина, поэтому и ненавидимо, поэтому и гонимо по всему свету.

Как не может быть двух истин, так не может быть даже двух религий. Истина одна и религия одна. Заблуждений, увы, много. Но это лишь заблуждения, а переведи на русский – грех! Духа чуждого они, чуждого Тому, Кому мы молимся, к Которому обращаемся, Который есть истинный Творец и Вседержитель. Это все является противлением, сатанизмом. Почему епископ римский встречается с иудеями, приветствует их, кается и просит прощения за причиненные им в течении веков неудобства, заступает за магометан, а православных –гонит?! Дух Святой есть Дух обличительный, Он показатель Истины. И Христос сказал за Него: «Придет и обличит». И именно Дух. Он-то и обличает всю неправду католиков. Где место человеку, придумавшему, что если папа вынес приговор не совпадающий с судом Божьим, то последний должен быть изменен в пользу мнения

римского епископа. Кажется, так звучит[8]?! Вы депутаты? Вот, пусть хоть один из вас скажет перед своими избирателями, что он, смертным будучи человеком, непогрешим как Бог и может делать все, что делает Бог[9] Куда вас, дорогие мои, определяют – в совет или в «пятнадцатую»?!»[10]

Присутствовавшие восприняли последние фразы отца Антония как доказательство с примесью хорошего юмора и щедро заулыбались.

«Вот вы смеетесь, а ведь я не шутки ради все это сказал – чаю, стар уже в шута рядиться. Главное-то и пропустили: эти опусы показывают всю глубину падения католиков, степень отпадения от Закона Божьего. Да что там о учении Христа говорить – подобные фантазии не рождались даже в головах обуянных гордыней языческих правителей: египетских фараонов и древнеримских императоров. Поэтому растление Римом страшная вещь. Всех этих сектантов умному человеку понять проще – сами себя называют протестантами, противленцами. А отец такого противления один – сатана, первый протестант и «борец за свободу».

Мало кто из власть предержащих на Руси понимал угрозу духовного растления католичеством – Москва далеко, Петербург еще дальше. У нас выходили на битву одиночки, сродни былинным Киевским богатырям. Но только там, в старинных рассказах они были победителями во всех битвах, в жизни, увы, редко. Благочестивый великий князь Андрей Боголюбский мудро боролся с жидовским засильем в торговле, с ростовщичеством, закабальвавшим русских людей – убили. Грозный царь Иоанн Васильевич сколько трудов положил против засилья поляков и ополяченных с западных земель. Все Романовы до Петра после Смутного времени бдели, ограждая народ от католического воздействия. Петр Аркадьевич[11] понимал всю беду контакта православных с католиками, пытался даже западные и юго-западные ополяченные земли отделить от Руси – убили. Лежит страдалец в святой земле Печерской Лавры, мир духу его». Старец перекрестился.

«А вы, братия, как считаете, – заговорил отец Антоний, – время большевистской власти, до ста лет длившееся, разложило наш славянский православный народ?».

«Ну, конечно, батюшка, – отвечали не ожидавшие такого простого для себя вопроса гости, – конечно, народ испортился».

Один из пришлых, бывший секретарь горкома, как он представился, стал приводить цифры, явно доказывающие всю разрушительность власти советов. Тут были и данные по потреблению алкогольных напитков до и после 17-го, и уровень жизни, измеренный в количестве закупленных яиц, сыра, мяса и пр. на душу населения в Российской империи. Было все, вплоть до сотен тысяч аршин полотна и ситца, приобретенных в державе.

Я слушал с большим интересом – многое было абсолютно неизвестным и полностью изменяло взгляд на монархическую Россию. Конечно, мне приходилось читать мемуары Витте, Суворина, многих других современников последнего императора, но признания бывшего секретаря горкома впечатляли!

«Так это вы все о теле, а давайте о душе, друзья мои! – отвечал старец. – Меньше ста лет надо было, чтобы разрушить великую империю, Третий Рим. А католики четыреста лет властвовали на западных и юго-западных землях Святой Руси! Вы вот все говорите о возможности совместного существования, но трубы для питьевой воды и, простите, для отходов ни кому в голову не придет совместить! Древнейшая пословица русская, которой и

лет-то исчислить ни кто не сможет, сказывает за ложку дегтя в бочке меда. Ложка! А сейчас наоборот – окатоличенный деготь в размере бочки среди едва ли не ложки меда истинного православного исповедования. Четыреста лет их учили одному, воспитывали в духе Рима, а теперь они на исконно православных территориях пытаются учить людей тому чуждому, что приняли с молоком матери. Ополяченные и окатоличенные, что они могут доброго принести нам?! Отсюда и негоразды духовные. Поэтому и храмы у них - пустые, чует душа православная чуждый дух. Но главное, что не могут они быть духовной защитой пасомым, Православию, Правоверию, ибо не правоверны. Один Апостол Иоанн весь Восток поддерживал своей верой. Ириной Лионский даже Запад на какое-то время сумел утвердить в вере и истине, которую впитал в себя от святого Поликарпа, епископа Смирнского, ученика Иоанна Богослова. Почему же теперь наступил пир сатаны, бал растления и духа, и тела?!

Да оттого, что чистую живую воду Православия, которой утоляли духовную жажду наши предки, позволили загрязнять чуждыми учениями. А то и вообще привозят духовную отраву и поят ней людей, в прошлом

– православных, теперь же ставших Иванами, не помнящими родства своего. Началось с бритья бород, оголения мужского лица, а закончится полной вакханалией по примеру язычников древности. А вы говорите – католики!».

Посетители сидели молча. Похоже, нескольких из них слова старца заставили призадуматься.

«Так что, выхода нет? – спросил назвавшийся бывшим секретарем горкома, – Ни когда не соединятся православные и католики?».

«Отчего же, – отвечал отец Антоний, – уже скоро все соединятся. К этому сборищу примкнут и те, кто, называя себя православными, отнюдь не следуют установлениям церковным».

«Простите, я так понимаю, что это уже будет конец?»

– спросил самый молодой из слушавших.

«Да нет, – задумчиво проговорил старец, – перед концом, но не конец. Это, скорее начало. Начало необратимости, пойдет отсчет времени. А если и назвать это концом, то концом течения обычного миропорядка».

Пришедшие, заметив усталость старца, вежливо поблагодарили его за разговор и стали прощаться. Получив напутственное благословение и совет заниматься спасением, а не политикой, удалились. Напоследок, правда, один из посетителей не удержался и попытался вновь заговорить об актуальности объединения католиков и православных. Но спутники одернули его.

Я не удержался и прокомментировал визит руководящих господ: «Вот видите, батюшка, может, и не праздно посидели они, что-то вынесли».

«Вынесли, как не вынести. Только что?! – отвечал отец Антоний. – Впечатлений они вынесли не меньше, чем ребенок получает в зоопарке. Сейчас будут делиться ими с семейными, завтра – с начальством, потом очередь дойдет до знакомых, а приход униатский все равно откроют».

Увы, старец оказался прав, вскоре были зарегистрированы несколько униатских, греко-католических парафий.

Конец естественного миропорядка.

«Отец Антоний, – спрашиваю батюшку, – вы сказали о конце обычного миропорядка, как это понимать?».

«А так и понимать. Казнь Содома и Гоморры это есть течение обычной жизни? А превращение жены Лота в соляной столп? Конечно же, нет. В конце веков всю землю люди грехами обратят в Мертвое море, а сами станут не соляными, но каменными столпами от неповиновения Богу. Грех возведен будет до поклонения, а сами грехопоклонники низведут себя до состояния бездушного камня.

Уже сейчас нарушено течение нормальной жизни, уже теперь поруганы заповеди – закон, следуя которому мир только и может продолжать свое существование. Но будет пуще. На антихристовом соборе произойдет не только объединение «церквей», но и всемирное отречение человечества от Бога Вседержителя. А это тоже, что спилить сук, на котором сидишь. Или по свински испортить корни питающего тебя дерева, иссушить источник, воды которого утоляли твою жажду.

До этого, подставив шею под ярмо зла, мир все время пытался так поступать – пилить, портить, заглушать. Только теперь уже не будет возможности для исправления совершенных ошибок. Часы начнут отсчитывать дни до начала страшного возмездия всем отвергшимся.

Слабый, только на словах приобщившийся веры, но оставшийся в более спокойное время закрытым сосудом для принятия благодати Божией, просто не сможет противиться злу всех адских сил. Да у него и навыка не будет искать помощи в заступлении Господнем при полном детском уповании на эту помощь. Уверенность же в своих силах станет шагом к смерти. Богу нужно верить, всем Его словам и во всем. Сказано: «Бди!», - ты бди. Сказано: «Стяжай любовь», - стяжай, учись любить. Учил Господь, что и дурное слово против ближнего является осудительным - верь и не хули брата твоего. Каждый слышал, как дела милосердия искупают грехи прошлого - так оказывай милосердие нуждающемуся, где помощью и лаской, где - копеечкой. И не жалея, ведь и раздаешь-то не свое, а то, что Бог дал! Вот это основа нормального течения жизни, фундамент миропорядка, порядка в мире». Я молчал. Страшно ведь и представить, что будет твориться нечто еще более отвратительное и ужасное по сравнению с окружающей нас сегодняшней действительностью. Что уж может быть хуже той незащищенности современного человека от государства, от уголовников, которые, впрочем, тоже являются частью общества, т.к. в их существовании заинтересованы все - от «правоохранительных» органов до тех, у кого в руках сосредоточены материальные богатства страны. А старец, чуть помедлив, вероятно, отдохнув, продолжал. «В лагерях я видел выраженное зло в уголовниках. Их бесконечные выяснения отношений, драки, поножовщина... В тоже время, ни что и человеческое им было не чуждо, для них всегда была открыта дорога к покаянию и многие пользовались ней. Да, на первом месте почитания у них была сила, прежде всего, физическая. Но и духовное величие, даже не понимая его во всей полноте, они начинали уважать, пусть и не сразу. Кто-то опускался до звероподобного состояния, но большинство все же хоть в зачаточном виде сохраняли человеческое подобие. Это я к тому, что люди, хоть и преступники, но были открыты добру. Как узы Первоверховных Апостолов в Риме? Словом Божьим, своей чистотой и праведностью они всех томившихся в темнице узников сделали овцами стада

Доброго Пастыря, обратили от зла к любви Христовой. Наполнили опустошенные грехами сосуды душ человеческих живой водой Святого Духа. Но чтобы такое благо сотворить, надо самому быть исполненным драгоценной влагой веры и любви. В последнее время все и вся будут во зле. Не по рождению, не по полученному воспитанию, а по страстному желанию греха. Дети из кажущихся порядочными семейств погрузятся во мрак этого исчадия ада - наркотиков. Блудницами, как в Первом Риме, будут становиться не столько по причине безденежья, сколько из желания удовлетворения страсти плоти, увлечения похотью. Содомия вообще будет считаться чем-то вроде изысканного блюда на пиру чревоугодников. Не будет даже моральных, а не то, что уж духовных ограничений в сотворении греха, все будет безмерно распалять страсть. Безстрастность станет отвращать от себя и многих из тех, кто объявляет себя православными. Девственность девочек, и, как это не ужасно слышать, мальчиков, уже не будет сокровищем, которое заповедано беречь подобно хрупкому сосуду с драгоценной жидкостью. Не нравится, отче?! А чего всего этого мы уже не знали? Не магометанские ли поэты, заметь, самые известные, спорили в поэмах о том, с кем лучше похоть удовлетворять - с девушкой или с юношей?! Именно они и занесли эту мерзость к нам несколько десятков лет назад. Они будут в числе торжествующих на пире сатаны, мусульмане последних времен вместе с иудеями и теми, кто пророчит царство добра на земле. Несчастные... Но и это для похотливцев последнего времени только некая промежуточная стадия. Скоро греховодников с деньгами уже не будут ублажать подобные похотливые развлечения. Они станут потчевать своих гостей блюдами из этих детских тел, людоедство будет восприниматься вполне нормальным действием, даже больше – признаком хорошего тона. Потом из удовольствия оно перерастет в простое удовлетворение чревоугодия. Вначале же это будет чем-то вроде блюда времен первого Рима из тысяч язычков жаворонков. Ты доживешь... крепись!

Нет ничего невозможного для Господа, и в последние времена Он сохранит верных. Самых сильных ждет, конечно же, Голгофа, страшная тайная Голгофа, устрояемая всеми силами ада. Но будет и праведное духовенство, сохраненное Спасителем для сотворения Божественной Литургии, ради сопричастности Христу верных, прячущихся среди дикого разгула безбожников. Никто из жаждущих спасительного Причастия не останется безутешен. Будут они иметь и духовное окормление, и исповедь, и, главное, принятие Святых Тела и Крови Христовых».

«Отец Антоний, – перебиваю я старца, – но как же сподобиться всего этого. Все мы люди грешные, все, так или иначе, но под властью мира. Как же сподобиться, я уж не говорю – избранности, но хотя бы сопричастности избранным?».

«А будь сопричастен. Ведь все есть в Евангелии, Апостоле, растолковано Святыми Отцами. Стремись исполнять сказанное и записанное ними. Вспомни, что Христос предложил юноше, который свято исполнял требования закона, заповеди Божьи: «Раздай имущество и следуй за Мной». Милосердная любовь только и может сделать верующего действительным спутником Спасителя. Сам знаешь, рабский удел – точное исполнение заповедей. Сыновий – в уподоблении Богу любовью ко всем своим братьям во Христе. Сколько раз Он повторял, что пришел на землю не ради праведников, но для вразумления грешников, их обращения к Добру, милосердию и добросердечию.

Вот и стоит вразумиться, услышав глас Сына Божьего, приняв земную жизнь Его, как пример поведения для каждого, жаждущего спасения. «Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с Небес...». Вся Его жизнь – это восхождение на Голгофу со Крестом на безгрешных раменах. Для нас смысл такого восхождения не просто в претерпевании

страданий, а в Воскресении! Обретении жизни вечной, святой и благой, в сиянии Божией славы!

Все нам открыто: Христос не имел даже собственного жилья, творил ближним добро. Не всегда Он и ученики Его могли пожертвовать даже мелкую монету на содержание храма. В страшную минуту перед неправедным судом и Голгофой, зная что Его ожидает, Христос молится до кровавого пота. А та часть молитвы, которая была записана Апостолами: «Отведи от Меня Чашу сию, но да будет воля Твоя, а не Моя», должна была бы стать смыслом поведения любого христианина. Должна, но увы, отче, не стала... Вот, что страшно.

Как сохранить праведность священнику.

А тебе вот что скажу: деньгами алтарными, церковными пользуйся с осторожностью – там и лепта бедной вдовы хранится. Лепта того нищего человека, которому и свечу церковную купить не по карману. Помни это всегда и трать заработанное с трепетом, не бери лишнего, дабы не вызвать гнев Божий. Хочешь большего, поступай как Апостол Павел, который мог иметь все от алтаря, но всю жизнь питался плодами трудов своих. Вот ты можешь трудиться, так и трудись, не смотри на уготавливающих себе огонь адов с деньгами церковными. Лучше претерпи неустройство, даже нищету, но не зарься на дарованное Богу. Вспомни детей Илийя, что воровали от жертв, принесенных Господу. Они, приобретая безчестно чужое, обогащались смертью, но не приобретали драгоценную жизнь. Думая, что украденное будет способствовать их благополучию, по безумию и нечестию своему, они лишь стяжали на свои головы гнев на день гнева.

Что изменилось? Мы свято исповедуем, что Господь Бог неизменен, значит и всяк тот, кто нарушает заповеди, также будет покаран, как и все нечестивцы прошлого. Страшно...».

Рождение катастроф.

«Отец Антоний, – выдержав паузу, начал я, – но мир устроен по достаточно жестким законам. Понятно уже сейчас духовное разложение из-за отхода от закона Божьего. Но все же, как это может влиять собственно на землю, на возможность катастроф и всех иных катаклизмов».

«Катаклизмов, говоришь? – старец усмехнулся, – И где только эти слова откапывают новомодные мудрецы! Нет никаких катаклизмов, равно как и всех иных «измов». Как ты там еще сказал, – старец усмехнулся, – «по достаточно жестким законам»?! Нет, мил ты мой человек, истина не может быть расплывчатой - достаточно, недостаточно... Закон Божий, это не закон человеческий, который, знаешь, что дышло. Закон Божий он неизменен и не может быть достаточным или нет. Да-да, нет-нет, а все остальное от диавола, ни каких различий. Закон вечный, закон неизменный, закон нерушимый. Да, Творец, Создатель мира, существующего по этому закону, мог вносить изменения, нарушать, так сказать, порядок вещей, не нанося при том вреда созданию. Но только Он. Каждый же из нас, пытающийся нарушить закон существования мира, угнетает и разрушает обитель своего временного пребывания. А в основе всего закона лежит достаточность. Строит человек себе дом больше необходимого – вырубит для постройки, а потом для отопления лишние деревья. Город – еще хуже, вроде бы и удобно, хорошо, но человек живет в мертвом мире не ощущая себя частью созданной Богом природы. Только в городе обезумевший разум мог родить чудовищные по смыслу слова: «Человек – это звучит гордо». А все потому, что

города изначально созданы попирать и уничтожать живое творение Божие от простой былины до царя природы.

Где неповрежденное мироощущение; где труд, как праздник жизни; где работа физическая от рассеяния? Нет, не мертвая фабричная, убивающая и душу и тело. Это не та, которую имеет крестьянин, трудящийся для рождения жизни нового семени, нового племени. Но и крестьянин стремится взять от земли больше необходимого. И машины, и наряды, и пиршества неумеренные. Вот эти неумеренности и рождают твои катаклизмы!

Чаще всего, когда говоришь о будущем, раздается один вопрос: «Что, Бог так немилосерден, что способен погубить все народы?». Губит людей не Господь, а дьявольская неумеренность во всем. Денница на каком месте величия находился, а позарился на большее, на место Бога. Неумеренность сгубила и его, и наших прародителей. Все имели, а хотелось «стать как Боги». Плоды всего райского сада были доступны и благословлены для потребления, но какое-то одно яблоко оказалось более вожделенным, чем повиновение Творцу и блаженство общения с Ним! Вот она, эта страшная адская неумеренность.

Сатана и все черные ангелы его – воплощение неумеренности не только в упоении пороками, но и в необузданном стремлении поглощения душ человеческих. Смотри, Христос говорит лишь о малом стаде спасенных, о том, что при Втором Страшном пришествии едва ли одну душу верующую найдет. И это говорит Бог, Который Себя предал на поносную смерть ради спасения этой единственной души, ибо тесен путь спасения, узка и терниста дорога к райскому блаженству. Насильно ни кто человека не принуждает следовать по ней. А истина тесна, поелику она не допускает отклонений, не приемлет суеты человеческих суемудрии.

Совсем другим отличается дорога к аду, она широка. Тут позволительно все, что уводит от пути праведности. Полная свобода... для греха и греховности! Свобода для заблуждений и суемудрии, для своеволия и празднословия, праздности и похоти, чревоугодничества и пьянства. Все на виду и все кажется открытым, все, кроме истины. Причем, чем дальше человек отошел от тернистого пути праведности, тем меньше у него возможности обрести правильный взгляд на мир.

Сколько православных было в России до революции? Трудно исчислять! Но большая часть их ходили в храмы чисто обрядно, для порядка. Все жители городов тогда были приписаны к определенным храмам, в которых они должны были, согласно установленным правилам, исповедоваться и принимать Святое Причастие. Поэтому большая часть жителей империи были православными ради порядка.

Если бы сохранились мирные времена, то большая часть людей с такой верой так и отправились бы в мир иной, не оценив великой милости Божией – дарования им знания Истины, возможности праведно поклоняться Богу в Православии. Но пришли страшные времена отступничества, христопродавства и сколько верующих прияли венцы исповедничества и мученичества! Выходцы из всех сословий стремились обрести путь истины и пройти по нему к блаженству рая. А ведь большинство из них в мирное монаршее время и не думали об этих особых видах святости, считали, что одной формальной принадлежности к Церкви Христовой достаточно для спасения. И только видение ужасных плодов греха, отпадения от Бога и заставило их выбираться на верную стезю спасения, которую они оставляли в забвении во времена более спокойные, времена кажущегося торжества Православия.

Это всех нас касается, выходцев из тех времен. Все мы, в большей или меньшей степени были православными лишь по названию. Православными по привычке – закон Божий в гимназии, исповедь и Причастие по распорядку. Где-то и посты соблюдали, но, опять таки, посты обрядные, а не духовные. Да, не подавалась мясная пища, но те постовые изыски, которые были на столе, сегодня и на Светлой Седмнице большинству людей нашего многострадального Отечества и не снились!

А почитай чем потчевали всех нас журналы, газеты, книги?! Даже православные по названию, они вносили сумятицу в умы граждан. Какое почитание ересиарха Льва Толстого! Впрочем, этого возвестителя идей ада, соблазнителя маловерных, и ересиархом трудно назвать[12]. А горы плевел в виде «трудов» поэтов и писателей из иудеев и иудействующих?! Увы, все это было результатом внесения в наши православные души духа католичества и протестантизма, идей иудаизма. Вот это-то чуждое русской душе мировосприятие так прочно вошло в жизнь, что уже и воспринималось как нечто естественное, закономерное. Это зло, о котором я тебе уже говорил. Возьми ты колхозы, которые все ругают сейчас, создание которых унесло тысячи, если не миллионы жизней настоящих крестьян. И вообще, которые были абсолютно чуждыми нашему укладу жизни. Кто привнес в империю эту идею?!».

Я, естественно, знал идейного родителя колхозной системы ведения сельского хозяйства, но стоило мне открыть рот для ответа, как заговорил старец.

«А ты, отче святой, не отвечай, уверен – знаешь. Вот тут приходили ко мне недавно «паломники». Как обычно, благословение брали на Святую землю ехать, а посетили Израиль, ибо его только и видели. И кой восторг вызвало у них ознакомление с кибуцу, суть – нашими колхозами в их воплощении!

Но нельзя останавливать свое внимание на действиях стороны враждебной. Следить за действиями ее надо, но это не должно становиться самоцелью. Умный полководец за войском противника наблюдает, но паче всего – свое к битве готовит. Вот и нам, мил ты мой человек, спастись надо подготовкой своего войска - исполнением заповедей и закона любви. Коль каждый бы готовил себя к битве, да на помощь Всевышнего действительно уповал, а не говорил: «До Бога высоко, а до власти далеко», – так и враг был бы не так страшен.

Душа моя, отец Александр, делай то, что ты делаешь. Только прибавь к этому молитвенности и подвижничества, а мученичество тебе добавят, не сомневайся, за этим не станет. Терпи».

Время.

Старец замолчал, я тоже пребывал в обдумывании его слов, и келия наполнилась тишиной. И именно тишина стала причиной прекращения моих раздумий: «А почему не слышно звука идущих часов?», – эта мысль отвлекла от размышлений по поводу сказанного отцом Антонием. Убранство келии настолько было простым и неприхотливым, что даже короткого осмотра было достаточно для того, чтобы понять – часов-то и нет в ней. Это уже было для меня просто непонятным. С другой стороны, зная хоть немножко старца, вызывало догадку, что тут кроется какой-то особый, известный ему духовный смысл. «Батюшка, простите, – начал я, – а почему у вас часов в келий нет?».

«А о каких ты часах говоришь, душа моя?», – чуть усмехнувшись, проговорил отец Антоний.

«Ну, как о каких, об обычных настенных или настольных часах!», – отвечал я.

«Подвижники древности, с которых мы должны пример брать, гробы ставили в келиях, а не часы. Имей смерть перед глазами, а не часы – спасешься!».

«Отец Антоний, – возразил я, – но ведь время как-то определять надо, хотя бы для своевременного начала служб в храме?».

«Вся эта необходимость, как ты говоришь, зиждется на той же неумеренности, – отвечал старец. – Во-первых, есть время, исчисляемое Самим Богом – это время, определяемое движением светил. Они и покажут когда службы править, как и установлено то «Типиконом»[13]. Во-вторых, время не является величиной, доступной для понимания человеческим разумом. Оно весьма на земле относительно - каждый знает, что один и тот же час длится по-разному: если это ожидание, это одно. Если неожиданная радость, то час как минута проходит.

Но настанет время, когда каждая минута для верных будет ощущаться годом, целой жизнью, столько ужасов будет вокруг. А часы по-прежнему тиканьем отсчитают те же секунды, минуты, часы...

Англии не будет, остров уйдет в море, отягощенный океаном грехов, греховных измен Богу. Грехом, как неправильно выбранным путем, путем заблуждения. Тоже ждет и деспота восточного – Японию. Их часы тоже будут продолжать отсчитывать время человеческое, но для жителей оно уже остановлено. Их упование на разум и возможности его уже переполнили самую большую чашу терпения. Землетрясения и морские волны уничтожат острова нечестия, нового Вавилона идолопоклонничества падшей природе человека».

«Отец Антоний, – перебил я старца, – а Индия, Китай, другие страны, какая будет у них судьба?».

«Отче, ты же разговариваешь не с Определителем судеб, а лишь с жалким отражением Его. Как можно с точностью говорить о судьбах целых народов?! Сказать можно только о том, что было открыто, но вспомни, опять таки, обиженного пророка. Удел-то всех будет один – Страшный Суд. А до него...

Китай захлестнет большую часть России, конечно, Украина часть ее. Желтыми будут все земли за горами и после них. Сохранится только держава благоверного Андрея, великого его потомка Александра и ближайших ростков от их корня. То, что устояло, то и будет стоять. Но и это не значит, что сохранится православное государство Российское в пределах властвования антихриста, нет. Название может и сохраниться, но уклад жизни будет уже не великорусским, не православным. Совсем не русское начало будет довлеть над жизнью в прошлом православных жителей.

Желтое нашествие – не единственное. Будет нашествие черное – голодные, пораженные неизлечимыми болезнями африканцы наполнят наши города и веси. И это будет много, много хуже того, что сейчас происходит от засилья выходцев с Кавказа, Средней Азии... Хотя и эти своим вниманием вас не оставят – их число будет расти. Они охотно примут все то, что им предложат за чечевичную похлебку: войдут в объединенную «церковь», примут антихриста...

Поэтому будет все, кроме Православия, ибо оно есть первый обличитель в мире поднебесном всякой неправды, лжи и суеты. Именно оно является особым показателем правды, чистоты и истины.

Да, легче будет спастись в весях. И это просто объясняется – торопливость диавольская скажется. Тоже можно сказать и о Полесье нашем да Белорусском. Но важно не место, важно отрешение от всего, что связывает человека с сатанистской сущностью наших государств, со всем укладом жизни человека, который направлен на зависимость от некоего «центра». А у центра этого и рогов не надо будет искать – и так все видно. Изочтут весь народ, да номер каждому дадут, как в лагере у нас в сталинские времена, то была первая проба весь мир в лагерь превратить.

Потом задавят поборами, налогами – на все их назначат: и на землю, и на воду, и на тепло. И получится так, что человек все деньги отдавать станет некоему «государству», а это, мил ты мой, не держава, не отечество, а тот же рогатый искуситель. Будет человек в полной власти того, кому кровные-то свои отдал, потому, как не привык посты держать, тем паче, посты суровые. Не привык жить «хуже всех», гордыньку-то да не смирил, все «на потом» откладывал. А пришло это погубляющее «потом», так встречать его не с чем оказалось, как человеку, не взявшему зонт в проливной дождь. Упаси Господь долги делать да всякие там кредиты брать – на хлебушек кой-как хватает, и слава Богу. Остальное – от неумеренности.

Государство будет и уже является главным врагом спасения. Это чудище многоголовое, без имени, без звания, живущее только за счет высасывания последних соков из людей, преклоняющихся перед ним. Головы сего монстра – суть разные власти: президент и министры, советы, парламенты всякие, бандиты разных мастей: в милицейской форме и в этих тренировочных костюмах, суды, особые части армии, в общем, все те, кто пожирая плоды труда человеческого, питает тело чудовища».

«Отец Антоний, – перебиваю я, – а как же подчинение власти, объявленное Апостолом?».

«А что я говорю несогласное с Первоверховным?! – старец удивленно открыл глаза, – Не Павел ли нес слово Евангельское вопреки всем запрещениям властей? За что был казнен Апостол Петр, за что подвергался изгнаниям Апостол Иоанн Богослов? Да что тебе говорить, не хуже моего знаешь и изгнание святителя Иоанна Златоустого, и тернии жизни святителя Василия Великого. А сколько претерпел святитель Григорий Палама? Так если говорить, то и величайший праведник святитель Гермоген не должен был просвещать, наставлять и благословлять народ на борьбу с польскими и иже с ними захватчиками?! Тоже власть была, и тоже попущена Богом, но по грехам людским, по грехам...

Различать все это надо, Иуда Маккавей против властей восстал за чистоту исповедования веры, но пребывает ныне с праведниками. А Иуда Искаротский исполнил повеление властей – Христа им продал, однако и земля отказалась тело предателя принять. Два человека с одним именем. Кажется, все за то, чтобы Маккавей был изгоем, а нет, дело Божие с разумением должно совершаться. Одно – когда ты властям перечислишь по своей гордыне, из-за собственного тщеславия, а другое – из ревности к вере Божией. Враждовать нельзя, но и то не всегда – пусть враг Бога твоего будет твоим врагом! Это и к любой власти относится.

Власть последнего времени – власть бесовская, растлевающая. Только благодаря ее действиям удалость сейчас добиться такого разрушения нравов, но еще пуще будет через некоторое время. Все эти правительства, парламенты, подчиняясь мохнатой лапе рогатого

хозяина, подведут людей На поклон ему. Но подведут не столько силой, сколько поймав подданных своих в тенета похоти. Эти сети будут ними же расставлены, но, как говорится, не был бы искушен, если бы не хотел искуситься. Человечество уверенно и сознательно готовит себя к власти антихристовой, оно хочет пленения этими сетями, не по нраву людям свобода Христова, Крест и Голгофа Его.

Власть сегодняшняя – власть временная, не основательная. Это не то, что монархия русская, когда от отца к сыну наследие вместе с ответственностью передавались. Лучше ли, хуже ли был царь, но он был православным рабом Божьим, отцом для своих подданных, хозяином в стране, которую по наследству передавал родному сыну.

Все нынешние выборные – рабы, да не Бога. Хозяин их будет делать все, чтоб подвластные им народы не задерживались на коротком пути во ад. Чтобы все подчинено было и помогало главному – созданию всемирного государства и пришествию антихриста. Эдакой-то власти сторониться надо. Да и противиться не мешает там, где касается вопросов веры, спасения... Кесарю ведь только кесарево, но Божье-то Богу!

Выживать можно будет только по примеру первых христиан – исполнять должность, но свято хранить и оберегать свое христианство. Только труднее будет, чем у последователей Христовых первого времени – и соблазн больше, и контроль куда как сильнее. Языческие государства просто существовали, и борьба против христиан была только со стороны иудеев да одураченных ними же идолопоклонников. Теперь все силы ада нападут на последних верных ради соблазна их, соращения с пути спасения и направления на скользкий путь страшной дороги во ад. Это и будет главной целью всех власть предержащих нынешних последних времен.

Судьбы мира

«Отец Антоний, – начал я, – а как вот пророчества о восстановлении монархии российской, периоде подъема Руси?».

«Душа моя, я же говорил уже тебе, – отвечал старец, – что судьбы мира может знать только один Вседержитель. Мне дано было видеть опасности последнего времени и то, как спастись, о том и молвлю. Однако, будет монархия, не будет монархии – что спорить, и как это связано со спасением? Я так понимаю: ну, восстановится монархия, и что все люди пойдут в храм, начнут держать духовные посты, сохранять целомудрие, будут учиться любить ближнего?! Конечно, восстановление монархии может стать долгожданным дождем после страшной засухи. Но после таких проявлений милости Божией из земли быстро-быстро появляются сорняки, которые заботливый земледелец выпалывает. Так что с монархией тоже бдеть надо, дабы сорняка на наших грядках не увеличилось так, что добрая поросль отеческого благочестия совсем места для себя не найдет.

Хотя особо кручиниться не стоит - посмотри, сколько святых просияло в разные времена, от часа проповеди Апостольской. И больше всего в периоды гонений – сонмы мучеников, исповедников, апологетов. Мы исповедуем, что Церковь земная – это Церковь воинствующая, только видеть ее хотим торжествующей. Так ведь удобнее: и от властей какой-никакой почет, и от богатых копеечка. Службу правь исправно, и люди не обидят. Хотя, народ у нас такой сердобольный, что и нерадивого голодным не оставит».

«Отец Антоний, – настаивал я, – все же, что будет с нашим краем, с Русью православной?».

«Э-эх, мил ты мой, это было важно не в конце времен, не сейчас! Сейчас много важнее, где лучше спастись, – сказал старец с некоей грустью. – Запомни, душа моя, самое плохое Господь обращает к нашей вящей радости и пользе. Батюшка твой родом из России?».

«Да, – ответил я, – из Тверской губернии».

«Давно ты там не бывал?» – опять спросил старец.

«Лет двадцать, отец Антоний, – отвечал я ему, – а что там и делать – деревня лесом заросла, да и пройти к ней от станции невозможно. Десять километров – а хуже чем у нас сто. Все деревни и села вымерли, земля покрылась непроходимым подлеском и заболотилась. Там жизни нет!».

«А как ты думаешь, – продолжал отец Антоний, – почему Господь попускает подобное? Тверская – это ведь источник вод не только всей России, но и многих части Европы. А Полесье, закрытое для людей ядом Чернобыля? Это ведь тоже источник вод?».

«Не знаю, отец Антоний, по грехам, наверное, попускает Господь», – без уверенности сказал я.

«По грехам-то оно по грехам, но не без промысла о нашем спасении, – чуть улыбнувшись, ответил старец. – Это места спасения! Наказуя нас за упование на горделивый разум, Отец наш Небесный, однако, сохраняет для нас пустыню с источниками вод, ибо иссушенность последнего времени, жажда людей – она будет не только духовной. Жажда будет и обычная, плотская, человеческая. Вот, скажем, ты захотел пить сейчас, как ты утолишь свою жажду без воды водопроводной или этой, в бутылках? А никак! Потому, как нет воды. Выпьешь из речки или пруда – отравишься. Колодцев не осталось совсем в городах, да и вода в большинстве из них не лучше речной».

Это одно, второе. Сидел со мной один бывший партизан из этих мест, рассказывал истории их боевых действий и то, что база партизанская была в лесу. Именно лес был порукой безопасности отважных защитников Родины, убежищем для них, возможностью сохранять провиант и оружие без опаски на немецкие обыски в городе: жили-то они среди людей, работали, в основном, на железной дороге. А сидел бывший партизан вот за что: погубило большинство его товарищей, кто-то предал, а он в лесу и пережил тяжелые времена. Наши пришли – предатель, чуть не расстреляли, хорошо документы какие-то сумел сохранить, в итоге – двадцать лет лагерей. Но не выжил, от обиды сломался и дошел, а человек был изумительный!

Так вот, я когда пришел, и люди меня привели в мал-мал нормальное состояние, имел возможность ездить по краю – заготавливать по нарядам дрова и уголь для кочегарки. Езжу, смотрю – а лесов то и нет! Спрашиваю: «Где? Говорили, что был же лес». Отвечают: «Вырубили на восстановление народного хозяйства!». И с гордостью говорят, как будто подвиг какой совершили.

Строевой повырубят везде – это деньги, все та же жажда богатства от неумеренности. Но потом заболотится земля, подлеском Господь благословит – и будет где душе православной спастись. А в подлеске-то и ягоды, и грибков по более чем в старом лесу, да и найти человека труднее. Поэтому и дичают эти края, становясь новоявленной пустыней, будущим убежищем для всех, кто не хочет идти на поводу у дьявола. И спутником их не изочтешь, если нет числа адова, да паспорта клейменные выбросили».

«Подождите, батюшка, – перебиваю я старца, – а паспорта при чем тут, как же человек сможет обойтись без паспорта, если сейчас проверяют наличие его на том же вокзале обязательно, билет не возьмешь без паспорта?!».

«А зачем тебе билет, душа моя? – чуть улыбнувшись, отвечал отец Антоний, – Что за надобность такая – кататься?! Куда собрался ты ездить при антихристе?».

«А, вы не за сейчас говорите, – чуть смутившись, проговорил я, – тогда понятно».

«То-то и оно, – продолжал старец, – что все навыкли кататься и бегать с места на место, но мало кто – стоять на коленях в молитве! Не полезно все это, ой, как не полезно! Эта суета перемещений разрушает мир душевный, выводит из состояния успокоения, размышления. Кто мечется вперед-назад, крутится, топчется, все время находится в движении? Бесы! Вот и мы суетой своей уподобляемся им. Блаженный пастырь митрополит Иоанн увидел танцующих в виде бесовском. Кольми паче сегодня – нет спокойствия и не только в беснующихся танцевальщиках, но и в обычных людях.

А ведь на все это есть предупреждение, что будут бегать люди, ища не спасения духовного, а убежища для плоти, да не найдут его.

Новые паспорта будут нести на себе печать антихристову и на него работать. Не знаю, нынешние сигнализируют спутникам или нет, но то, что такое будет, говорили мне люди сведущие. Будучи настоящими православными христианами, они болезновали душой, что сопричастны этой компании слежения за людьми, да спрашивали совета, как поступать».

«Батюшка, – перебиваю старца, – а у вас новый паспорт есть?».

«А зачем он мне, отче? Меня поездом возили в лагеря, да в Москву ездил – тогда был старый паспорт, советский. Самолетами отродясь не летал. А так я больше пешком или электричками. Глядишь, кто-то машиной отвезет, часто такое было, особенно в последнее время – совсем сейчас ногами ослаб. Ведь вся уловка адская в том, что человек желает все больше и больше, и конца этим желаниям нет. Кажется, так хорошо – за пару часов на самолете одолеть расстояние в несколько сотен верст. И на автобусе нынешнем, вон какие красивые ездят, тоже не плохо. А сравни паломничество старое, пешком, с полетом или поездкой. Тогда за дорогой размышляли, внимали Божьему миру, утешали душу благочестивыми разговорами. Как они были интересны, эти паломники! Мы за чаем на кухне слушали их рассказы буквально раскрыв рот. Даже отец стал нахаживать к нам послушать истории путешествий ко святым местам.

А сейчас?! Приходят после поездок ко мне и как будто отчет сдают – вычитали столько-то акафистов, отслужили такие-то молебны и пр. А итог-то где, где внимание себе, где размышление, где понесенные труды, наконец?! Пустота... Это пустыня, только не пустыня молитвенности и борьбы со страстями, а пустыня духовная, в которой отсутствуют даже малые ростки самопознания и брани невидимой».

«Отец Антоний, – перебиваю старца, – так что, эти паломничества бесполезны?».

«Я разве тебе сказал такое? – старец даже приподнялся. – Любое насыщение человека благодатью святых мест – полезно, необходимо просто. О другом же молвлю. Один человек черпает воду в колодце хорошим ведром, а другой – дырявым. Есть разница? Вот так-то, отче!

Мы за паспорта начинали. Нет у меня сейчас ни нового, ни старого. Зачем придумали власти эти бумажки? Чтоб люд православный легче контролировать было. При царь-батюшке брали паспорта только выезжая за края Отечества, из России. Красные демоны определили каждому и на всяк час иметь их при себе. Не дай Бог не представишь представителю в погонах – лагерь. Но это только цветочки. Говаривали мне приехавшие с Запада, что по карточкам тамошним денежным уже теперь определить можно даже местонахождение владельца. С паспортами будет еще хуже – не просто определяют, где ты купил деял, но и все о тебе данные и местонахождение на земле, под землей, над землей, все можно выяснить.

Целей всего этого несколько. Во-первых, заставить людей пользоваться банками, все деньги нести туда, в капище Мамоны. Ох, и увлекать будут они всех в эту игру! Только это игра сродни игре кошки с мышкой – никакие сбережения не обеспечат человеку довольствие на последние годы жизни человечества. Как кошка, наигравшись с мышкой, все равно ее съест, так и банки, хозяева их, людей на колени нищетой поставят, обобрав до нитки. Хотя, какие хозяева, один рогатый господин во всех этих капищах!».

«Отец Антоний, – прерываю старца, – так что же, нельзя и сбережений иметь, каких-то запасов? Неужели какой-то задел, пусть небольшой даже, не нужен?».

«Отче, зачем за словами моими искать несказанное? – отвечал отец Антоний. – Речь моя о банках, о лишних деньгах, которые люди стремятся сохранить на будущее. Одно это уже является грехом, заблуждением не совместимым с православием. Как поучительна притча Христа о человеке, собравшем богатый урожай зерна и хотевшем построить новые житницы! А час его жизни уже истек, и ночью должна была быть истянута душа несчастного, желавшего жить долго и безпечно. Но это отнюдь не оправдывает и мотовство, если Господь благословил достатком большим необходимого. Ему же, Дароподателю, и верни лишнее через тех, кого Он назвал братией Своей меньшей. Как-то несколько лет назад был на селе у одного священника, так они показали мне местную «достопримечательность» – женщину, у которой «на книжке» пропало несколько миллионов советских рублей! Одета была «миллионщица» в брезентовые брюки и брезентовую же куртку-рубашку, в подобном, говорят, всю жизнь проходила. Годков ей - далеко за восемьдесят, живет в страшной лачуге, а в новый дом, который построил перед смертью в начале семидесятых отец, так и не вошла. В конце восьмидесятых построенный дом сгнил и развалился. Во как бывает!

Душа моя, важен не предмет, а отношение к нему. Супружество грех? Нет, но не для всех. Праведный Иоанн Кронштадский и сам просиял, и супругу свою поднял до святости. А кто-то и из брака Богом благословленного конюшню устраивает, погибая сам и в погибель свою втягивая всю семью. Тоже скажу и о сегоднешнем. Апостол допускал супружество и как средство от излишней похотливости. Более того, он же увещевал супругов если и удаляться друг от друга, то только на короткое время ради молитвы и поста, но по обоюдному согласию. Видишь, даже таинством следует с умом распорядиться, главное ведь не соблазнить даже того, чье тело суть продолжение твоего.

Сбережения в последнее время нужны, даже обязательны, но стоит собирать и сохранять скарбы духовные. Хотя и мирское не помешает, только не деньги или мебель с приборами. Вся ценность и того и другого высока только в условиях мира устойчивого, в другое время она призрачна. На самом деле истинную ценность обретут те вещи, которых сейчас даже замечать многие не хотят – печи старого образца, «буржуйки», как окрестили их коммунисты. Топоры, пилы, молотки – это тоже весьма нужные в хозяйстве вещи, вот что

будет иметь цену. Тот, кто покупает ныне электрические приборы, закапывает свои деньги в землю, а точнее – часть своей жизни пускает на ветер. А это излишество сродни самоубийству.

Как человек относится к подаркам близких, особенно родителей? Хранит, уважая в подарке не столько ценность его, сколько воспоминание. Все, что мы имеем – это подарок Отца нашего Небесного от самой жизни нашей до последней копейки. Значит, и относиться к использованию всего имеющегося нужно с осторожностью.

Готовящийся сейчас уже к жизни вне существующего общества, вне его законов, тот будет более защищен и от вериг диавольских. Не приобретай всего того, что имеет ценность только при «если»: если есть электричество, если есть батарейки, если тебе просто позволят всем этим пользоваться. Сейчас, конечно, весь продающийся хлам работает, и на покупку этих вещей настраивает сам уклад духа нынешнего века. Только ценность их относительна даже в условиях сегодняшних. А потом все это вообще обратится в груды ненужного мусора, на приобретение которого было потрачено время жизни.

Хотя это только одна сторона медали. Вторая заключается в том, что все это «электробогатство» станет вскоре следить за своими владельцами, прослушивать разговоры их. Говорил я тут на сей счет: разъяснили, что очень скоро и утюг сможет подслушивать. Слава Богу, у нас в доме все утюги угольные, не электрические!» – заулыбался старец.

«Отец Антоний, а как же машина, телефон и все прочее?» – спросил я.

«А что машина? Ну, и имей ее, только без электроники всякой, простую. Бичом станет для человечества именно эта пресловутая электроника. Создатели ее бесов сажают туда толпы, вред один от нее, а не польза. Помню, сразу после войны пришел новый «хозяин», начальник лагеря. Воевал, правда, в СМЕРШе. Из Германии пригнал он машину очень большую, красивую, называлась она необычно, как-то хищно».

«Хорьх», наверное», – уточняю я.

«Не помню, отче, знаю, что звериное что-то. Да, так вот все заставлял мыть ее – там же и ездить-то было некуда, до села и назад в лагерь. Дороги даже путящей не было. Так вот как он не гонял ее по бездорожью, ломаться – не ломалась, не помню, чтоб ремонт ей серьезный делали. И без всякой электроники была машина.

Я мню, что эта электроника, как «цивилизация» – жили люди без нее и были счастливы более чем сегодня. Поэтому не полезно все это человеку, оно и сейчас мешает, отнимает большую часть жизни на зарабатывание, потом же будет просто губительным.

Сохранение же денег в банках – вообще глупость. Эти банки очень скоро «лопнут», развалятся. Рогатый господин всей системы погубления душ человеческих хитро замыслил, чтоб даже следов не осталось от возможной самостоятельности людей. Когда-то вкладывали деньги в золото, книги, картины, такое все. Тоже не полезно, но, как-никак, а что-то и можно было продать на рынке за буханку того же хлеба. А со сбережениями в банке это не пройдет – глазом моргнуть не успеешь, как все «сгорит», вчера богач, а проснулся – не за что и булку хлеба купить! Все эти счета и карточки – надувательство сплошное, нет за этим ничего. И деньги современные – это бумага, да и не лучшего качества к тому же. Видел бы ты «николаевки»!

Но это лишь одно из качеств денег. Деньги являются дьявольским изобретением и самое главное подтверждение этому – их надуманная ценность. Кусок бумаги, а стоит в мире человеческом многого труда людского. Значит – это мираж, а это уже из области действия духов злобы поднебесных. Нет ценности у этой бумаги, один лишь обман, за который и душу продают некоторые.

Телефон, говоришь. А это тот же призрак, тоже обман и заблуждение. Кажется, вот слышу голос знакомого, а то и дорогого человека, на вопрос – ответ. Но скажи, душа моя, читаем мы письма святых, послания Апостольские, возможно было бы все это, если бы они пользовались этим самым телефоном?! Пишет человек письмо и думает, думает и о себе, и о человеке, которому адресуется послание. Это возможность остановиться и подвести какие-то итоги, оценить происходящее как постороннему наблюдателю. А телефон? Суета одна и пустота. Здоров – здоров, чем занимаешься – тем-то. И все... Нет, мил человек, письмо – это часть души. С болью написанное, оно как проповедь хорошего пастыря – от сердца к сердцу».

Старец замолчал. Я тоже молчал и ерзал на стуле – отвык от этих советских жестких седалищ. Трудно представить, что люди использовали их как постоянное место для сидения. «Все же, – подумал я, – у цивилизации есть и привлекательные стороны», – представляя себе мягкое кресло.

«Не по нраву тебе наши стулья, – открыл глаза старец и усмехнулся, – то-то все скрипишь! Мне тоже, честно говоря; вообще к мебели не привык».

Литургия во времена гонений.

«Отец Антоний, – начал я, – вот вы говорите, что в селах будет проще спастись. Но там же как раз каждый человек как на ладони, все и все друг о друге знают, какая там пустыня, как можно в селе найти убежище?».

«Давай начнем с того, что говорил я о мирянах, а не о священниках, – отвечал старец. – Это очень важно, потому как для мирянина много проще будет подыскать себе убежище на последние годы. Духовенство же – это как солдаты на войне, не их дело прятаться, но следует быть на передовой борьбы с сатанизмом. Все мы принимали присягу и все клялись нести крест Христов, вот и надо нести, а не пытаться переложить его на рамена другого.

Да, будут избранные с призванием на несение креста Литургического ради тех немногих верных, которые еще останутся, будет совершаться Евхаристия. Хотя и для них мученичество не заказано, большинство венцов сподобятся».

«Отец Антоний, – опять перебиваю я старца, – простите, но все же уточните, где будут совершаться Божественные Литургии? Если начнутся такие жесточайшие гонения, а православный храм видно уже за много километров, в карман не спрячешь, как же будет организована служба? Что, неужели власти позволяют кому-то отправлять положенное? А если служба будет вне освященного храма, то кто будет благословлять, как быть уверенным, что служишь не в смерть, а в жизнь?».

«Ну, отче, где ты их и насобираешь, эти вопросы?! – улыбнулся старец, – А знаешь, почему они у тебя скапливаются, уже я спрошу и сам отвечу. Сомнений в душе много, и ответы ты бы сам мог найти у Отцов Церкви, да сомневаешься, душа моя, сомневаешься, особенно

слушая голоса современных толкователей Святого Письма и Апостольских правил. А ты, мил человек, воспринимай написанное Апостолами да отцами-строителями без сомнений, не слушай тех, кто пытается «осовременить» нашу Церковь.

Ты говоришь где служить? «Аще где прилучится», как поступало духовенство во времена открытых гонений».

«Батюшка, а как же правило Лаодикийского поместного собора, оно ведь запрещает служить Литургию в домах?», – с сомнением спрашиваю старца.

«Ежели так подходить, – спокойно отвечал отец Антоний, – то согласно Правил, я уж себе перечить начну, в доброй трети наших храмов и служить нельзя – не освящались правящим архиереем. А все служат, в том числе, и в бывших домах, банях, клубах... Что, смертно грешат? Ты же сам рассказывал, сколько молитвенных домов открыл по селам и служил в них».

«Ну, вы уж так заворачиваете, батюшка, владыка благословлял, в принципе, да я ведь и благочинным был в то время» – без особой уверенности ответил старцу.

«Ты, отче святой, хочешь сказать, что он отдельно благословлял службу в каждом молитвенном доме? И в каждом молитвенном доме благословлял тебя освящать престол?» – отец Антоний испытывающее смотрел на меня.

«Нет, конечно, я же сказал – в принципе, в общем».

«Да не тушуйся, мил человек, все эти ограничения связаны все с тем же положением мощей – в Греции только при освящении храма архиереем они полагались под престолом. А без мощей служить действительно нельзя. У нас же мощи в Антиминсе, поэтому дал архиерей его – это и есть благословение на службу. Тебе владыка на каждый молитвенный дом давал Антиминс? Нет, конечно, и ты с одним ездил, везде служил. Как думаешь, после революции оставшиеся на воле старцы-иеромонахи служили или нет? Вот душа моя, изволь получить такой ответ: все должно быть разумно.

С чьего благословения служили Литургии на телах полуживых мучеников в римских тюрьмах? А служили ведь, на простых квасных хлебах, и совсем не на «кагоре»! А Причастие пустынников Ангелами? Да что там говорить, примеров кажущегося нарушения принятых обычаев и в житиях, и в самом Евангелии – множество! Все, что делал Спаситель в земной жизни, было нарушением придуманных людьми правил по исполнению Синайского законодательства. Поэтому Он и вызвал к Себе такую ненависть у тех, кто присвоил право толкования словес Господних[14]. Людские-то правила Он нарушил, но сотворял все в Духе Святом, в Духе Божьем. Потому, наверное, и сказал самарянке о том, что вскоре молиться Богу духом и в Духе можно будет везде. Спаситель сказал! Вот и думай сам, что да и как.

Третий Рим – не государство, это духовная миссия для спасения остатков желающих обретения вечной жизни. Кажется мелочь – Антиминс с подшитыми мощами мученика, вместо престола со вкопанной частью таких же мощей под ним, как у греков. А ведь Византия оказалась не готова служить Богу при нашествии чуждого духа, нечестивых агарян. Служба кончилась, как только захватили безбожники храмы, и сейчас только историки вспоминают о том, что территория нынешней Турции – место проповеди и Апостолов, и учеников их... Что именно там Господь прославил и Николая Угодника, и

Василия Великого, да всех и не перечесть. А ведь гонения римские были не менее жестокими, но тогда христиане служили в духе, а через время – уже в букве!

Гонения «красные» большей мягкостью, по сравнению с агарянскими, не отличались, но сколько людей спасалось, причащаясь на тайных Литургиях, совершавшихся именно благодаря особенностям русских Антиминсов. Я пришел уже в то время, когда храмы открывались, хотя и самому досталось узнать тайные Литургии. Отцы же, посаженные в тридцатые, рассказывали, как и в погребках совершали службы. Господь Россию хранит во всем и готовит для служб во время антихристово. Поэтому и чисто русское нововведение: подшитие части мученических мощей к Антиминсу, письменное благословение его для службы архиереем – также служит спасению верующих во времена жесточайших гонений последнего времени.

Службы и в храмах будут, только кому?! «Мерзость запустения» – это кощунство над святостью. Есть она у сектантов, святость, или была когда-нибудь? Нет, не было! Значит, осквернится то, что несло в себе дыхание Духа Святого, благодать Божью. Пугает это, настораживает, но заниматься особыми изысками – кто свят, а кто грешен – тоже не дело для православного человека. Если водитель будет по сторонам глазеть да за нарушениями других следить – обязательно сам в беду попадет. Себе нужно внимать и следить за дорогой своего спасения, дабы в овраг не угодить, или с пути не сбиться.

Все православие зиждется на личном спасении. И это не эгоизм, не какое-то отречение от жизни окружающих, их радостей и страданий, отнюдь. Здание спасения строится на фундаменте любви: к Богу, к ближним, ко всем, кто нас окружает. И сердце стремящегося ко спасению не может не сострадать братьям о Господе. Но другое совсем дело, когда ближние не желают идти путем спасительным, но жаждут двигаться столбовой дорогой в ад. Пытающийся идти тернистой тропой спасения, конечно, состраждет им, но не должен разделять их компании. Общение в таком случае возможно только на уровне ответов на вопросы о борьбе с торжествующим грехом. Хотя и тут меру стоит знать. Ты возьми, какой запрет возложил Господь иудеям на браки с язычниками?! Мудрейший Соломон дошел из-за жен чужеплеменных до жертвоприношения идолам, суть, бесам. Худые компании развращают добрые нравы, отче...

Сейчас очень многие любят поговорить даже о ненужности православного монашества, подвижничества. Православие, по их словам, устарело, требуется его изменять под новые условия жизни людей. И сколь для многих подобное показалось просто манной небесной! «Апостольские правила» отброшены и бросились «реформаторы» «во вся тяжкое» – лишь бы повод был и хоть какое-то оправдание творимому «хождению в народ». Но праматери-то нашей и яблоко было вожделенно, да итог удовлетворения этого вожделения – печален.

И все это вместо того, чтобы просто спастись, спасти душу свою, души ближних и дальних своим примером, своей молитвой. Ни что не должно соблазнять наш рассудок.

Может это и привычные слова, набившие оскомину. Но именно привычность их заключается в неисполнении благословленных дел добра. Воспринимается желаемое странным образом, как обычная фраза: «Будь здрав!». Пожелали – хорошо, но если и не пожелали, тоже страшного ничего нет. Ни кто не верит в исполнение всех этих пожеланий, нет основы для этой веры. Скажешь, не скажешь, все кажется пустым сосудом каким-то, не наполненным смыслом, не понятным, чуждым, каким-то отголоском древних времен. Обрядом, одним словом, так, дескать, положено говорить.

Вся жизнь человека должна быть службой Богу. Службой не просто как приношением какой-то жертвы – Бог в этом не нуждается. Но службой, как постоянным стремлением к соединению, единению с Ним и уподоблению Ему во всем том, что возможно для смертного, для высшей твари.

Но большинству людей этого и не надо – так ведь жить намного проще. Если и есть какие-то нравственные негоразды, так разум все это разрешит, придаст оправдания.

Нет! Истинная близость с окружающими не в посещении застолий и бань, но в молитве и любви к людям о Господе. Праведники первых времен христианства отнюдь не стремились к изучению творений языческих. А если и знали их, то использовали для защиты гонимого Православия. Но даже эта истинная апологетика очень быстро себя изжила. Только дела истины и слова свидетельства об Истине служат утверждением веры. Но ни то, ни другое не может существовать само по себе: вера без дел мертва, и дела без веры также не спасительны».

«Батюшка, простите, – не выдерживаю я, – но ведь при таком подходе только уныние охватит – кто же сможет спастись? Да и сомнения только увеличатся – до чего дошли «тихоновцы», «катакомбники»?»

«Отче святой, давай по очередности будем говорить. Уныние - удел или ленивого раба, или сына, не имеющего абсолютной любви к Отцу. Уныние не охватит душу человека, для которого «жизнь – Христос, и смерть – приобретение». Во всех случаях оно является следствием маловерия, наличия в душе тех же сомнений, отсутствия полного упования на волю Божью и желания исполнять ее.

Петр Апостол бежит из Рима, а на встречу – Спаситель. И на вопрос недоуменного ученика: «Господи, камо грядеши? (куда идешь)», Иисус Христос ответил, что идет на страдания. Первоверховный Петр понял смысл виденного и вернулся в Рим принять крестную смерть. Но подумай, что его заставило так поступить?! Разве Господь принуждал его к принесению подобной жертвы, или хотя бы предлагал подобное? Нет, этого всего не было. Христос сказал лишь о том, как Он поступил бы в подобном случае, о том, что Он готов опять и опять приносить Себя в жертву ради спасения людей. А у Апостола была абсолютная вера в Спасителя и в то, что именно избранный Ним путь – лучший для его собственного спасения. Он верой все принимает, а истинная вера рождает и дела истины. При этом унынию места нет, есть только радость от исполнения того, во что ты веришь. Вот и надо стараться стяжать веру Петра в слово Божье, да и исполнять в вере учение Евангельское, тогда и уныние не обременит. Господь ведь сказал, что человеку спастись невозможно, но все возможно Богу, и доказал это земной Своей жизнью.

О раскольниках.

Теперь о раскольниках, кого ты там называл – «тихоновцы», «катакомбники», кто еще? Не надо путать, душа моя, Божий дар с яичницей! И те, и другие, и третьи, десятые, отделили себя сами от Церкви. Они, не праведно пользуясь свободной волей, покусились на Тело Христово, пытаясь внести раздор и человеческие суемудрения в Божье установление. Да, мил человек, были в Церковной истории прославленные во святых Максим Исповедник, папа Мартин, Ипполит Римский, Максим Грек, да и великого Паламу туда же можно причислить, и не только его, которые едва ли не в одиночку оставались хранителями истины. Но они не покушались на единство Церкви, обличая недостойных служителей, сами были при этом истовыми ревнителями подвижничества, чистоты веры и церковного

единства. А возьми западных противленцев, всех этих лютеран, англикан и «истов»? Хотели ведь прийти к Православию, но путем противления, пусть даже и заблудшему католицизму. Нет, отче, цель не может оправдывать средства, она их должна определять. Худыми средствами благой цели не достигнешь.

Так и наши противленцы, цель-то у них вроде бы и хорошая была, да методы... Сея разделение, пожнешь распри, в которых уж конечно любовью и не пахнет. А Бог есть любовь... Можно и должно не принимать мудрствований какого-то человека, пусть даже и облеченного высоким церковным саном, только нельзя его глупость приписывать изъянам самой Церкви. Первосвященник Илий был добрым и богопослушливым человеком, но ревность о Господе потерял из-за плотской приверженности к недостойным чадам от чресл своих. Сейчас, увы, ревность теряется даже не по животному инстинкту сохранения рода. Все падения в большинстве своем у людей из-за неумемного расположения к диавольскому соблазну – деньги, власть, похоть, его предложения одни и те же, ни что не изменилось за прошедшие тысячелетия.

Я мню, что тебе трудно будет найти отличие между священниками-раскольниками и тем же, Царство Небесное, отцом Алексием. В одно и то же время они служили вне узаконенной государством церкви. Служили на старых «Николаевских» Антиминсах, я также поступал достаточно долгое время. А разница есть – одних отталкивали, а другие сами отвергали. Раскольники берут на себя самый страшный грех – они пытаются своими суждениями заменить суд Божий, определять что право, а что криво. А как, скажи, слепой может говорить о красоте луговых цветов?! Может ли погрязший во грехах оценить праведность? Если человек в чистый ручей выливает грязь, вода замутится, конечно. Только будет она отравлена от того места, в котором он в нее вылил свои отходы. Но разве источник при этом не останется по-прежнему чист, также хладен и прозрачен?

Весь ужас раскольничества не столько в том, что они постоянно оскверняют чистую воду, сколько в том, что посягают на сам источник, его пытаются опорочить. Они ведь тоже питаются от того же ключа, но отторгаются от него, уподобляясь падшим духам. Те тоже, будучи сотворенной тварью, не могут существовать без Подателя жизни, вне Его благодетельных, главное из которых – жизнь всех тварей, но Жизнеподателю и противятся. Вот этим заблудшим и отпавшим раскольники и уподобляются».

«Подождите, отец Антоний, – прерываю я старца, – так все же где та черта, которая отделяет службу в правде от раскольничества? Вот в жизни нашей, как можно это определить».

«Душа моя, я ведь только об этом и говорю тебе, да не хочешь внимать. Ты возьми за пример, опять таки, падших духов, как первую тварь, ступившую на путь противления. Ведь все их устремление – к войне против Творца, соблазнение других на отторжение от Бога, противление Духу. Они не созидают и не могут созидать, они только пытаются разрушить созиданное. И любой протестант, какие бы призраки благих мыслей не рождал его поврежденный грехом ум, всю свою жизнь обречен воевать с Истиной. А на земле источник истины – Святая Православная Церковь. Церковь, но увы, далеко не всегда те, кто определил за собой право говорить от Ее имени. Стара притча, но от этого не уменьшилась ее правдивость – благими намерениями вымощена дорога во ад.

Благой памяти отца Алексия долго не принимали в штат существовавших епархий. Не принимали по законам человеческим, но отнюдь не Божиим, не принимали вопреки всем установлениям Апостольским и отцов Церкви. Но он законов Церкви не нарушал, большим

праведником был. Случившееся же с ним относил к последствиям собственных согрешений. А рассудил все Сам Господь, ты же знаешь, как его хоронили? Самые плохие ризы одели, пожалели крест металлический как положено священнику в руки дать, сделали дешевый деревянный. И закопали не на храмовой земле, а на общем кладбище. Через пару дней храм ограбили и украли именно то, что должно было уйти с праведным исповедником во гроб - крест, новое Евангелие, ризы...».

«Простите, батюшка, но разве можно это сравнивать - храм и человека, пускай даже святой жизни?»

«А человек, не храм ли? Вот мы говорили за раскольников, а они ведь тоже «храмы» строят, да Духа ни в самих «зиждителях», ни в этих раскольничьих плодах безумствования человеческой гордыни – нет. И не я ведь это говорю, куда мне грешному! Отцы так учат. Только присутствие Духа определяет храм это, или мертвецкая храмина.

Как-то не так давно приехал ко мне один молодой человек, семинарист. Хотел получить благословение на второй брак и рукоположение. Я уж не буду говорить о взглядах его, там была смесь заблуждений восточных и западных, но само дерзновение покуситься на Апостольские правила просто дышало сатанизмом, противлением.

Так вот он развелся с первой женой, еще не прожив и месяца. Не такая, дескать. Из семинарии его попросили до того времени, пока не уладит все свои семейные дела. После первого венчания ему даже второе, как мирянину, не разрешал отец-духовник, на столько дерзостным был развод его. Я отказал в благословении на второе венчание и хиротонию, конечно. Приезжал он со своей мамой, женщиной весьма и весьма настойчивой. После отказа она меня и в ретроградстве обвиняла, и в жестокосердии – жизнь ее сыну ломаю... По ее понятиям – какая разница, то ли раз женат, то ли два, что-то талдычила о грешащих блудом священниках».

Старец усмехнулся, – «А через несколько месяцев узнаю, что он уже рукоположен, имеет приход, даже несколько приходов, благополучен материально. И сестра, и обеспокоенная деньгами мать, и новая «матушка» при нем. Значит, не только они, члены семейки этого новоявленного «пастыря», отрицали Правила святых Апостолов?! А где Дух? Вот тебе уже и мерзость запустения – бездуховность, обездушенность. А нет Духа Животворящего – все мертво, все несет в себе смерть. Поэтому и батюшка Серафим говорил, что цель существования человека – стяжание Духа Святаго, считай – стяжание жизни. Жизнь приведет к Жизни, к Богообщению, а стяжание смерти – к отцу лукавства и погибели – дьяволу. Потому и сказано, что не собирай гнев на день гнева».

Отец Антоний перекрестился, и не спеша, продолжал.

«Я же говорил тебе, как видел гибель людей. Не судом определялись они на вечные мучения, но собственным стремлением к делам плоти – все обожествляли свои страсти, стяжали смерть, и она влекла их во ад. Как похоть породила грех и ним привнесла в мир смерть, так увлеченные той же похотью отправятся в преисподнюю.

Эта же наша старая знакомая, похоть, определит и гибель земли. Вот, отче, смотри на книгу Жизни – Евангелие. Сколько раз повествование Апостолов рассказывает нам о трапезах и Самого Спасителя, и учеников Его, о тех трапезах, которые даровал Господь следовавшим за Ним людям?! А ведь Евангелие – это не сборник суемудрений человеческих, поэтому оно строго и кратко, однако же о трапезах говорит нам много раз.

Почему так? А все потому, что приявшие Духа Святого и ведомые Ним Апостолы учат нас потреблению еды, умеренности в ней. Что едят на благословляемых Спасителем трапезах – печеную рыбу, мед в сотах, хлеб... Лишь несколько раз косвенно говорится о мясе на столе, и не потому, что оно скверно, но из-за того, что разжигает похоть человеческую. Все мне можно, но не все полезно...

Неумеренной обильностью потребляемого за столом растягивается желудок, человек навывает объедению. Вместе с этим приходит и лень к молитве, пропадает естественный аппетит, здоровое желание поддерживать и укреплять свои силы пищей. Поэтому пресыщение вызывает необходимость для чревоугодника возбуждать аппетит искусственными способами – всяческими приправами, кулинарными изысками, алкогольными напитками. А чтобы все это было доступно, нужно все больше и больше даров земли. Вот и выснаживается она, кормилица, в угоду неумеренности людской.

Неумеренность же и потворство ей не только возвращает похоть до состояния дракона огнедышащего, но и порождает новые страсти. Чревоугодничество способствует блуду, желание удовлетворения этих страстей неминуемо приведет к любостыжанию, мшелоимству, а там не далеко и до прямого воровства. Увязнув в удовлетворении страстей, люди доходят до самого страшного – убийства себе подобного, брата своего. Что подвигло Каина на преступления против Авеля? Зависть, столь обычная для нынешнего времени. Святое Письмо не называет нам других причин первого на земле убийства, кроме того, что один брат возревновал другого к благоволению Божьему. А мы сейчас подобное и в грех уже не ставим, а ведь последствия были непоправимо ужасными – появление на земле уничтожения себе подобного, проклятие Каина и всех его потомков.

Не задавался вопросом: сколько же сейчас этих каинитов, наследовавших древнее проклятие и несущих его другим народам?! Кажется, все давно кончилось с пришествием на землю Христа и Искуплением Ним падших людей. Но ведь большинство из потомков первоубийцы не приняли Христа сердцем, их поклонение Богу такое же, как и у родоначальника войн и убийств Каина. Хотя, и не только у них...

Помнишь, конечно, апостольские слова о худых компаниях, портящих добрые нравы? А если уж ложка дегтя портит целую бочку меда, то, прости старика – повторюсь, сегодняшний мир, скорее бочка дегтя с ложкой меда. Трудно в этой бочке меду не испортиться! Почему и говорил Спаситель, что едва ли одну душу праведную обретет при Втором Своем Пришествии.

Не позволяй душе своей напиваться дегтем страстей, дабы он не затмил и не испортил все хорошее в ней».

Прошлое и грядущее.

Отец Антоний замолчал; учитывая его года, естественно было бы предположить, что старец спит. Однако движение длинных сухих пальцев, как обычно перебиравших старенькие истертые четки, показывали, что он бодрствует. Я смотрел на лицо его с тонкими славянскими чертами и одухотворенным величественным выражением и удивлялся – как смог человек не сломаться, пройдя такие жизненные испытания.

Мне приходилось достаточно часто общаться с людьми, как говорят, «сидевшими». Но даже те, кто искренно раскаялся в содеянном, как правило, это были люди, отсидевшие больше десяти лет, несли на себе отпечаток «зоны». Старец же, без вины обвиненный,

провел за колючей проволокой не один десяток лет и при этом не просто сохранил свою душу, но стал еще опорой для других в деле спасения.

Занятый подобными размышлениями, я как-то не заметил, что отец Антоний уже открыл глаза и внимательно смотрел на меня.

«Что за думы одолевают, отче святой?» – с теплой улыбкой произнес он.

«Да вот думаю, отец Антоний, вы ведь пребывали в таких же жутких условиях, какие и при царстве антихриста, думаю, будут, но спаслись. Значит, возможно спасение?» – отвечаю вопросом ему.

«Нет уж, мил человек, то время с грядущим и сравнивать нельзя! – отвечал старец, – Те годы попытки дьяволизации Руси заработали грехами, но это была лишь часть подготовки людей к принятию антихриста. Конечно, было страшно – вначале Святую Русь обезглавили убийством царя и всей семьи его. Потом стали ломать становой хребет православной державы: уничтожали крестьян, духовенство, верующих... Кощунство паче всего оскверняло души. Самым отравляющим было вскрытие мощей, надругательство над ними и над святостью вообще. Смотрел на это слабый духом и думал: «Мне говорили: этого делать нельзя – Бог тут же накажет. А эти вон что творят, и ничего, ни грома нет, ни молнии!» И сам пускался во все тяжкое.

К счастью, таких было меньше, чем тех, кто сохранял веру. Но отступники были наказаны. Сколько их, осквернявших святости, танцевавших на иконах, приходило ко мне каяться! Кто приходил сам, а кого и привозили. Через десятилетия ощутили на себе карающую десницу Божию.

Лагеря, ужасные северные ссылки, голод, холод, многие ломались и сами просили себе смерти. Когда война началась, знаешь, сколько было желающих «смыть преступление кровью»?! Конечно, свойственная русской душе боль о судьбе Родины тоже была не на последнем месте.

И все же, это была лишь проба адских сил. Само отступничество от веры не носило сути окончательной смерти – было время покаяться. А вот в жуткие три с половиной года отступничество станет смертью. И человекоубийца не просто примет отречение от Христа, но для пущей уверенности еще и закрепит свою власть над погибшей душой печатью. Все, клетка захлопнулась! Смерть!

Понимаешь, о чем я говорю? Последнее время начало свой отсчет от Первого пришествия Христа на землю, об этом Сам Спаситель говорил, а Апостолы Евангелием оповестили о сем весь мир. Но тогда даже после предательства Сына Божьего и Иуде дорога ко спасению не была закрыта. Благоразумный разбойник, сотворив столько зла, спасся в последние минуты своей жизни.

Не то в конце. Тут не будет времени на раздумья. Да и земля, страдая от желания людей взять не по мере, а для излишества, изнеможет совсем. А ее все терзать будут, вгоняя и в без того израненное тело всякие столбы, трубы, ковыряя шахтами, какими-то карьерами.

Ты спрашивал, откуда возьмутся все землетрясения? Был как-то у меня видный ученый, геолог. Он местный, я его знал, когда он еще мальчишкой был, а сейчас в столице живет и работает. Так вот такое сказал – там, где из земли-матушки достают адское топливо, там

обязательны сотрясения. Больше – меньше, раньше – позже, но будут. Вот тебе пример воздействия на природу неумеренности человеческой.

Какой смысл в машинах, самолетах, во всем, что требует адского топлива? Разве изменилась к лучшему жизнь человека, или ощущение счастья и горя изменились? Все это вражеская уловка – собрать людей вместе для совместной работы на заводах, оторвать от Божьего мира. А сами заводы тоже использовать по прямому назначению – уничтожение сотворенного Зиждителем!

Это тебе одна причина. А сколько их? Мню, только Богу ведомо, а коль нам нет, стало быть, и бесполезно».

«Отец Антоний, – спрашиваю старца, – как же от этого уберечься? Кто может сказать где будет трясина, а где нет?»

«Душа моя, – отвечал старец, – тебя еще учить?! Я тут тебе целый день об этом только и говорю. Плохой врач лечит следствие, а хороший, прежде всего, ищет причину болезни, дабы ее устранить.

От чего земля начнет трескаться и дрожать? От страшных грехов человеческих она содрогнется и не раз. Стало быть, следует самому следить за чистотой жизни и место проживания выбрать такое, где меньше греха.

Пусть даже не из-за праведности жителей, а малого их числа».

«Деревня?» – перебиваю я с тайной надеждой, что старец даст оправдание проживанию в большом городе.

«Отец Александр, прости, но я уже говорил тебе по этому поводу, не отпущено мне столько времени, чтоб повторяться. Ты услышал то, что тебе не нравится, но другого я и не скажу. Разве только вместо деревни можно принять маленький городок без этого сатанинского изобретения – многоэтажек. Скажем, отдаленный одноэтажный райцентр.

Это одно. Второе – источники вод. Лучше всего, если место проживания будет расположено при истечении многочисленных вод. Тем паче, что места эти малолюдны, а то и вообще одичавшие. Значит, и более безопасны. Я же говорил тебе, что деревня тоже будет убежищем относительным. Видел я толпы голодных, осатаневших от происходящего, от своих грехопадений горожан, выходявших на разбой в села. Евангелие следует понимать буквально – сказано беги в пустыню, вот и беги, не обдумывая святыя словеса. И Господь пребудет с исполняющим Его святую волю, а это надежнее, чем следовать плодам пораженного грехом разума.

Вселенский масштаб антихристового действия возможен только по тому, что люди сами этого хотят, мил он им. Поэтому сатана столько раз и пытается проверить подготовленность человечества к приему его, боится очередной неудачи. Великий святитель предупреждал, что именно злоба человеческая станет порождающей средой для него. Добавлю: и все грехи – суть порождение злобы.

Но даже притом, что будут служить ему все силы адские, выявлять каждого, кто остался верен истинному Творцу, не сможет он, не сможет охватить контролем всех. Почему сейчас люд православный приучают к полнейшей покорности властям? Да чтоб удобнее было в дальнейшем каждому ярмо дьявольское надеть, под печать подвести. О приходском

духовенстве и священноначалии и говорить не хочу – масонов в алтари святые запускают. Позволяют им с солеи выступать. Когда такое видано было?!

Тут вот приехал как-то один ходатай за губернатора, перед этими выборами. У меня человек тот частенько бывал, исповедовался. Видно душа не окаменевшая, но хочет и от пирога власть предержавших откушивать. Так вот просит он молиться за победу губернатора. А я и говорю: «Он масон, могу только о вразумлении молиться». Посланец же мне, смутясь, и говорит: «А вы видели губернатора не масона?!» Так-то, отче. А чему удивляться – дорогу они сюда протоптали еще при Петре, а при императоре Александре 1 в силу вошли. Запретили потом их существование, но это все равно, что запретить сорнякам расти на грядках. Декабрь 1825 года это показал, только благодаря твердости императора и удалось спасти державу от смуты – планы-то у бунтовщиков были наполеоновские!

Власти следует подчиняться в делах несения службы, но нельзя на уступки идти в вопросах веры. А очень часто, заглушив голос совести, голос Ангела-Хранителя, люди идут на полное подчинение власти во всем. И боятся они даже не гонений, в них просто мало кто верит, боятся в глазах окружающих выглядеть белой вороной. Особенно дети, подростки, глядя на родителей, навикают этой зависимости от людских суждений, а это страшно. Горе нам, не хотящим услышать и поверить своему Богу, научающему: «Не бойтесь поношенья от людей, и злословия их не страшитесь».

Помнишь старую пословицу: «Хочешь мира – готовься к войне!»; для нас это можно так переложить: если хочешь спасения – готовь себя к гонениям. Господь ведь предупреждает нас: «Бдите, да не внидите в напасть!» ибо «блаженны рабы те, которых господин, пришедши, найдет бодрствующими».

А бдеть-то и бодрствовать не хочется.

Пример для нас – жизнь первых христиан. Представь себе Первый Рим: общество разномастных язычников, развлечения их дичайшие – убийства человека человеком, сражения с дикими зверьми гладиаторов; блуд, возведенный на высоту поклонения, чревоугодие и чревобесие. Разве все безумства их и перечислишь?! Это даже не языческая изнеженная Греция, там хоть науками занимались, философией: додумались же построить храм «Неведомому Богу». Рим это другое. Чего стоят одни их культы, собранные со всего мира!

И вот в таких условиях не существуют, но живут и процветают во святых тысячи и тысячи христиан. Положение их в обществе было весьма различным – от последнего раба до сановника, большого военачальника... Но жизнь всех имела одну общую черту – неприятие чуждой морали и отрицание государства тогда, когда власти пытались их принудить поступать по принятым правилам. Ведь ничего иного от первых христиан не требовалось, кроме исполнения принятых в римском обществе правил жизни. Хотя бы внешнего соблюдения принятых обычаев. Они всегда, даже при угрозе смерти, поступали по законам Божиим, не приемля и отвергая человеческие.

Сейчас же и принуждать не надо – друг перед другом каждый стремится ревностно исполнять принятые в обществе правила проживания. «Всякая власть от Бога» понимается святотатственно – что, дескать, власть не сотворит – все от Бога. Исповедуя подобное, за спиной этой же власти не скупятся на нелесные характеристики представителям ее. Вот и выходит, что один грех переходит в другой, там - в третий... и так по замкнутому кругу.

Но самое страшное даже не это, страшно то, что человек навикает поведению животного: позвал хозяин – и оно пришло, приказал – и последовало исполнение. Без мысли, без оценки последствий для спасения души... А чтоб легче было верующему переступить через закон Божий, в одной руке у хозяина плеть, а в другой – пряник. А рядом «духовное» оправдание предательства закона Божьего: «Всякая власть от Бога».

И в этом особая ловушка – приучение человека кормиться из хозяйских рук. Не верим Богу! Господь сказал: «В поте лица будешь добывать хлеб свой», а для нас это что-то странное. Затронь эту тему хоть с учеными, с инженерами, хоть с паяцами всех мастей, да с любым и каждым – наговорят три короба о творчестве, о развитии личности, о чем угодно. Даже верующие. Ни кто не хочет пот проливать, не выгодно это. А Богу верить надо, верить, как дитя верит своим родителям, что они плохого ему сделать не могут.

Именно города будут под особым взором темных сил, именно там и проще поставить людей на колени. Не завези хлебушек, через день согласятся поставить число антихристово куда угодно. Но и до него, до его пришествия, жители городов больше всего испытают тяготы той смуты, которой надлежит произойти. И изочесть их будет куда как проще, чем по весям, особенно дальним, затерянными. Будут бесы летать и подсказывать – но времени не хватит всех собрать, да и Господь ревнующим о спасении помощь Свою подаст.

Я почти каждый раз, когда говорю людям о необходимости оставить привычный образ жизни, вижу недоумение в их глазах – зачем? Начинаются путаные объяснения, ссылка на интеллектуальную скудость жителей даже малых городов. Говорю: «А спасение?», в ответ: «А мне сказал отец такой-то, что спастись везде можно, у него тоже в центре города квартира в многоэтажке двухъярусная!»

Услышу такое, так страшно становится, все слова Спасителя на нас, на духовенство перевожу. Помнишь, как Он говорил фарисеям, что они и сами в Царство Божие не входят, и других не пускают. Мать Божия боялась перехода из одного мира в другой, просила Божественного Сына встретить и проводить Ее! А нам все равно, не думаем, что через несколько лет бесов не на том свете, а на этом видеть будем. Во всем их безобразном облике. Вы будете, я не доживу.

Ну, не хочешь искать село по себе, так хоть измени образ жизни, зиждущийся на полной зависимости от государства».

«Отец Антоний, – перебиваю старца, – а работа на частных предприятиях, в фирмах? Зависимость от государства есть, конечно, но минимальная, это – альтернатива?»

«Отче, я уж не говорю, что при желании любую эту твою «фирму» прихлопнуть труда не составит для власть предержащих. Сколько нэпманов глазом моргнуть не успели, как из господ превратились в рабов. Но даже если это отбросить, зависимость-то сохраняется – где бы ни работал, все равно без покупок в магазине или на рынке не проживешь. А вот это уже подконтрольно государству. Так то.

Многоэтажку смени на дом в пригороде с хорошим кусочком земли. Отрешишь от погони за модой на все – на одежду, на убранство квартиры, на машину, на все. Отче, не внушить людям, что все деньги идут в один центр и готовятся для него, да, для него. Головой кивают, но ни кто не верит.

Конечно, на селе нет того комфорта, как в городе, но в этом же и спасение. Отреши город от села – город вымрет, а весь и десять лет проживет. Хотя и туда соблазн идет, отправляется и телевизором, и с учащимися студентами... Но заметь, город их вытаскивает, увлекает в сатанинские объятия, но сам в села не здорово идет! Те, кто за всем этим стоят, знают, что трудно объять необъятное. Проще выманить на приманку людей в город, сделать их неспособными к проживанию без вспомоществования центра, и следить так легче.

С год – полтора назад приехали ко мне люди. Одни были из села, другие из (называет маленький городок) Н-ска. Селяне хотя и приехали раньше, стушевались видно, первыми стали заходить по одному горожане. Понятно, каждого привели какие-то свои негоразды, но все жаловались на одно – в городе перестала действовать хлебопекарня. Городок же этот, я там бывал, недавней постройки, в степи пару десятков многоэтажек. Строился с определенной целью, которая исчезла с развалом страны. Для людей, привыкших кушать только свежий хлеб, остановка пекарни была просто катастрофой.

И вот заходят селяне, все вместе, человек шесть-семь, едва стульев хватило. Рассказывают о своем наболевшем, не стесняясь односельчан. Спрашиваю их о жизни и... они начинают жаловаться, что председатель колхоза продал хлебопекарню, перестали хлеб печь! Спрашиваю, как же выживают, сообщение там с городами плохое. Отвечают: «Сами печем; слава Богу, зерно есть, на муку смололи и печем».

Вот тебе и разница между городом и деревней. И мелят зерно на домашних мельницах. Повезет – отвезут в район, но там платить надо, а денег нет. Вот и выживают за счет земли-кормилицы, дающей зерно, да присущей селянину сметки. Для города это вещи непонятные.

Бывшие крестьяне, получив или купив квартиру, всеми силами пытаются укорениться в городе. Терпят недостатки, обируют родителей, оставшихся на земле, только бы не возвращаться в село. Вот это уже умопомрачение! А враг в радости – сами идут к нему в руки. Людям кажется, что в городе лучше спастись – меньше работы, больше, возможности посещать храм Божий, книги духовные читать. Но это губительные фантазии плененного сегодняшним комфортом разума. У многих сейчас имеется садовый участок или огород, но это же не сельские 60 соток, а то и более. С 6 соток здорово не проживешь, у нас не Галилея, где по два-три урожая в год снимают. Да и нет при городском образе жизни той связи с живой природой, как на селе. Идиллия городской жизни пройдет, как летний утренний туман, а то и быстрее, только назад уже ни чего не вернешь.

Всех уловок вражеских не исчерпать, да и неблагодарное это занятие, не полезное. Важнее другое – как поступать, чтобы не угодить в расставленные сети темных сил. Знаешь ведь, как святителю Василию Великому было открыто видение этих сетей демонских, расставленных по земле в последнее время. Он возблагодарил Бога, что живет не в последние времена! Василий Великий! А нам все равно...

Плакала недавно женщина, просила молитвы – муж после получки сел в лифт и ехал домой. На каком-то промежуточном этаже лифт остановили, вытащили мужика, отобрали деньги. Да ладно бы только отобрали, а то еще и избили до полусмерти. Спрашиваю, часто ли подобное у них случается. Оказывается, постоянно. Были уже и случаи надругательства над женщинами. Говорит: «Мы до темноты, батюшка, стараемся домой попасть и больше из квартиры не выходить. А не успела зайти – жду кого-то из соседей, чтобы вместе подниматься!»

Так об одном доме речь, и ведь это только начало. Через несколько лет и днем на улице будет опасно находиться из-за шаек разбойников. Да что там разбойников, отравленные моралью американского кулака обычные отчаявшиеся люди станут в жизнь претворять эти заморские принципы существования. Как скорпион себя убивает, так и они, привнося новую порцию яда злодеяний в мир, будут приближать конец своего земного брэнного существования.

Умирать будут сродни городским бродячим животным – без исповеди, без Причастия, без отпевания, даже без гробов. Не так просто будет даже закопать на кладбище, трупы в домах будут лежать сутками, пока родные и близкие смогут договориться с бандитами, контролирующими места упокоения. Поэтому, как всегда в тяжелые времена, начнут появляться могилы во дворах, скверах, где только можно. Там хоронить будут тайно, стремясь скрыть могилу, ибо в городе ночами станут бродить толпы самых падших людоедов – падальщиков в надежде поживиться мертвечиной».

Отец Антоний перекрестился как-то быстрее, чем обычно. Подобно крестятся православные при виде чего-то особо греховного, мерзкого со словами: «Господи, помилуй!». Вероятно, эти картины из видения до сих пор стояли у него перед глазами, и он не просто пересказывал когда-то виденное, но описывал то, что было ему открыто, то, что он сейчас видел. Хотя это только мое предположение.

Старец продолжал: «Вера в Бога и вера Богу, надежда на Бога и любовь о Господе – вот единственное, что не даст человеку на земле обречь себя на вечные муки ада. Не позволит в сердце войти унынию от происходящего; не приведет к отчаянию из-за видения мерзости запустения в святом месте; остановит лукавый разум, оправдывающий принятие сейчас кода, потом – печати. Человек, не имеющий полного упования на Господа, не верящий Ему – уже мертв. Участь такого ужасна будет и на земле, и после стояния ошуюю Спасителя на Страшном суде.

Даже сейчас мы часто сотворяем такое, от чего хочется локти кусать. Последним судом судимые и определенные своим собственным выбором зла в ад, готовы будут грызть себя, да будет поздно».

Веки старца опустились и из глаз закапали слезы. Видно было, что для него разговор на тему конца света и Страшного суда был сильнейшим надрывом. А у меня вдруг мелькнула мысль: «Если человек праведный, но все равно человек, так страдает из-за гибели людей, то сколько и каких огорчений мы приносим Христу безгрешному, Кровь Свою пролившему для искупления нас, обезумевших?!»

«Отец Антоний, – прервал молчание я, – вот при бегстве в пустыню, как вы считаете, что лучше всего с собой брать?»

Не отирая слезинок, старец тепло, но с грустью улыбнулся: «Ты-то куда бежать собрался, мил человек? Гонения уже за спиной носишь, так что и бежать не придется – будет время спокойно отъехать».

«Как это, батюшка», – холодок прошел по спине.

«А так это, отче, как там – «ножи источены...», не помню дальше. Будет, уже есть. Да не пугайся, Господь не оставит. Больше молитвы, больше аскезы – претерпишь!

А брать? Навык молитвы и веры Богу, упование на помощь Его, добрые дела и смирение духа, конечно. Из материального то, в чем человек обязательно будет иметь необходимость – строительный инструмент, топоры, лопаты, упоминавшуюся уже «буржуйку». Конечно, одежду и обувь, простую и надежную, вообще все, что может помочь продержаться три с половиной года. Это и лекарства различные, спички, соль...».

«А книги, отец Антоний?», – допытываюсь я.

«Их людям стоило бы читать раньше, да исполнять написанное святыми отцами. С собой же, в зависимости от возможностей унести, обязательно следует брать Евангелие, Апостол, Псалтирь. Желательно взять Библию, «Лествицу», «Невидимую брань» старца Никодима Святогорца, Пролог, «Училище благочестия». До чтения и исполнения «Добротолюбия» не думаю, что дойдет, хотя тоже лишним не будет.

Если уж возможность будет взять все, что хочется, то с книгами надо придерживаться такой линии – будет страшно. Временами возможно и уныние, а то и отчаяние одолевать будет. Вот и надо стараться взять укрепляющие творения святых отцов, или сборники мыслей их. Но только не книги спорные, критикующие, нападающие. Это открытые ворота для входа в душу вражеских сил.

Мне кажется, что с тем, что брать, понятнее, чем с тем, чего брать не следует ни под каким предлогом. А брать с собой нельзя то, что может соединить с миром падшим под ноги антихриста. Понимаешь, человеку пьющему спокойнее на душе, когда вокруг него все пьют. Блудница хочет видеть вокруг себя блудящих, чревоугодник – обжор. Так и люди, принявшие печать, будут стремиться к тому, чтобы все разделили их участь. Не знаю как, не дано мне этого знать, но люди без печати будут легко выявляться темными силами, если, так сказать, привлекут их взгляд. Так вот, нельзя брать с собой никакой электроники! Слышишь, никакой. Даже машина должна быть проста, без всяких западных фокусов – иначе она тоже из друга станет врагом.

Электроника, даже самая примитивная – радио, магнитофон, будет привлекать их взгляд. У самих у них руки могут и не дойти, а вот пропечатанных за кусок хлеба направить по следу верного – в их силах. Поэтому лучше от греха подальше и избавиться от всего еще сейчас. А если жалко – то хоть не брать с собой несущие опасность вещи.

Но не стоит и очень уж останавливаться на том, что можно, а что нельзя. Просто знать и все. Думать же стоит лишь о стяжании скарбов духовных, благодати Божией, навыков праведной жизни. Многого уже не приобретешь – времени не отпущено, но хоть что-то да обрящешь. А не обрящешь, так хоть будет возможность оставить какие-то пороки – и то, слава Богу. Хотя, если не растрчено, значит уже приобретено.

Душеспасительно для мирян, конечно, прилепиться к православной общине с ревностным пастырем, но это почти невозможно. Хотя, по крайней мере, надо приложить все силы, чтобы найти не поклонившегося служащего пастыря, дабы иметь возможность Причастия. Мне знакомы несколько ревностных пастырей, у которых в храме сложились хорошие общины. Уже сейчас они приобретают домики на окраинах и готовят их к службе во времена грядущих потрясений. Если же Господь сподобит жить в такой общине, то приступать к Святым Дарам желательно чаще, как то делали первые христиане в эпоху римских гонений. Это будет укреплять и предуготовлять к возможному приятию мученического венца.

Опасаясь принявших печать и поклонившихся антихристу, общения с ними следует избегать, но ни как это не показывать, особенно не высказывать своего неприятия и печати, и всего, что с ней связано, вообще на эту тему не говорить. Следует быть малословным, но не молчать полностью – тоже может вызвать подозрение. И уже сейчас следует начинать жизнь с малым общением.

Понимаешь, не всегда можно будет определить, принял ли человек печать или нет, как вот с этими кодами. Сколько людей ко мне приезжало за благословением на принятие их, буквально пытались выдать одобрение такому поступку. Я отказал в благословении всем. Кто-то уходил раздраженным, но некоторые говорили: «Спаси Господи, батюшка! Все поняли, не примем, простите за беспокойство».

Один из таких людей, высокопоставленный человек, приезжает недавно с вопросами о личной жизни. Смотрю на него - что-то не так. Прерываю его рассказ и спрашиваю: «А ты, случаем, код не принимал?» Он, правда, покраснел и сразу признался, что и он, и жена приняли коды. Потом последовало путаное объяснение о работе, о больнице... Но интересно другое – его перед этим долго у меня не было и я спрашивал о нем, в частности и о том, принял ли он код. Так вот все были уверены, что эта семья отказалась от подобного исчисления. Во как получается! Поэтому надо сохранять осторожность в общении с людьми, но без подозрительности, дабы не впасть в грех».

Спасение в городе.

«Отец Антоний, а для тех, кто останется в городе, шанса на спасение нет?» – спрашиваю я.

«Почему? Другое дело – один в городе, а в деревне – два. Но разве разумно пользоваться «можно – нельзя», когда речь идет о спасении души?!

Рассказывал мне один отец такую историю, выглядит она прямо как притча. Одна из сторон их промышленной зоны, они делали ящики для армии, примыкала к огромному болоту с непроходимой трясинной. С этой стороны не было даже колючей проволоки – все попытки побегов заканчивались в сотне-другой от берега. Крики бежавших о помощи лишь вызывали у кого-то сочувствие, у охраны – злорадство. Болото было настолько страшным, что и зимой не замерзало полностью. Во всяком случае, зимние побеги имели подобный же итог. Но вот решился на побег хорошо знавший болота белорус, бывший лесник.

Долго он наблюдал за болотом, что-то прикидывал; расспрашивал, где тонули предыдущие беглецы, следил за исхождением болотных газов, за образованием ржавых пятен... в общем, готовился. И вот они пошли, человек пять-шесть и священник, тот, что мне рассказывал. Ушли утром, по туману, едва пригнали их в промзону, шли гуськом. Вначале все шло хорошо, отойдя пару километров от лагеря, отдохнули на островке. А потом пошло – один, второй, третий... все попытки спасти увязающих в жидкой вонючей трясине оканчивались тем, что спасающий сам начинал проваливаться. Глупее всего погиб белорус – зашиб палкой какую-то птицу на чистой воде и полез за ней. А развод этот был всего метрах в пяти-шести от берега плавучего островка, но этого хватило. А другой берег болота уже был виден! Священник до него дополз».

Старец сделал паузу, я же принял ее за окончание рассказа и спросил: «Так в чем же притча, батюшка?».

«А вот тебе и притча: спасся тот, кто был хуже всего подготовлен к такому переходу, поэтому всю свою надежду возложил на Господа. Тот же, кому, как говорится. Сам Бог велел пойти, соблазнился на еду, решил ублажить чрево и погиб.

Так и со спасением в городе. Умный полководец всегда стремится к численному превосходству над войском противника. Нет для этого возможности, значит надо применять какие-то хитрости, чтобы восполнить недостаток воинов. Так и в последнее время преимущество у нас только одно – это вера. Но образец веры Апостол Петр и то соблазнился. Значит надо удаляться соблазна окончательно падшего мира и там возгревать свою веру, все упование обратив на Бога».

Уроки истории.

Отец Антоний замолчал. Я сидел и обдумывал услышанное. Как всегда семена сомнений давали свои всходы – неужели все это возможно?

«Так страшно, батюшка, – поделился впечатлениями я, – и в голове не укладывается, как все это может произойти».

«А Евангелие нам не об этом говорит? – отвечал старец, – Ужель тебе пересказывать, чай сам каждый день укрепляешься его чтением. Мне ведь, грешному, только подробности были открыты, как это будет. А то что будет, Спаситель еще Апостолам говорил, потом Апостолы верным вещали. И все святые, так или иначе, но конца света касались. Пожалуй, нет ни одного старца, который бы не поучал духовных чад о спасении в последнее время. Но тогда еще «развивалась» эта адская «цивилизация», ну, дал бы Господь кому-то увидеть самолеты, машины, электронику... Мню, святому-то было бы понятно, а людям – нет. Сколько споров вызывало утверждение, что антихрист одновременно войдет в каждый дом. И мы в семинарии спорили, еще как спорили! Только с изобретением телевизора все стало понятным. А пророчества о железных птицах, мечущих в полете смертельные для людей яйца? А стальная паутина, должна опутать всю землю? Та же саранча из Апокалипсиса. Да мало ли непонятых предсказаний из Видения Апостола Иоанна Богослова, старцев – гораздо меньше понятых.

Принять трудно грядущие беды. Но не думал ли ты, душа моя, что сытое общество вообще не склонно принимать предупреждения о возможных будущих трагедиях? Как взывал преподобный Иоанн, Кронштадский чудотворец к людям, вняли? То-то и оно, что трудно было за внешним благополучием увидеть грядущие беды. Это ведь только в пропаганде коммунистов Россия была сирая и несчастная. Чушь! Правительство имело возможность еще с начала века ассигновывать на всякие нужды державы порядка двух миллиардов золотых рублей! Это колоссальная сумма, вряд ли какое государство и по сию пору имеет такой бюджет. Зерна и всех других плодов земных собиралось на несколько миллиардов золотых рублей. Миллионы голов свиней, овец, сотни тысяч коров и лошадей. Яйца пудами мерили, потому что птицы было не считано! Россия кормила пол мира, но и для своих людей все было доступным: овца стоила что-то от рубля до двух, корова – до червонца, а у отца на заводе хорошие рабочие получали по сотне рублей в месяц! Плохо?!

Вот я и говорю, что эта сытость и сгубила, забыли, что основа благополучия в духовности, в благословении Божиим. Когда отменили обязательное Причастие в армии, на гражданской государственной службе, только один человек из десяти продолжал ходить по воскресеньям в храм! А враг не дремал. Уже война Японии с Россией была оплачена еврейским

обществом Америки, так что ж они могли упустить возможность сотворить смуту внутри страны, не попытаться напрочь уничтожить Православие?!

Первая мировая отнюдь не подорвала силы страны, ее и не здорово ощущали, во всяком случае, на продовольствии. Ни кто карточек или любых других ограничений не вводил. Даже во время войны трудно было себе представить, что взбеснуется страна, увлекшись демоном «свободы». Вот уж воистину свято место пусто не бывает – убрали иконы, а заменили портретами бесов.

Ты говоришь, трудно представить? Сейчас мы уже завоеваны чуждым духом; русским, славянским и не пахнет. Разве что в храме и то не в каждом. Но уже на очереди завоевание Руси другими народами: инородцами, кавказцами, китайцами... Сейчас они только присутствуют в стране, занимаясь, в основном, рыночными делами. Инородцы, как всегда, всеми способами стараются унижить достоинство православных и наложить лапу на несметные сокровища Руси – Малой, Белой, Великой. Но будет время и прямого их правления».

«Отец Антоний, – перебиваю старца, – если можно, повторите на предмет русского духа в храме».

«Я, отче, не здорово люблю разговоры об этом, – неохотно отвечал батюшка, – да и что тут непонятного? Концертные песнопения с солированием и всем прочим артистическим набором откуда? От католиков. Где ты услышишь исконное древнерусское церковное пение – в десятке монастырей и храмов? Можно композиторские творения, исполняемые в гордыне светскими певцами, назвать певаемой молитвой? Конечно, нет, а ведь наше-то пение – молитва, оно размягчает сердце, подвигает его на слезную чистосердечную исповедь. Сегодняшние рулады – это одно рассеяние, развлечение.

С пением понятно, теперь о росписи храмов. Хорошо, отошли от канонических икон и пришли к живописным, хотя тоже новшество это от Рима. Оно-то не так и хорошо, но то, что сейчас представляют как канон – мертво. Это совсем не те образцы иконописи из древности, дошедшие до нас. И так, живописная роспись, но не то, что малюют в наших храмах! С католических и униатских образцов, люди понятия не имеющие о Православии, в лучшем случае, химическими красками творят что-то невообразимое».

«Простите, – перебиваю старца, – а почему вы сказали «в лучшем случае»?»

«Да тут один священник приезжал в ужасе – среди художников выявил настоящего сатаниста. Батюшка его выгнал, а тот еще и обижался, дескать, я же хорошо работал[15]. Так вот, в росписанных таким образом храмах глаза поднять невозможно – яркость краски неопишущая. А если взять на заметку, что множество «икон» в таких храмах несут в себе еще и заблуждения католические, то возникает вопрос – для кого готовятся эти храмы?

А ложь в храме Истины? Искусственные свечи в подсвечниках, искусственное масло в лампадах, искусственные цветы для украшения икон, искусственный ладан в кадильнице. Ладно, в советское время не было возможности взять достойный фимиам, но сейчас-то! Плащаницы умащаем женскими духами, а то и одеколоном. Масел ароматических нет? Есть, тратиться не хочется, духи-то и так благочестивые женщины принесут.

Но это уже следствие, внешнее отображение причины. У каждого храма есть настоятель, а над настоятелем – архиерей. Кто только за его спиной стоит?! Как-то несколько лет назад

приехал буквально в состоянии нервного срыва один священник. Лет пятнадцать в сане, служит на селе, поэтому протоиерея до сих пор не получил, но и под прещения архиерейские не попадал. И вот теперь запрещен в священнослужении да с такой формулировкой, что хоть сан снимай – правящий умел разделяться с непокорными. Начинаю расспрашивать, батюшка волнуется, сбивается с мысли. Наконец, поняв о чем идет речь, уже сам излагаю историю запрета. «Так», – спрашиваю его.

«Да, батюшка, так», – ответил он. Оказалось, что причиной его запрета было почитание... царственных мучеников! А дело было так: совершил этот священник пару лет назад с семьей и паствой паломничество в Россию. А там тогда уже во всю продавались иконы царской семьи и книги о жизни царственных мучеников. Купив и прочитав книги, поревновал их подвигу, священник, при поддержке паствы, приобретает в Троице-Сергиевой Лавре листовые иконы, которые уже дома взяли в оклады. Прикрепили их возле кануна – еще-то не канонизировали, служили за упокой, но кто хотел, обращался и за помощью к мученикам.

Кто-то «поставил в известность» правящего архиерея. Тот направил «навести порядок» благочинного: требовалось снять и убрать иконы. Возмутилась паства – уже были случаи получения чудесной помощи после молитвы у икон. Тогда-то батюшке и вручили «волчий билет», как говаривали у нас в университете.

Видишь ли, случайность – это своеобразный хаос, только не материально выраженный. Мы исповедуем, что Бог хаос превратил в порядок, подчинив события в том числе, жестким законам бытия. Стремление к хаосу присуще только темным силам. Поэтому, если что-то происходит, значит, кто-то в этом заинтересован. Вот и думай, что да как».

«Так вы считаете, батюшка...»

«Я ничего не считаю, отче, – мягко перебивает меня старец, – мню, что знаю правила, и всегда старался их исполнять. Поэтому спросят – объясню, постараюсь научить. Выполнит – слава Богу, кто-то одумался; не выполнит – лучше бы не приезжал, то хоть незнанием мог оправдываться.

Как-то вот после Пасхи, после Недели Жен-Мироносиц, приехал ко мне советоваться духовник одной из ближайших епархий. Выходец с польской Украины, но очень набожный и праведный старец такой. Будучи большим молитвенником, притесняемый со всех сторон, он и сам ответы на свои вопросы знал, но ему необходимо было общение и сравнение взглядов. После долгой беседы он поехал писать прошение об освобождении от духовничества и настоятельства. Попал после этого в еще большую опалу, но приезжал потом уже умиротворенным.

Тяжел крест священства, ой как тяжел! Так все сейчас организовано, что волей-неволей, а Правила нарушаются. Многие поэтому говорят так – спастись в священстве нельзя, стало быть, делать можно что угодно, лишь бы не соблазнять паству, втайне творить греховное. Но подход такой сродни осуждения, если не проклятия ближнего – та же попытка присвоить себе суд Божий, хоть и над самим собой. В Евангелии Сам Спаситель говорит, что самолично человек спастись не может, но что невозможно для смертного, то возможно для Бога. Ты только принеси все свое, потрудись со своей стороны, а недостающее уже восполнит Господь. Враг особо старается ввести в искушение духовенство, отвлечь внимание пастырей от спасения, дабы потом распудить их стадо. Выход один – бдеть, а на

козни темных сил просто не обращать внимания, особенно не поддаваться бесу сребролюбия.

Очень полезные душеспасительные наставления священству оставили святитель Тихон Задонский и преподобный Иоанн Кронштадский. Писали и Другие, но наставления святителя Тихона и преподобного Иоанна особо доступны, практичны. А так, какого духа пастырь, такого же будет и паства. Вот это-то самое страшное. Миряне определяют только для себя путь либо на спасение, либо на гибель. Пусть для семьи. Пастырь же может испортить все стадо. Принимая сан, почти каждый мечтает о венце праведника, увы, все мы грешные и все падаем. Правда, одни поднимаются, а другие принятое положение начинают считать вполне приемлемым».

«Батюшка, – не выдерживая укора совести, говорю я, – а ведь та история со священником мне знакома – она начиналась на собрании благочинных. Владыка любит, чтобы его решение было подкреплено постановлением собрания благочинных, или уважаемых протоиереев».

«Ты тоже голосовал за запрещение?», – спросил старец.

«Да нет, на первом собрании было принято только решение о поездке благочинного на приход. Я знаю, кто донес, и почему: священник тот был местный, что уже влечет на нашей епархии повышенное внимание, а рядом служил земляк владыки. Окончания истории я не знал – после перевода попросился освободить от послушания из-за дальности езды до благочиния: километров двести – двести пятьдесят».

Голод.

«Отец Антоний, я все же не совсем понял основу глобального голода – катастрофы, войны, техногенное воздействие, это понятно и сейчас имеет место быть. Пускай отравленное, но должно же быть зерно, меньше – больше, но не полное его отсутствие!» – спрашиваю старца.

«Отче, – как-то медленно, с раздумьем, отвечал отец Антоний, – ты никогда не задумывался над таким вопросом: почему до революции не просто хватало зерна, но Россия продавала его просто в невероятно огромных количествах?»

«Людей, наверное, было значительно меньше», – неуверенно отвечаю старцу.

«Меньше, на начало века в империи наличествовало что-то чуть больше 130 млн. человек. К первой мировой население увеличилось, как всегда бывает в процветающей державе, но все равно людей было меньше, чем сейчас, это понятно. Но землю-то обрабатывали с помощью тягловой скотины – на легких почвах лошади плуг тащили, на тяжелых использовали волов. Скорость обработки не сравнима с современными тракторами. Кроме того, и землицы под пашней было значительно меньше – сохранялись леса, много было выпасов, сенокосов, эка сколь скотины растили. Ты представляешь, сколько нужно было корма для мясного скота, не считанного поголовья птицы?! В лесных краях болота еще не осушались. Но хлеба хватало.

С годами становилось все хуже и хуже, какую бы технику не использовали, какие бы химикаты и удобрения не применяли – еды все равно не хватало. Обернулось это после войны страшной бедой – два неурожайных года и ужасный голод сорок седьмого. Доходило

до людоедства. Приезжала в то время ко мне исповедоваться молодая женщина: она сбежала из колхоза, воспользовавшись набором рабочих для восстановления шахт в Донбассе. Зарплату платили нормальную, и молодежь повадилась в получку ходить на рынок покупать студень, нарезанный кусочками. Но однажды один из парней нашел в этом студне детский палец.

Продовольственное изобилие сегодня на Западе – это фантом, призрак, как и вся их «цивилизация». Да, за счет химии и всяких дьявольских ухищрений им удастся вырастить какое-то количество птицы, скота, хлеба... но не столько, чтоб даже для себя хватало в полной мере. Собственный продукт у них рассчитан на нищету да для вывоза к нам в том числе. Настоящие продукты стоят огромных денег и ввозятся и в Европу, и в Америку. Это сейчас. Стоит же только миру зашататься – не будет и тех крох, что сейчас имеют. Довершат дело десятки новых болезней животных, растений, которые и человеку смерть принесут.

У нас настоящий продукт, но к этому времени некому будет и на полях работать – город продолжает выманивать здоровых людей из деревни. Кроме того, беснование Америки родит страшные природные изменения и все в худшую сторону. Закроются небесные источники вод, земля иссохнет в бесплодной надежде на влагу. Что-то вырастит, но на всех этого не хватит. Скотина будет пропадать, для ее жизни тоже не хватит корма да и воды. Реки либо высохнут, либо превратятся в сточные каналы, источающие смертельные миазмы. Тоже будет и с озерами, прудами... Внутренние моря тоже умрут, и жить возле них будет невозможно. Гниющая всплывшая рыба, морские животные; поднявшийся со дна сероводород неожиданную смерть принесет жителям побережья.

Вот тебе и голод. Он всегда страшен, но подобного этому земля еще не видела – не будет ни хлеба, ни воды, ни Евангельской любви и сострадания. Таков будет печальный результат людской неумеренности, следования своим страстям. Голод, случившийся при царе в Поволжье, тоже был следствием неумеренности – большие деньги приносила продажа хлеба, вот друг перед дружкой крестьяне и продавали его, не оставляя запаса. Глядишь, и дом хороший отстроить можно, и одежду сделать новую, чтоб все было не хуже чем у других. Государство тогда спасло, помогали голодающим во всем. При большевиках уже голод был во многом искусственным да и деньги, собранные для помощи людям, пошли на закупку паровозов да машин всяких. Сколько людей вымерло тогда!

Голод последнего времени будет еще хуже – уйдет надежда на лучшее. Раньше знали, что стоит как-то продержаться милостью Божией, глядишь, с нового урожая и отойдешь, поправишь силы. Теперь этого не будет, исчезнет вера в Бога, исчезнет и вера в лучшее. Расчет будет только на свою силу, на то, чтобы выжить даже за счет ближнего своего. Как в блокадном Ленинграде бандиты вытаскивали у людей хлебные карточки, или отбирали силой их, обрекая человека, а порой и целую семью на голодную смерть, так и теперь будут воровать, отбирать съестное. И убивать.

В местах же истечения чистых вод будет возможность утоления жажды и выращивания кой-какой зелени съедобной, а то и хлебушка Господь даст, хоть в праздник сухариком побаловаться. Повезет, так и рыбка может в ручье оказаться, а в лесу ягоды да грибы. На разносолы рассчитывать не приходится, но протянуть как-то можно. И гонения в лесных дебрях будут значительно слабее, главное не поддаваться унынию и страху, навиваемых бесами. Также сейчас, готовясь ко всему с упованием на Господа, нельзя все мысли направлять на ужасы грядущего, думать надо о стяжании благодати Божией».

«Батюшка, так если о дебрях, то на Севере России, в Сибири куда более дикие места. Там не лучшее ли убежище?», – спросил я.

«Сибирь будет «желтой», полностью. Дальний Восток японским, а за Сибирь, за нефть и газ ее, золото, другое все сражения будут даже не с нашими, а с американцами. Даже при том, что звездно-полосатая дубина в руках у мирового сионизма находится, победить они китайцев не смогут. И потекут желтые реки на европейскую Русь. Весь юг пылать будет, кровушки прольется славянской!

Дальний Восток японцы китайцам не отдадут – островитянам просто жить негде будет. О грядущей трагедии своих островов японцы знают: через мудрецов открыто им было это. Сейчас они скупают землю, но самым лакомым кусочком выглядит для них Дальний Восток России.

Европейский Север привлекателен, да без знания его и навыков необходимых – не выживешь. Старообрядцы скрывались в северных европейских чащах, как и в сибирских, но они-то бежали туда сотнями. А совместно всегда проще устраиваться на новом месте. Кроме сего, люди того времени были более природными, больше умели, меньше требовали от жизни, были крепче и здоровее. Поэтому в ту сторону лучше и не смотреть, южнее тоже хватает пустынных мест для удобного сокрытия от слуг антихристовых».

«Отец Антоний, оружие стоит иметь у себя для той же охоты, скажем?», – спрашиваю старца.

«Ты о себе говоришь?», – чуть с укоризной вопросом на вопрос ответил батюшка.

«Да, нет, конечно, я в принципе говорю, для всех», – пояснил я.

«Нет, отче, охота не полезна в последнее время, – очень серьезно ответил отец Антоний. – Лишнее убийство и пролитая кровь, пусть и безсловесного существа, отнюдь не будут способствовать сохранению духовности, столь необходимой для спасения. Пост и молитва, молитва и пост; не знаю, что может оправдать убийство дикой живности, разве что только реальная угроза смерти от голода. Но таким же доводом будут оправдывать и принятие числа антихристов, и людоедство... Не знаю, не видел я у спасавшихся на столе мяс убитой на охоте дичи.

Последнее время нужно воспринимать, как единственную оставшуюся возможность очиститься и вымолить у Творца прощение за грехи, сотворенные в спокойные времена. Каждому, слышишь отче, каждому придется претерпевать в эти годы нравственные, духовные и физические мучения. В большей или меньшей степени – это уже другое. Второе пришествие Спасителя будет означать конец этих мучений для тех, кто сумел Божьей помощью сохранить верность. И Господь сокращает годы царствования антихриста только из-за немногих оставшихся верными Ему. Поэтому для них это будет праздник. А как мы себя к празднику предуготовливаем – постом!

Это тебе по поводу охоты. Что касается оружия, тут сложнее. Каждый должен сам себя испытать вопросом – способен он на убийство, или нет. Если способен, то лучше оружие не брать с собой, дабы не искуиться. Если же у человека рука не может подняться на ближнего, то можно и взять, дабы была возможность отпугнуть непрощенных гостей: их много будет бродить в поисках пищи. В любом случае должно уповать на Господа, но и стоит не забывать такую мудрость, как: «Не искушай Господа Бога твоего». Еще раз скажу –

вопрос трудный, мню, ответа на него одинакового для всех нет. Как совесть каждого человека ему подскажет, так и нужно поступать.

Ну, что, отче святой, пока твои недоумения закончились, а?».

«Да, отец Антоний, спаси Господи! Пора и честь знать, отправляюсь домой».

«Да я тебя не гоню, мил человек, приезжай, не забывай дорогу к старику!».

Заключение.

Было еще несколько встреч перед его упокоением, время которого ему было открыто. В наших человеческих учреждениях висят таблички-предупреждения: «Уходя, гасите свет». Он же, живя по другим законам, все сделал, чтобы остающимся жить в тяжелые конечные времена было светлее, теплее, понятнее.

Родившись в последние годы XIX века, он дожил до начала XXI-го. Пройдя сквозь все круги ада катастроф XX-го века, не только не озлобился на всех и вся, но стяжал любовь, которую буквально излучал на окружающих. При кажущейся простоте в разговоре, использовании часто народной речи, это был очень образованный человек. Отец Антоний свободно владел латынью, греческим, немецким. В его собственном домике на полках стояли зачитанные святоотеческие труды на том же греческом. Старец не любил об этом говорить, хотя я несколько раз спрашивал, сколько языков он знает.

Удивляло в нем и такая черта – он умел слушать и вызывать на разговор; причем, даже если у посетителя отсутствовало желание говорить о чем-то еще болящем, отец Антоний как-то ненавязчиво подводил разговор именно к этой теме. А потом становилось легко. Слушая чужие рассказы, старец непременно извлекал из них нечто поучительное для всех и потом использовал в назидании чад духовных.

С первой встречи меня поразила также такая особенность праведника – столетний старец, проживший столь сложную жизнь, реагировал на ложь с резкостью ребенка. Он патологически не воспринимал лукавство, ложь, даже простую неискренность, считая их основой любого греха и «вервиями[16] для удержания врагом души православной, вериями[17] дьявольскими в ней». Пройдя десятилетия лагерного ада, он какие-либо утеснения в миру или возможные земные мучения просто не воспринимал. Боялся старец одного – огорчить своим поступком Того, Кто Искупил его Своей Пречистой Кровью. Поэтому часто на вопрошение о том, как поступать, он отвечал: «А как же Господь? Разве Спаситель наш мог бы...», далее следовало название действия, на которое посетитель пытался взять благословение – взятка, отмщение ближнему, ложь и пр.

Он был очень ласков до нежности, любвеобилен с простыми верующими – рабочими, крестьянами, технической интеллигенцией. Правда, только в тех случаях, когда простота не была синонимом каинитства и хамства. С актерами, «вольными художниками», «руководящими товарищами» и всеми теми, кто присвоил себе право называться «творческой интеллигенцией», старец был весьма насторожен. Большею частью он обличал неправедность их взглядов, вызывающую божье разложение.

Строже всего он относился к духовенству и в особенности пишущему. Объяснял это так: «Пришел человек-грешник – я через него увещаю пять – шесть павших. Приходят

вольнодумцы – чуть больше у них соблазненных: может сто, может двести. А если пастырь согрешил, да еще богословствовать пытается, тысячи и тысячи соблазнить может!».

Я был свидетелем такого – приехал к отцу Антонию священник из «вычитчиков», с презентом старцу: своей брошюры, изданной на личные кошты и конверта с деньгами, «для нищих». Священника этого я немного знал: и люди рассказывали, и общался пару раз в епархии. Брошюра эта его мне также была знакома, довелось просмотреть – люди принесли на отзыв. Там было много утверждений как минимум спорных, другие, как говорят, и комментарии не требуют. Поскольку автором был священник, пришлось быть сдержанным в оценках, рекомендовал только верующим не углубляться в изучение бесовских хитростей да еще на основе их же рассказов. Теперь мне интересно было узнать точку зрения старца.

Вошедший в келию отец Анатолий (имя изменено) буквально заполнил своим телом все свободное пространство – он был очень высоким и чудовищно тучным. Сорока – сорока пяти лет, с уверенностью удачливого митрофорного протоиерея – любимца владык, благословение он брал как-то с высоты своего положения. Но лобызания старческого это положение не обеспечило. А потом был разнос, такое не лицеприятное обличение, что мне о. Анатолия даже жалко стало. Получил он за все – за то, что брал деньги с верующих за вычитку:

«Туне приясте, туне дадите»[18]. За разговоры с бесами и передачу их в брошюре верующим: приводил отец Антоний евангельские цитаты, слова древних подвижников о том, что нельзя разрешать бесам даже рот открывать, а тем более внимать их рассказам. В общем, трудно сказать, что не было подвергнуто обличению.

От. Анатолий вначале храбрился, потом сник, в конце разговора стал просить прощения. Старец смягчился, но сказал достаточно сурово: «Бога моли простить, наказание уже за плечами носишь. Книжки свои сожги сам, закончи дела милосердия, что уже начал с домом для сырых стариков, с приютом для сирот и готовься...». Через несколько месяцев пришла весть, что от. Анатолий погиб в автокатастрофе.

«Отошел в вечность и старец Антоний».

Прошло несколько лет. Появилась возможность посетить Верхнедонское. Увы, радости эта поездка не принесла – монастырь на дому исчез: старые монахини преставились, послушницы разошлись. Кто-то был пострижен в монастырях, кто-то обретался возле духовных стариц. Единственная оставшаяся в поселке схимонахиня Варвара по прежнему несла послушание на клиросе.

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ И НАСТАВЛЕНИЯ СТАРЦА АНТОНИЯ

Часть третья

Вступление.

Когда задумывалась книга о старце Антонии, я и не думал о написании продолжений – трудно восстанавливать текст по надиктованным несколько лет назад кассетам.

Но не прослушанные кассеты нет-нет, но привлекали внимание. В конце концов, большая часть была прослушана и родилась вторая часть.

В период работы над ней обнаружили и надиктовки по воспоминаниям о старце. Поскольку предложения о написании подобного уже существовали, грех было бы не обработать существующий материал. Так появилась третья часть. Дополнительные сложности возникли только в необходимости дополнить записанное на кассетах и желательном восстановлении языка авторов воспоминаний, максимально точном воспроизведении слов отца Антония.

Поскольку все воспоминания содержат много личного, авторы просили не указывать имен и фамилий. Говорили, что и так идут на определенный риск – в местах жизни и без фамилии поймут о ком идет речь. Духовенство откровенно побоялось возможных неприятностей по службе, а то и вообще прещений.

Отец Антоний постоянно говорил о любви, часто повторял слова Апостола Павла: «...Если я раздам все имение мое, и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею; нет мне в том ни какой пользы». (1 Кор. 13; 3.) Под впечатлением его внушений несколько лет назад была написана статья «Бог есть любовь». Взятая за пример жизнь преподобного Максима Исповедника, его поучения живо перекликаются с тем, что говорил отец Антоний. В сборник статья «Бог есть любовь» не вошла, печаталась только в газете, поэтому я дерзнул поместить ее в конце настоящей третьей части.

Воспоминания прихожанки Натальи К.

Я была из семьи неверующей. Мама страдала целым «букетом» суеверий: от черной кошки, перебегающей дорогу, до досконального изучения всяких гороскопов. Учеба в пединституте, работа завучем по внеклассной работе не добавили, конечно же, ни веры, ни ощущения присутствия в жизни всеильного промысла Творца.

В семье также мало что ладилось. Мне хотелось мужа умного, образованного, рассудительного, такого мужчину, чтоб за его спиной было хорошо и покойно. Увы, супруг совсем не отвечал этим требованиям – тракторист в колхозе, не способный даже за себя постоять, а не то, что интересы семьи защитить. К тому же муж стал очень часто прикладываться к рюмочке...

В это время в моей жизни появился мужчина, как мне тогда показалось, способный разрешить все накопившиеся проблемы. Он был значительно моложе, преподаватель, подававший большие надежды на блестящую карьеру. Кандидатская у него была практически написанной, защита – гарантированной.

Первое время, проведенное с ним, было каким-то чудесным сном. Но потом пришло понимание, что после самого прекрасного сна наступает пробуждение. И вот оно было далеко не таким приятным, как сонные грезы. Пришло тяжелое понимание того, что есть какие-то вещи непреходящие, вечные. Есть поступки, такие заманчивые и приятные на первый взгляд, совершение которых влечет за собой лишь страшное угрызение совести, гнетущую тяжесть, ощущение гадливости к себе, в общем, чувство душевной грязи.

В нашем поселке жило несколько женщин, говорили, что это старые монашки. По работе, в качестве атеистической пропаганды, мне пришлось как-то к ним прийти перед Пасхой. Не могу сказать, что оказанный прием был особенно радушным, как говорят, с распростертыми объятьями, но и откровенно холодным его назвать было нельзя. Поразило другое – удивительная атмосфера спокойствия, царившая в доме. Конечно, меня постарались вежливо и быстренько выпроводить: ни моя работа, ни репутация,

заработанная за последнее время, совсем не соответствовали настрою жильцов этой тихой обители. Однако я в те минуты нашла для себя что-то такое, чего не видела в окружающем мире.

Через некоторое время к нам домой зашла пожилая женщина, как говорили в поселке – верующая, одинокая, постоянная певица в церковном хоре. Начала она издали, но весь смысл ее слов сводился к одному – надо менять жизнь. Очень спокойно и ненавязчиво тетя Варя предложила мне организовать встречу со старцем. Для меня все это было таким чужим и далеким – старцы, матушки, то, что тетя Варя оказалась не Варварой, а монахиней Евдокией. Но терять было уже нечего – семья разваливалась, рождение третьего ребенка желаемого мира в семью не принесло, с работой не ладилось... и я согласилась.

В один из весенних дней только я пришла из магазина, как за мной зашла монахиня Евдокия и сказала, что у матушек гостит старец Антоний, о котором мне приходилось уже слышать. Я быстро собралась, и вскоре мы были у знакомого уже дома. На этот раз встретили меня приветливее, не как чужого человека. Сухонькая старушка провела в чистую горницу, в святом углу – «божница» с огромной иконой святой Троицы. На столике стояла фарфоровая лампада и лежало большущее Евангелие в каком-то деревянном переплете, убранным то ли бронзой, то ли золотом. Рядом находилась стопка старинных книг, только переплет был проще – из кожи. Под Евангелием и книгами были постелены красивые вышитые рушники.

Старец был в действительности старцем – на вид не менее девяноста лет, очень высокого роста. Борода и волосы на голове были полностью белыми. Он перебирал четки, губы едва заметно шевелились. Весь облик его источал какую-то утерянную сейчас патриархальность.

Отец Антоний не торопился начать со мной разговор, в комнате повисло неловкое и неопределенное молчание. Наконец старец открыл глаза и с легкой иронией заговорил: «Ну что, успокоилась? А то тут тебе магазин, а тут – церковь. Не суетись, чадо, не суетись».

После этого пошел спокойный разговор. Надо сказать, что я боялась выпытывания подробностей совершенных ошибок, зная понаслышке, что подобное иногда бывает при исповеди. Батюшка ни чего не расспрашивал, больше того, когда я попыталась начать подробно рассказывать о грехах, он остановил меня той же фразой: «Не суетись? Все му свой час, а каждому овощу свое время».

Разговор получился долгим. Старец мне показал дверь в иной мир, а затем и открыл ее. Все в его словах на первый взгляд было просто и понятно, очень доказательно, только воспринималось как изображение в зеркале с перевернутым видом. Хотя, конечно же, именно его мир и был настоящим, истинным. Там были праведные жены, отважные защитники отечества, монахи, отказавшиеся от всего, что представляется ценным для живущих в Зазеркалье.

«Дочь моя, – неторопливо говорил отец Антоний, – скажи, разве видела ты счастливым человека на утро после сотворенного греха? Посмотри на тех, кто не отверг по примеру Христа все предложения дьявольские. Они боятся смерти, но разве кто-то из земных смог избежать ее?! Наши православные цари-батюшки из рода Романовых не ели пищи-то из приготовленного для них, а раздавали людям. Владимир святой Креститель, праведный убиенный Андрей Боголюбский богатели не собственной мощной, но о Господе. И они, и все другие правители Святой Руси видели достаток не в золоте, но в счастье братьев во

Христе, народа православного. Святая Евфросиния после смерти праведного мужа своего воина великого Димитрия до смерти вериги не снимала.

Ты вот говоришь, что муж не такой. Не буду тебе говорить слова Апостола, тебе это ни чего не скажет, но что ты сделала для того, чтобы он не так поступал, как сейчас? И вообще, почему ты считаешь, что супруг более не прав, чем сама ты? Ведь не сразу он начал выпивать, не сразу стал искать для общения сомнительные компании, вместо того, чтобы находиться в семье. Ты ведь первая оставила вниманием семью, отвергла заповеданное попечение о ней. Он простой шофер? А что означает, дорогая, это твое слово – простой?! Мню, что разумеют простым человека без набора неких суемудрений и с полным отсутствием лукавства. Так что тут плохого-то? Вот ты школьный преподаватель, как люди вашего сословия любят о себе говорить – учитель. А скажи, душа моя, как говорят, положив руку на сердце, детские деньги приходилось воровать?»

«Да вы что, батюшка... хотя... – я смутилась, – конечно, как посмотреть на это».

«А так и посмотри, – старец улыбнулся, – как оно есть!»

«Я ведь завуч по внеклассной работе, массовик-затейник, как говорят. Конечно, на день учителя, к дням рождения директора, завучей... ну, при приезде комиссий всяких, приходится собирать деньги с детей то на отопление, то на мячи в спортзал».

«А муж твой, простой человек, воровал когда-нибудь детские копейки? – отец Антоний как-то особенно заглянул мне в глаза. – Вот так-то чадо. Есть старая притча, она за путников, ехавших на лошадях, но я переложу ее в сегодняшнюю жизнь. Едут два брата на двух старых машинах, и у каждого она ломается. Один ругает машину и стоит на обочине, а другой приводит ее в порядок и отправляется дальше. Кто из них прав и кто в большей выгоде?»

Ум человеческий должен быть направлен не к тому, чтобы достичь высот карьерных, всегда связанных с нечестием и грехом, но к тому, чтобы отсечь имеющиеся в душе свойства бесов, отвергшигся Бога».

«Батюшка, – недоуменно спросила я, – а как же самореализация, развитие личности, творческий подъем?! Что-то я не пойму!».

«Творческий подъем, говоришь, самореализация?! – старец мягко усмехнулся, – А ты когда-нибудь вдумывалась в смысл этих слов? Что это означает? А я тебя так спрошу, душа моя, что труднее – победить человека в борьбе за мираж мирского счастья, или овладеть своими собственными чувствами в стяжании блаженства небесного?»

«Отец Антоний, но ведь и революционеры, скажем, были весьма неприхотливы в жизни, того же Дзержинского можно считать просто аскетом!»

«Ну, во-первых, аскетами они не были, ибо отнюдь не отрекались от своих слабостей, не боролись с пороками, а наоборот, возводили их в ранг божества. Во-вторых, разве можно говорить о каком-то духовном росте во зле? Художники-католики начали писать иконы, заменяя лик Божьей Матери, прости Господи, лицами своих наложниц. Изображение Пресвятой Троицы, лики Апостолов и святых подменять списками со своих натурщиков. А чем это закончилось? Полным безстыдством и копированием языческой разнузданности, чадо. Разница между прошлым и настоящим лишь в том, что в древности все творилось по

большей части открыто, сейчас же зло рядится в тогу добра, пытается даже само Евангелие использовать на потребу низменным своим запросам.

А Держинский твой... – старец замолчал и перекрестился, – Пребывал старец один у нас, старый схимник, молитвенник, смиренный праведник. Толком не знали и выходцем из какого монастыря он был. Говорили, что подвизался схимник на Афоне, потом же, исполняя послушание, обретался где-то в северной пустыни. Четки истирались у него куда как быстрее, чем у нас грешных. Молчальник дивный, редко когда от него и слово услышишь. К обычным работам его не принуждали, больше на вспомогательных – подай, принеси. И вот однажды падает он на колени и начинает горько плакать и молиться. Ни кто и не понял, что произошло – старца не трогали, а он истово так поклоны бьет да молится со слезами. Когда малость пришли все в себя, то спросили его, что же произошло. Рассказал он, что видел смерть и мучения этого исчадия ада, Держинского. Мучения присяжного палача были так велики, что не могли не вызвать у старца ужаса от возможного наказания за собственные прегрешения, переживаний за участь еще живущих на земле. Нам же он тихо шептал: «Не грешите, братия, не грешите! Как там страшно без Бога!».

Чадо, зло разрушительно по самой своей природе, потому как несет в себе только противление созиданию. Либо ты строишь, либо – разрушаешь, нельзя строить разрушая, или разрушать строя. Нет, и не может быть счастливых грешников, упоение грехом лишь создает призрак счастья. Это как мираж воды в пустыне. Стоит увлечься дивным видом несуществующего оазиса, пуститься на поиски его, и тяготы трудного, но переносимого пути в песках обратятся смертью.

Только совершать плохое проще, чем подавлять в себе все низменное. Заниматься истинным творчеством – стяжанием богоподобия – ой, как трудно. Сколько лет понадобилось великому Печерскому подвижнику, святому Иоанну Многострадальному, дабы явить миру пример истинного созидания – образ очищения человеческой природы от грязи бесовской?! Все это, конечно же, много труднее, чем идти на поводу своих похотей, но и результат совсем другой».

Так в разговоре старец незаметно перешел к примерам из жизни праведных жен, святых мужей. Часто мне приходилось переспрашивать, просить подробнее рассказать. Отец Антоний отвечал на просьбы, говорил очень спокойно, и в этом был залог какой-то особой убедительности. Но эта же убедительность вызывала у меня внутренний протест – я делаю плохо, а как это кто-то может поступать в таких же условиях хорошо. Что же, я не такая какая-то никчема вместе со всеми, кто живет также? С другой стороны, и подробности, рассказываемые батюшкой, и особенное состояние детского успокоения в душе не давали повода для сомнений в его словах.

«Отец Антоний, – в одну из пауз в разговоре спросила я, – простите, но как это может быть, чтобы человек, совершавший низменные поступки, в один миг изменился? Простите, но в это трудно поверить. Что грешники из другого теста слеплены? Они что, обречены идти в ад, а другим, с печатью избранности, готово место в раю? Почему одни каются, а другие нет? Я очень сомневаюсь, что сейчас есть люди, которые поступают так, как святые, о которых вы мне рассказываете. Прийти на исповедь в храм после совершения греха – да, многие так делают. Но в то, что можно в наше время стать Марией Египетской – не верю».

Старец улыбнулся: «Ну, я тебя и не заставляю верить! Душа твоя была весьма тщательно засеяна плевелами, и они пока заглушили всходы доброго зерна. Но не ты ли сама являешь пример обращения грешника?! Только пойми, все доброе спрятано, а с

приближением кончины мира потаенно особо. Да и чтобы разглядеть, нужно желать этого, быть подготовленным, иначе нельзя было бы удильщику поймать рыбу, а охотнику подстрелить дичь. Многие ли знают об этой общине матушек? Монахини просто живут по вере ими исповедуемой, не тревожа окружающих, не навязывая ничего, но и не поступаясь. Ближние их не видят, а дальние послужить у них за счастье почитают!».

Так тек неторопливый разговор. Отец Антоний ни в чем не убеждал, ни упрекал, он только рассказывал. Но словами своими старец как будто выпалывал ростки заблуждений в душе, призывал к жизни желание добра. Удивительно, но этот человек, казалось бы, и жизни не знавший, так все расставлял по своим местам, что уже и сомнений не возникало в истинности его наставлений и необходимости руководствоваться только ними в своих поступках.

Чем больше я его слушала, тем страшнее становилось за возможные последствия сделанных глупостей, понятнее все происходящее со мной.

«Батюшка, – обратилась я к старцу, – у меня очень дети болеют! Старший еще и хулиганить начал».

«А вот ты скажи мне, если корень дерева будет зачервоточен, смогут ли ветви остаться здоровыми? Удастся ли собрать хорошие плоды с больного дерева?»

Лечить надо корень, пока не поздно, а то можно дожидаться слов проклятия, обращенных Спасителем к бесплодной смоковнице!».

Кончилось тем, что я расплакалась и уже буквально на коленях просила у отца Антония исповеди. Старец встал и изменение, произошедшее в нем, просто поразило меня – передо мной стоял монах из какого-то далекого прошлого, из тех времен первозданной праведности, о которых батюшка же и рассказывал.

Я много плакала и еще больше говорила покрытая большущей тяжелой епитрахилью. Тяжело и горько было возвращаться к прошедшим заблуждениям. Но батюшка очень мягко успокаивал, наставлял не касаться ненужных подробностей, убеждал в абсолютном милосердии Господнем. Призывал верить словам Спасителя, что Добрый Пастырь и одной взысканной заблудшей овце рад будет. Только покаяние должно состоять не в простом перечислении грехов, но в изменении всей жизни, духовном перерождении.

Кончилась исповедь, прочитаны последние молитвы... Какое-то время еще я не могла прийти в себя, а когда отошла и посмотрела на старца, то увидела не древнего монаха, а доброго умудренного годами человека. От усталости он едва стоял на ногах, обутом в деревенские шитые валянки-бурки.

Было благословение кусочком просфоры с глотком святой воды, которую уже по просьбе отца Антония принесла одна из матушек. Вышла я от старца другим человеком – ярче светило солнце, красивее пели птицы, цветы поражали своими красками. Желание же было одно – не совершать Дел, за которые будет стыдно у батюшки на исповеди.

Больше в своем поселке я старца не видела: говорили, что он слаб здоровьем. Да и матушки из общинки, которых я стала посещать – умирали. Но через время пришла весть о новом месте пребывания отца Антония, о том, что всех приезжающих он непременно принимает. Конечно же, тут же были собраны деньги, и я отправилась в дорогу.

Во время встречи старец больше всего говорил о днях грядущих, предупреждал о том, что всех нас ждет в ближайшее будущее. Увещевал уже сейчас начать отказываться от «благ» цивилизации – телевизора, других бытовых приборов. Необходимости приучать себя к жизни вне существующих правил, которые, по-сути, ведут к подчинению силам зла.

Тихо и спокойно лилась его речь, слова и выражения были удивительно точны и ясны: все разложено по полочкам, только бери и выполняй. Но выполнение-то и было самым трудным. Как отказаться от принятого образа жизни, как обойтись без телевизора, ковров, радио?!

«Отец Антоний, – не выдерживаю я, – но если без полного изменения образа жизни, просто не особо привязываться ко всему окружающему нас миру вещей, можно спастись?».

«Можно, но трудно, – отвечает старец, – очень трудно. Это можно сравнить с несением воды в решете: можно, но весьма затруднительно.

Есть такая притча: двум монахам дали в качестве послушания носить песок на постройку монастыря в корзинах с дырявым дном. Один так и носил, а другой – выстлал дно пальмовыми листьями, укрепил корзину. Да, было затрачено время, можно сказать, что и послушание исполнено не совсем так, как говорилось – но он-то в итоге добился большего, корзина его всегда была полна! Конечно, такое количество песка и нести было тяжелее, но приносил он больше, а значит, и больше могли зиждители построить.

Так и сейчас, конечно, можно не оставляя мирского образа жизни уповать на спасение. Только что ты вместишь в корзину с дырявым дном? Куда как покойнее укрепить ее отказом от правил мира сего и устлать пальмовыми ветвями добрых дел. Тогда и Творцу всяческих на суд ты сможешь принести не жалкую горсть остатков добротолубия, но полную емкость собранного за жизнь свою сокровища душевного. А так - можно, конечно».

«Отец Антоний, – говорю опять я, – но если все откажутся исполнять общественные работы, поручения, что же будет с миром? Кто-то ведь должен плавить сталь, добывать уголь, служить в армии, наконец?».

«В армии служить должен не кто-то, а каждый, в ком нуждается держава. Искони мы, православные, блюли свою возможность быть Святой Русью. Не падала матушка наша ни перед кем, даже перед диким татаринном. Завоеванными были, но не падшими! Не путай Божий дар с яичницей, душа моя. Литвины, чухонцы, поляки – все испытали на себе падение, все прошли страшный путь вероотступничества, но не народ Святой Руси. А уголь, и, как ты там говоришь, сталь, разве это так необходимо?! Нас втянули в круговорот бесовской западной «цивилизации», отсюда и необходимость в угле, стали, нефти и прочем всем. Скажи, сколько килограммов железа вы используете у себя дома, хотя бы, примерно?».

«Ну, я затрудняюсь сказать, батюшка», – озадаченная неожиданным вопросом отвечаю старцу.

«Пускай, сто килограммов. Умножь на число жителей, добавь нужды армии, общественных дорог. А куда все остальное девается? Идет же оно на подготовку прихода антихриста, вот куда! Значит и не нужно оно, все это производство для матушки нашей Святой Руси не полезно. Паче скажу, уходят люди с земли на заводы, приучаются жить смертью в городах,

разлучаясь с данной Богом природой. Собираются вместе, чтобы стать более доступными для антихриста и приспешников его, сами себя делают желанной целью адских искушений.

Мы вот говорили с тобой за армию. Да, служить должен каждый, в ком есть нужда. Но зачем нужна армия, которая не защищает интересы Руси?! Нет, ты не спорь, как святой Александр, Невский Победоносец, относился к своим воинам? А вон матушки ходят, кормят служивых чем Бог послал – голодные наши солдатики. И это только начало. Грозный для недругов царь Казань-то взял, но еще до него она была крещена, диким татарам уже было привито православие. Потемкин князь взял Крым, не разворачивая полков в боевые порядки – прежде опасные татарские и ногайские дикари без православных рабов оказались жалкими и немощными. Была армия, были интересы державы, было восстановление справедливости

– море-то отнюдь не Черное, а Русское! Так-то оно получается. А ноне без шага вперед – два назад совершается. Болит душа за Русь-матушку, которой управляют инородцы с нашими фамилиями, а цель у них только одна – обворовать и унижить святость. Но Бог поругаем не бывает».

Я слушала и смотрела на старца. Его речь и весь облик дышали чистотой и первозданной мудростью. Не смотря на необычный для большинства подход к жизни, к вопросам морали и нравственности, спорить с ним желания не было. Вдобавок сразу бросалось в глаза, что старец значительно ослаб здоровьем: говорил он уже очень тихо, часто останавливался по ходу повествования и отдыхал. Хотя поток посетителей к нему и не уменьшился, время приема матушки сокращали, прося не обременять старца. Сам отец Антоний уже не ездил ни куда, постоянно пребывая в частном доме на окраине большого промышленного города. Даже свой домик с храмом, как говорили матушки, не посещал: годы давали себя знать.

Большую часть приехавших верующих, конечно же, интересовало все связанное с концом света. Старец терпеливо объяснял. А люди ехали и ехали.

Это была последняя встреча с отцом Антонием – через некоторое время пришло известие об его кончине.

Анна, прихожанка Н-ского храма.

Мы услышали о старце в семидесятых. В то время церковь уже нельзя было назвать гонимой, даже приходы новые открывались. В свечных лавках появились иконы, лампы, крестики, журналы Московской Патриархии свободно продавались, но что-то в положении внутри церкви настораживало. Даже само содержание упомянутых журналов было странноватым.

Лет за десять до этого храмов было меньше, добраться на службу было очень трудно, даже пешком ходили. Но если уже попадал в церковь, то тут же был пленен благолепием, трепетностью отправления таинств. Священники сплошь старые, умудренные жизнью, очень внимательные к прихожанам. Мы все трепетали перед батюшками, особенно воевавшими или прошедшими через сталинские лагеря. У них был особый ореол мученичества, исповедничества, веры до смерти.

В семидесятых все это стало исчезать. На приходах стали появляться коренастые черноволосые молодые священники, говорившие на русском с сильным акцентом. Они уже не ходили пешком, но ездили на машинах. Почти везде стала практиковаться общая

исповедь. Навязывались странные обычаи, пропадало ощущение преемственности веры, храмы пустели. Стало холодно, и каждый верующий искал теплой свечи истинного православия, а не облатыненного. Ездили к разным священникам по многим храмам, увы, практически везде было одно и то же – пустота, казалось, что это даже безысходность.

Вдруг среди верующих разнеслась весть о некоем духовном, благодатном и прозорливом старце, говорили, что он из Оптиной пустыни. Слухи эти разрастались, вдобавок узнали, что этот батюшка посещал отца Алексия, уважаемого в нашей местности священника. Все знали отца Алексия как очень доброго и мягкого пастыря с трудной судьбой. При этом говорили, что он едва ли не на колени становился перед старцем, так его уважал.

А тут еще заговорили, что отцу Антонию, такое имя было у старца. Господь послал видение о конце света, о последних временах. Конечно же, нам всем захотелось увидеть этого необычного подвижника. Однако, по рассказам же, долго батюшка в одном месте не пребывал – не жаловали власти. Сколько мы не спрашивали, ни кто не мог сказать, где легче застать старца. А встретиться очень хотелось.

Наконец, нас известили верующие по телефону, где находится батюшка, и что время его пребывания будет достаточно значительным из-за болезни ног. Не раздумывая, мы собрались в дорогу и через день оказались в месте нахождения отца Антония.

Попали мы к нему не сразу – у него в этот момент были посетители. Матушки вежливо попросили подождать, предложили чай. Где-то минут через сорок из келии старца вышли два архиерея и с ними несколько монашествующих. И вот тут мы первый раз увидели отца Антония – он провожал святителей до дверей, благодарил за приезд. На все их просьбы о благословении отвечал отказом и настаивал на своем достоинстве благословлять благословляющих. Епископы особо просили его об одном – возможности следующей встречи со старцем.

Надо сказать, что первое впечатление от встречи было не в пользу отца Антония. Мы ожидали увидеть сурового монаха, с тяжелым посохом в руках, поражающего всех своими пророчествами. А встретил нас очень пожилой человек, чтоб не сказать – глубокий старик. Глаза были добрыми, чуть воспаленными. Он был очень сухой, высокий и с необыкновенно белыми волосами. Одет в светлый подрясник, возраст которого определить не взялся бы и специалист, так он был истерт. Ноги обуты в сельские стеганые бурки. Встречал нас отец Антоний сидя в старом пружинном кожаном кресле.

Поскольку уже приехали, то стали задавать вопросы. И вот тут мы увидели преображение старика в старца. Голос стал необыкновенно твердым, исполненным уверенности. Даже глаза изменились – от прежней мягкости и расслабленности не осталось и следа, они излучали свет. Хотя говорил он с прежней любовью, даже обличая и увещевая нас. Слова его были горящими углями – с одной стороны грели, но и выжигали все наши негоразды. Отец Антоний чувствовал каждого человека, казалось, что каждый из присутствовавших был для него открытой книгой. Самое странное было в том, что он знал, как изменить повествование в ней, чтобы лучше было главному герою – душе.

Кто помнит эти годы, знает, что главное переживание периода шестидесятых был страх перед угрозой атомной войны. И хотя в семидесятых стало чуть легче – страх оставался. Поэтому, не доходя до далекого будущего, одна из наших женщин и спросила об этом батюшку – о страхе и войне.

«Страх?! Давай, чадо, подумаем, что вызывает его, и тогда все станет на свои места. Самый большой страх рождается из опасения смерти, особенно скоропостижной. Смерть пугает и собственная, и близких людей, особенно, детей - страшно, так ведь?»

Другой источник страха – боязнь потери имущества. Сколько средств люди тратят на то, чтобы сохранить накопленные тленные богатства! Но проистекает все из-за того, что верим и любим Христа только устами, а не сердцем.

Грустно, но язычники ведь меньше боялись смерти, чем мы, христиане. Отчего это? А от того, душа моя, что они не знали сущности греха, тяжести его, мы знаем, но грешим. Грешим и грешим, а о смерти стараемся не думать. Боимся ее, но творим беззакония, как бы надеясь на свое бессмертие.

Страх нет у того, кто не привязан к миру тления и смерти, а все устремления его – к Небу. У такого человека есть только боязнь нарушить заповеданное нам Господом.

А война будет, но не сейчас, позже. Я и многие из вас в то время уже ответ будем давать пред Господом за прожитую жизнь».

Все притихли. Потом спрашивали старца как спастись. Он ответил, несколько усмехнувшись: «А так - молись, трудись и делись. Все, как и прежде, ни чего не изменилось».

Попросили его объяснить; если все, как и раньше, зачем-то же Господь послал ему видение?

«А это другое, – отвечал он. – Путей Господних не испытываю, но думаю, чтоб все знали все, что можно и полезно знать о будущих ужасах. Чтоб ни кто не мог сказать: «Не знал, Господи!».

После этого был длинный разговор. Отец Антоний объяснял, что чем дальше от святых времен пришествия Спасителя на землю, тем сильнее враг стремиться извратить Евангельские истины. Так их истолковать и подать людям, чтобы не осталось и следа от заповеди любви.

Он говорил, что и сейчас люди молятся и трудятся, и делятся, только молятся в рассеянии. Трудятся не ради хлеба насущного, но для ублажения страстей – чревоугодия, сребролюбия... Что делятся только с теми, от кого выгоду думают получить.

Потом отец Антоний рассказал нам кое-что из видения, о том, к чему приведет неумеренность человеческая. В тот период сытости и думать не хотелось о таких страшных вещах, как войны, голод, воцарение антихриста. Но в словах его была такая убежденность, что это передавалось и окружающим. В общем, уезжали мы от старца уже другими, даже за словами своими каждый строже стал следить. И все ручками царапали тетради – каждый хотел сохранить слова старца.

После этой встречи мне пришлось видеть старца еще несколько раз. Однажды даже сподобилась быть на его службе. Конечно же, возраст давал себя знать, и всегда слабый ногами, последнее время он почти не поднимался с кровати, но старался принять всех приехавших. Потом пришло известие о том, что он почил.

Екатерина, главный агроном.

У нас на приходе жил очень старый священник - ни кто и лет его не знал. Он был последним служителем в сельском храме, закрытом в конце пятидесятых. Теперь древняя церковь стояла без купола, полуразрушенной. Все, что можно было украсть, колхоз и люди растащили, но батюшка с прихода не уезжал. Пенсия у него была очень маленькая, поэтому вначале он жил больше с земли, хоть и урезали его усадьбу трижды.

Когда совсем состарился – за счет подаяний сельчан: батюшка за крестины, похороны денег не брал, даже из записок с просьбой помолиться бумажки вытаскивал и возвращал подателю, приговаривая всегда: «Туне приясте, туне дадите. Вот был бы храм... а мне хватает».

К отцу Анатолию, так звали нашего священника, частенько приезжали другие батюшки, в основном пожилые. Среди них выделялся один старец, отец Антоний – высокого роста, с белыми волосами, с какой-то особой, не смотря на возраст стройностью. Люди относились к нему с любовью, поэтому каждый приезд его для верующих был радостью.

Что-то в конце семидесятых – начале восьмидесятых стали говорить, что отец Антоний сподобился видения о конце света. Тут уж потянулись к батюшке и не только верующие. Мы, группа верующих, тоже собрались к старцу, тем более, что прошел слух, что он будет служить водосвятный молебен – болен был отец Анатолий.

Служил отец Антоний как-то особенно – очень благоговейно, с трепетом соприкасаясь со святостью. Не покидало ощущение, что благодать он буквально видел. Когда же молился – нам было страшно. Возникла полная уверенность, что этот старец в потертом подряснике обращается не просто к Небу, но предстоит Престолу, для нас невидимому, но открытому для его взгляда.

Потом была беседа. Как-то случайно, первый вопрос задали о воспитании детей при таком давлении коммунистов. Нет, слово «коммунисты», конечно же, не произносилось – ни кто не решился бы на подобное. «Коммунисты» были заменены на «неверующие». Вспомнил «красное племя» сам отец Антоний, и вот тут как будто гром грянул: «Бойтесь не коммунистов, их век уже изочтен, скоро все рухнет, весь «Союз нерушимый». Страшиться безверия своих детей – от них получите не меньше, чем от всех послевоенных правителей вместе взятых! По телам раздавленных пройти к золоту и власти у них будет считаться едва ли не верхом ума. Ваши чада будут делать это с вами, дети мои!»

Воцарилась буквально гробовая тишина. Каждый из пришедших ожидал разговора о каком-то далеком конце света, о вещах, ожидающих человечество где-то там, в отдаленном будущем. Все готовы были верить Апокалипсису, только с поправкой на то, что происходить все будет не с нами и даже не с нашими детьми, а с отдаленными потомками. А тут наше будущее, да еще слова о падении коммунистической державы... Поверить в это было просто невозможно, легче было предположить, что старец не в себе.

«Батюшка, – наконец спросил кто-то, – так что, мы все доживем до конца света?»

«Кто как, дорогие, кто как! – ответил батюшка с грустью. – Городов будет много, а расти будут! Слабые все в городах поселятся».

Последняя фраза только прибавила уверенности в том, что со старцем не все в порядке – если рухнет государство, то откуда новые города? И вообще, как соотносятся города и конец света?

«Простите, батюшка, – с недоумением спросила я, – поясните нам, если можно».

Отец Антоний продолжил, и через пару фраз все стало на свои места.

«Раньше были кладбища – земля освященная, в центре часовня, и службы правились, души отпевались. На могилах всех – кресты; для самоубитцев, инородцев, иноверцев и других заблудших выделялась земля за местом упокоения тел православных христиан. А теперь – города, домовина смерти; вместо крестов – целые постройки из железа, кирпича, гранита, мрамора с пятиконечной звездой – лапой сатаны... Они растут, и будут увеличиваться с каждым годом».

Это понять было можно, но как жить по-другому? Как будто прочитав наши мысли, он увещевал не принимать комфорта, излишеств, связанных с ним. Рассказывал, как был приглашен в дом, где мебель вся в чехлах, а хрусталь – чуть ли не в деревянных упаковках, чтоб не разбился. Подсмеивался над появившейся модой к собирательству библиотек – кто, дескать, и третью часть закупленного прочитал? Поражало, что говоря в общем, он высвечивал слабости каждого человека из тех, кто сидел в тот летний вечер с ним в саду. Не выдержала заведующая районным книжным магазином, у которой весь дом был забит литературой.

«Так что же, отец Антоний, – с долей раздражения спросила она, – и книги покупать нельзя?! За вас вот говорят другое – и библиотека есть, и собирать книги любите».

«Больше люблю дарить, чем собирать, чадо, – как-то вдруг очень серьезно ответил старец. – Книги отеческие писаны для тех, кого не посетила благодать слышания слов назидания из уст праведников. И Евангелие Духом Святым ведомые Апостолы писали для не видевших и не слышавших, но желавших приобщиться. Мне же Господь судил приобщиться из самого источника, а не только потреблять живую воду из наполненных сосудов».

Это одно, другое в том, что каждый человек пишущий, даже просто прочитавший до тебя книгу, оставляет в ней свой отпечаток – либо благодати, либо адского провала. Светские «мудрецы» печатным словом постарались единственной православной империи корни подкопать, растлевая души народные. А сейчас все еще хуже – если Петр брэдобритие да одежду иноземную ввел, то нынешнии стремятся позывы сердца изменить. Куда как страшнее все это.

Книги – это палка о двух концах. Какие книги, и как их использовать? Иноземные романы и в прошлое время до греха многих довели, чего уж теперь ждать?! Пройдет малое время, и плотью обнаженной будут совращать всех, кто не отринул от телевизора. А если не показом плоти, то еще более изысканным приемом – рассказом о страстях человеческих. И книги тут сыграют немаловажную роль. Бойся, малое стадо, бойся и предуготовляй себя к грядущим потрясениям!

Не суть книги грех, но собирательство и стяжательство их. Тем паче, книги светские, изначально разрушительные. Стяжайте кладязи духовные, помогающие спастись в страшные последние времена. Лишь это опора и вспомоществование в жизни, только в них и можно

найти вразумительные ответы на все вопросы бытия. Они будут доступны для каждого, но лишь короткое время. Потом все будет засорено так, что и правду ото лжи отсеять мало кто сможет».

Батюшка еще говорил о последних временах, о том, что сейчас нельзя раздваиваться. Нельзя в жизни руководствоваться народным правилом: «Не согрешишь – не покаешься!» А уж тем более эти слова понимать как: «Грехи, грехи как угодно, но постами приди в храм и отговей». Что все и для каждого должно быть решено раз и навсегда – Христос или антихрист, страсти Голгофы или почетное место в синагоге, тридцать сребренников или мученичество.

После его слов стало понятно, что причина неприятия слов старческих не в их отрешенности от жизни, а в невозможности принять все из-за нашей неподготовленности. Евангелие давно уже воспринималось всеми как нечто недостижимое, далекое. О конце-то времен из нас ни кто и не думал. А тут вот оно: окончание времен, вступают в силу другие законы, иной должен быть подход и к поступкам, и к окружающему миру. Оно вроде бы все такое же, но исчезает возможность откладывания дел праведных в дальний угол. Все молчали. Каждый думал о своем, о том, с чем труднее всего было ему расстаться.

А отец Антоний продолжал, что мы все готовы отказываться лишь от того, что нам не нужно. Старец вел речь свою к тому, что не просто отказываться следует, но вырезать из души даже просто склонности ко всему, что не связано со спасением.

Нас напоили чаем из самовара с душистым медом: отец Анатолий держал маленькую пасеку. Да и чай был не магазинный, а из гледа, красный, ароматный и полезный. Кто-то что-то еще спрашивал, но это уже касалось каких-то мелких недоразумений. Хотелось одиночества, чтобы «переварить» услышанное.

Отец Анатолий вскоре умер, домик его поселковый совет развалил, пасеку разворовала подвыпившая молодежь. Хоронили батюшку возле храма, но при восстановлении и постройке церковной кочегарки могилу разорили и останки перезахоронили на обычном кладбище. Отца Антония на погребении не было, говорили, что он болен ногами. Храм наш восстановили, прислали молодого священника, только старцы в поселок больше не приезжали. Мы слышали, что отец Антоний принимает людей и у себя, и в местах, которые просещал. Да все было недосуг.

Прошло много лет, но поняли мы свою глупость лишь тогда, когда узнали, что батюшка почил. Спыхватились, да было уже поздно, столько всего хотелось спросить, узнать – но не у кого. Тогда, при встрече, трудно было сразу понять и оценить все сказанное, многое вообще казалось сказкой. Прошли годы, и предсказанное им исполнилось в полной мере. И если пала коммунистическая держава, то, конечно же, стоит ждать и всех других событий, о которых пророчествовал отец Антоний.

Священник отец Сергей Д.

К отцу Антонию я попал не в самый лучший период своей жизни: отчисление из престижной семинарии, достаточно случайная женитьба – ни матушка, ни ее семья понятия не имели о православном образе жизни. Служение в сане воспринималось ими как обычная работа с целью заработка денег. Вдобавок, невольно послужил причиной гнева благочинного. В результате назначение на приход больше походило на откровенную опалу.

Но, увы, настоятельство только обострило все мои проблемы: у истоков открытия нового храма (скорее – молитвенного дома) стояла группа женщин, которые при отсутствии постоянного настоятеля быстро стали путать личное и церковное. В епархиальной лавке я набрал в долг необходимой утвари, облачений и товара. Это вызвало такое раздражение у «десятки», что вскоре уже ничего не радовало – шли анонимки в адрес правящего архиерея, коллективные жалобы, каждый шаг мой контролировался.

В разговоре с пожилым протоиереем прозвучал совет: «Езжай к отцу Антонию!». Расспросив, что и как, я еще какое-то время не решался на поездку. Служил целыми седмицами, держал строгий пост, но положение становилось все хуже. Пришлось ехать, это был последний шанс как-то улучшить ситуацию.

В это время мне был благословлен владыкой отпуск, и я с матушкой и маленьким сыном отправился в деревню на родину своего отца, севернее обычного места пребывания старца. И вдруг слышу, что в соседнюю деревню, в которой жил старый монах из закрытого коммунистами монастыря приехал какой-то старец, который «все видит, все знает, и конец света видел». Пришла догадка, что это и есть отец Антоний. Пол часа езды на старенькой дядиной машине, и мы остановились возле указанного нам дома.

Затерянная в лесу, на окраине хутора стояла небольшая обычная деревянная изба с белеными стенами и черным от окраски смолой фундаментом. Возле нее – малюсенький храм-часовня с красивым «чешуйчатым» куполочком. Собственно, от обычной избы этот храм отличали только большие окна да куполок с крестом. Во дворе на лавках сидело довольно много мирян.

Молодой человек в подряснике, видно послушник, меня, как священника, пропустил к старцу без очереди. После обычного приветствия батюшка предложил сесть и рассказать о случившемся, о том, что привело меня к нему. По ходу моего рассказа старец вставлял свои вопросы или реплики, направленные либо на прояснение произошедшего, либо на вразумление.

«Ты пришел, – спрашивал старец, – служить, или требовать, чтобы тебе служили?! Выравнивать искореженное грехом, или сравнивать, что больше испорчено?! Тяжело, отче, но разве Христос обещал тебе или кому-то из нас что-то иное, кроме скорбей в юдоли печали: «Меня изгнали и вас изженут»? Ты мечтал об академии, званиях, положении, видел дорогие машины и неоскудевающие столы высокопоставленного духовенства, и эти видения тебя тешили? Но разве это все имеет отношение к вере православной и Святой Церкви Христовой? Ты, чадо, вначале просто сделай свой выбор – спасение во Христе, или погибель; рай или ад.

А если выберешь путь праведности, не кичись ней перед заблуждающимися, но любовью и своим примером исправляй, не укоряя при этом. Обличать даже вверенную тебе Господом паству следует с осторожностью, не оскорбляя, не досаждая, но врачую с нежностью любящего отца. Не сумеешь сейчас выйти на верную дорогу – поздно будет».

«Но как же выживать, – спрашиваю старца, – на каждого «простого» священника приходится за год по переводу с прихода на приход?! Жильем обзавестись и то проблема!»

«Мил человек, отец Сергей, – отвечал отец Антоний,

– вот, положи руку на сердце, скажи мне старому, а что ты сделал, чтобы жить на приходе? Да, село – не город, но и холод – не голод! Господь дал всем нам свободу. Христос ведь, придя на землю, не сказал людям: «С грядущего дня вы все становитесь праведниками и будете поступать вот так и так». Спаситель предложил нам всем лучшее, но сам выбор оставил за смертными.

Хотя и тут стоит проявить разумную осторожность

– не доверять своему собственному мнению, но уповать на волю Божию. Там, – старец многозначительно указал пальцем на небо, – объяснения нам не помогут, только привязанности сердца, воплощенные в делах, словах, мыслях... Язык может обмануть, можно что-то сделать противу своей предрасположенности. Но все это порознь и один – два раза, не больше. Если же в сердце тьма, то и дела, и слова, и мысли обязательно появятся греховные. И наоборот – свет породит свет. Да, кто-то сейчас упивается собственной неумеренностью, алчностью ко греху, но такому стоит лишь посочувствовать, а лучше

– не заметить. Душеспасительней, ведь на дно будет тянуть свое, а не чужое.

Ты чадо, может и не знаешь, но лошадям в свое время одевали шоры – пластины, закрывавшие им вид происходившего по сторонам. У коня не рассеивалось внимание, он был в полной власти управляющего каретой кучера. Конечно, конь не добровольно выбирал подобное, его от испуга и всех потрясений спасали предусмотрительные люди. Но человек тем и отличается от животного, что способен сам, Божьей помощью, зашоривать себя, удаляться от видения того, что может отвлечь его от главного – пути спасения».

«Отец Антоний, – с огорчением спросил я, – но ведь уходят лучшие годы не понятно на что? Хочется работы, пользы для Церкви, Православия, а приходится гнить где-то в дыре».

«Отче Сергие, остерегись! – почти воскликнул старец, – Просто так такое не говорят – так мыслят, а это уже страшно. Возьми и подойди ко всему по-другому - разве тогда, когда ты поступал в нашу лучшую семинарию, тебе кто-то что-то обещал? Нет! Приди наниматься на любую работу – ты только предлагаешь себя, а хозяин уже выбирает. И не только выбирает, но и подбирает место работы для нового работника. Ты писал прошение: «Хочу трудиться на ниве Христовой...», так и трудись! Господь принял это прошение – ты уже в сане, но сейчас для тебя полезнее именно это настоятельство. Мастера обрабатывают дерево и железо не сразу гладкой наждачной бумагой, а всяким инструментом, грубой строгающей бумагой... т.е. чем то режущим, трущим, а из под их рук уже выходит изделие блестящим, гладким.

Прими все происходящее как работу Господа над тобой и твоим характером, восприми все, как меру вынужденную, меру спасительную. Прав ты, что лучшие годы проходят. Но проходят они для тебя не потому, что кем-то ты лишен жизни, а потому, что пытаешься жить мечтами о завтрашнем дне. Так не бывает – либо человек живет, либо утопает в пустых иллюзиях. Не утони, живи и будь жив, неси истину в дома паствы и Господь не пройдет мимо твоей домашней церкви.

Любая слабость человеческая очень скоро станет привязью, а потом и камнем на шее. Отрешишь от своих слабостей, даже привязанностей. Невинная на первый взгляд привычка к пищевым изыскам обернется тягой к аду, к гибели.

Думай о своем. Первоверховный на вопрос ко Христу о судьбе Апостола Иоанна Богослова что в ответ услышал? «...Что тебе до того? Ты иди за Мною!». Видишь как, даже Апостолу Петру было не полезно знать подобное. Что же говорить за всех нас, грешных. Вот и гряди, чадо, вслед Христу со своим собственным крестом на раменах!».

Уехал я от старца не вполне удовлетворенным, дорогой молчал и думал. Хотя силу его молитвы почувствовал сразу же по возвращении из отпуска. Но и когда через время выпали иные испытания, я вспоминал слова отца Антония, и воспринимались они уже совсем по-другому.

В.К., клиросница, главный бухгалтер небольшого предприятия.

Хотя мы с отцом Антонием общались не так часто, после его кончины вдруг возникло чувство осиротелости: не к кому пойти с вопросом, а если и выслушают, то получишь невразумительный ответ. Старец учил Православию как-то особенно, приучал чувствовать каждое Евангельское слово, понимать стоящую за этим словом мудрость. В качестве примера расскажу такой случай.

У каждого из нас, приехавших к нему, конечно же, было большое количество обид на ближних, на их неблагодарность, предательство, и прочее. Вдобавок, произошел в городке очень неприятный случай: молодых людей, находившихся на железнодорожном вокзале выпившими, обвинили в убийстве какого-то проезжавшего пассажира. Вокзал – любимое место сбора поселковых подростков, и ребята как обычно сидели там, когда к ним подошел мужчина. Он спросил, который час, перебросился с юношами шуткой и ушел на платформу. Через несколько минут несчастного нашли погибшим от ударов ножом.

Указала на хлопцев дежурная, постоянная прихожанка местного храма. Милиция ребят тут же арестовала, вывезли их в местную тюрьму и там подвергали нещадным издевательствам до тех пор, пока сломавшиеся духом юноши не согласились подписать признание в совершении убийства. Вот все эти горести мы и поведали отцу Антонию. Наши поступки при этом выглядели, естественно, просто образцом христианского поведения.

Старец очень серьезно выслушал рассказ об издевательствах над детьми. Мы знали, что большая часть сотрудников милиции, учинивших этот произвол, бывала у него, просили молитв. Большого того, они объявляли себя его духовными чадами, были вхожи в дом местного архиерея, помогали и с постройкой храма в поселке, дружили с местным настоятелем. В общественных выступлениях часто жаловались на предвзятое отношение гражданского населения к людям в милицейских погонах. Через слово у них звучало: «Дай Бог», «Господь не оставит» и пр. В общем, – ни дать; ни взять, а просто агнцы стада доброго Пастыря.

Во время рассказа мы не здорово следили за выражением лица отца Антония, когда же прекратили говорить, то увидели, что по щекам батюшки текли капли слез. Всегда чуть воспаленные его глаза были полны страдания и сострадания, чувствовалось, что несчастье глупых детей необычайно тронуло его. Нас же больше всего после судьбы мальчишек интересовал такой вопрос: «Как могут люди, вроде бы и верующие, посещающие регулярно храмы, творить подобное зло». Ведь были же абсолютные факты просто невообразимого беззакония, вымогательства взяток – родители одного из мальчишек остались буквально без копейки в кармане, свадьба их старшей дочери была расстроена, сын после казематов «защитников прав и свобод» остался практически инвалидом.

Батюшка молчал. Четки «бегали» в длинных пальцах, глаза полузакрыты, губы шевелились в неслышной молитве. Мы сидели, боясь и стулом скрипнуть, такая величественная тишина воцарилась в келье. Страхнув со щеки крупную слезу, старец заговорил.

«А что же вы хотели, чада? Разве родители не знали, что дети их занимаются пустым время – провозждением? И скажете, что запаха спиртного не слышали по приходу заблудших подростков домой? Нет, все знали, все видели и относили происходившее к невинным шалостям молодости. О потребностях плоти – еде, одежде, небось, ой как болезновали, а вот душа-то оставалась на задворках попечений отеческих!

Конечно, жалко неразумных юношей, скорбь родительскую от происшедшего и представить себе трудно, но не так ли поступает каждый из нас, не желающий внимать Евангельским, Апостольским, Святоотеческим словам назидания, увещевания, предупреждения? И если подростки не представляли себе, чем все может завершиться, то нас то не оставляют в неведении. Мы ведь предупреждены заранее, что и как, что и за что. Нет, чада, мы еще хуже поступаем, чем эта детвора, безумнее их.

Что же касаясь этой милиции и дежурной, а что можно добавить к словам Спасителя: «О, род неверный и развращенный! Доколе буду с вами? Доколе буду терпеть вас?» (Мф. 17; 17.) И это говорит Христос, обращаясь к избранникам Своим, к Апостолам! Само воплощение смирения обращает такие слова к двенадцати лучшим из людей! Зная все, что Его ждет, Спаситель как бы торопит Свой уход от человеческого племени, желает отрешиться от неверности и развращенности окружающих. Так что уж говорить за нас, погрязших в грехах?

В древности был подвижник, достигший больших духовных высот – и прошлое ему было открыто, и будущее, чудеса творил. Святой Великий пост он проводил на одной воде, только в праздники вкушая лист капусты. Жил он в пустыне, но люди шли и шли к нему, неся свои грехи и скорби. Так стало ему противно знание грехов человеческих, что ушел он вглубь песков. Но и там нашли его страждущие от духовных болезней. Так он менял свое жилище несколько раз. Наконец, он совсем устал от грехов людских. Считая себя достойным царства небесного, пустынный стал просить Господа забрать его душу, дабы не оскверниться соприкосновением с грязью падшего человечества.

Долго молился пустынный, проходили дни, недели, месяцы, а Спаситель все не исполнял его желания оставить грешную землю. Подвижник так был расстроен, что совсем упал духом – он мог упросить Бога исцелить болезнь, даровать чадоношение, успехи в светской жизни, предсказывал смерть или рождение нового человека, но не мог выпросить своего ухода из юдоли печали. И вот однажды сподобил Господь его видения, в котором Христос повторил слова, сказанные Им народу еврейскому и фарисеям: «Вы судите по плоти; Я не сужу никого. А если и сужу Я, то суд Мой истинен; потому что Я не один, но Я и Отец, пославший Меня». (Ин.8; 15-16.) Понял отшельник, что нет права ни у кого на земле судить согрешающего брата, и больше никогда он не пытался просить Господа о том, что означало бы презрение к погрязшему в грехах миру. Люди текли к нему за наставлениями, помощью и всегда уходили утешенными, удовлетворенными. Поступайте так же, как этот пустынный – спасетесь.

Не пытайтесь выносить суд, лучше – прощайте и прощены будете. Любовь есть единственная мера приверженности ко Христу, только она одна. А увидел нечаянно чужой грех, так не поступай также, только не осуждай; А об обиженных чадах попробуем побдеть.

Может, что-то и выйдет, только вы поступайте достойно христианину. Самое простое – в монастырь его отправить, есть в некоторых братья мои».

«Батюшка, так ему жениться надо, да и молод, сможет ли выбор свой правильно сделать?»

«То-то и оно, чада, – горько улыбнулся старец, – когда избираем между грехом и праведностью – сомнений у нас нет, всегда грех на первом месте. А праведность, увы, вызывает страх, сомнения в необходимости крестного пути. На самом-то деле, даже лучшее отвергается, лишь бы совершилось желаемое. Совсем не важно, к пользе все или нет, только бы так, как мы понимаем. Поэтому Спаситель и сказал, что мы судим по плоти, а отнюдь не по духу».

Через время все стало на свои места, не знаю уж, встречался ли старец с начальством милицейским, или просто это была сила его молитвы, но дело было прекращено, ребят отпустили, все было кончено. Мы приехали к отцу Антонию с благодарностью, была одна из матерей потерпевших ребят, только он и слушать не захотел наших слов. Снова и снова батюшка повторял: «Бдите чада, бдите и не впадете в искушение».

Трудно было воспринять тогда его наставление, лицом к лицу лица не увидеть. Только по прошествии времени с каждым днем становилось все более понятным, понятным. Увы, старца уже на белом свете не было.

Священник отец К.

Когда пошли постоянные разговоры о некоем старце, я вначале всячески пытался противостоять им, относя сказанное к невежеству прихожан. Служил тогда на деревне, точнее, в сельском поселке советского образца – организовали совхоз элитного скотоводства, и для него выстроено было село. Люди самые разношерстные: тут и немцы, и татары, и среднеазиаты, и кавказцы... То же и с верой: буддисты, баптисты, раскольники-старообрядцы, раскольники-катакомбники, раскольники-филаретовцы и прочие. Естественно, что новый старец воспринимался частью всего этого «букета» человеческих заблуждений. Вдобавок, отношение к отцу Антонию в областном центре было, мягко говоря, не однозначным. Правящий архиерей, человек очень жесткий, не поощрял «неформальной праведности». Выросший среди католиков, он стремился к тому, чтобы все было четко организовано, все по его благословию. Нам, духовенству ним воспитанному, также казалось, что иного и быть не может, что только с разрешения правящего и возможно подвижничество, проповедь и даже дар пророчества и чудотворений. Просто не укладывалось в голове, как это без разрешения кто-то учит, наставляет, да еще если все это происходит на одном из епархиальных приходов. Ну, если где-то, как-то, только не у нас, может подобное и допустимо, а тут под боком старец, которому люди больше верят, чем штатным священникам – это уже через чур! Ездит по городам и весям, собираются к нему толпы народа, что-то вещает им.

Пытался я говорить на эту тему со своими прихожанами, но все без толку. Стоило в ближайших окрестностях появиться старцу, как храм пустел: люди ехали на встречу с ним. После посещения несколько недель в поселке только и слышен был пересказ слов отца Антония. О последних временах и конце света стали говорить уже не только православные, но и последователи всех упомянутых заблуждений. Правда, количество верующих росло, многие крестились или просили соединения со святой Апостольской Церковью. Это радовало, но раздражение не проходило. Имея привычку к безропотному подчинению, к абсолютной формальности, трудно было воспринять голос старца, так часто звучавший

совсем не в унисон с тем, чему нас учили, и тому, что являлось принятой нормой. Хотелось личной встречи, общения тет-о-тет, вич-у-вич, как говорится. Но случай все не предоставлялся, то ли гордыня мешала, то ли действительно еще не пришло время для принятия слов старца.

Наконец, однажды мне сказали, что в соседней деревне, у старого священника будет гостить и служить отец Антоний. На службу меня пригласил очень пожилой настоятель, достаточно официально, и это как-то сгладило мое неприятие старца. К тому же очень хотелось увидеть того, о ком буквально легенды слагали прихожане.

Приехали мы на службу с небольшим опозданием. Дело было поздней осенью, я был в кожаной куртке поверх подрясника и так прошел по привычке в алтарь. Отец Антоний тайнодействовал за Проскомидией, на клиросе читали часы... Все было, кажется, обычным, обыденным, типичное начало Литургии. Но в знакомом алтаре царила необычайная обстановка: старец, чуть прервавшись, коротко, но строго сделал мне замечание за вход в алтарь в светской одежде.

«Отче, прости, – сказал он, – но не в хлевходишь. Есть правила, чадо, надо их исполнять: неверный в малом, в большом тем паче предаст».

Вся служба была пронизана какой-то истовостью, казалось, что служивший воспринимает ее как последнюю в своей жизни. Проникновенность Литургических молитв вызывала слезы. А когда старец перед Причастием буквально упал на колени, присутствовавшие в алтаре не просто сотворили коленопретковение, но поверглись на пол. Было полное ощущение службы первых христиан, как их описывали современники – в темницах, на тайных квартирах...

Потом состоялся разговор. Уставший после службы старец, полулежал на кровати, едва слышно проговаривая слова молитв, я же не мог прийти в себя от Литургии. Малое замечание по поводу моей одежды выразилось в задумчивость о том, на сколько мы отошли от правил Апостольских, не думаем о сути их, а если и думаем, то не вдумываемся в существо заповеданного.

«Отец Антоний, – начал я, – как соотносить ваше старчество с иерархией и четким порядком в церкви?».

«Я старец годами, – чуть усмехнувшись, отвечал отец Антоний, – а делами – младенец! Ты бы видел старцев прежних, вот где был образчик праведности! Мох благословляли, и он становился слаще хлеба. Одной их молитвы достаточно было, чтобы смертельно больной получал исцеление. Их ни что не возмущало, ни что не могло разрушить мир и покой праведных душ, ибо они были с Богом. И не людей старцы отвергали, отнюдь. Они отвергали падение человечества и все, что с этим связано. Им чужд был мир, как область, подвластная пока духам злобы, суть – бесам.

А старчество и монашество... Кто благословлял великого Антония? А тысячи подвижников Фивейских, Нитрийских?! Но спасались и сами они, и люди, питавшиеся их духовными наставлениями. Василий Великий монастырь свой, по нашим меркам, самовольно организовал, ну и что? Жаждающие живой воды стекались к праведнику, малым временем образована была обитель желающих спасения. Меня в этот ряд не ставь, я лишь отголосок, куда до старчества!

Но посмотри, душа моя, и с другой стороны: сколько в древние времена было, как ты говоришь, благословленных монастырей? А люди-то больше текли к отшельникам, к старцам. Господа нашего Иисуса Христа разве первосвященники благословляли на проповедь и служение? Все это много позже пришло, тогда, когда стали забывать самый большой дар Божий человеку – истинную свободу. Не как свободу несусветно грешить, но как возможность разумного выбора между грехом и праведностью, вечной смертью и блаженной жизнью.

Конечно же, Церковь должна быть устроена так, как учили Апостолы. Но почему-то ведь великий во святых Паисий остался в Валахии, не захотел он этой твоей иерархии?! А почему? Мню, что отнюдь не из-за архиереев, но потому, что Православие – это свобода духа и любое ограничение его уже протестанство. Сколько раз оптинцы были ущемляемы и притесняемы? Величковского ученики, от одного корня все, но почти постоянно были в числе гонимых. А все потому, что часто ставится все с ног на голову, ибо ведь не Церковь для иерархии, а иерархия для Церкви. Иоанну Кронштадскому пришлось чудо сотворить, чтобы избавиться от лишней опеки.

Мир стремится всех сделать своими рабами: вещами, удобствами, деньгами и властью... Даже подчинением духа. Властителей же всего этого больше всего раздражает обретение человеком внутренней свободы, отрешенности от искусительных предложений соблазнительей.

Вспомни разговор Христа с сатаной. Не имеющий пытался предлагать Ему все, что только может быть привлекательным для падшего человека. Для падшего, но он говорил с Богом, поэтому и получил на все свои предложения ответ со словом: «Нет!». Это и есть пример полной свободы, всецелого отметания искушений.

Вот ты приехал на службу, но скажи, душа моя, только ли ради праздного любопытства увидеть старика, пережившего и свой век, и своих сверстников? Нет, ты хотел понять, чем наполнен этот дряхлый сосуд, как он вообще может без благословения правящего существовать, так ведь?!»

«Ну, батюшка, – не ожидая прямого вопроса, пробормотал я, – вы уж совсем. Интересно было, почему люди к вам ездят, это – да. Но не так, чтобы очень я настаивал!»

«Ну, и к чему ты, отче святой пришел? – старец явно подтрунивал меня. – Чем моя ветхость может привлекать?»

«Отец Антоний, – отвечал я, – очень может быть, что мои ответы и выглядят детским лепетом. Но честное слово, я приехал не посмотреть, но узнать. Вижу даже по своему приходу, что что-то не так делается, везде засилье раскольников, иноверцев, а бороться мы с ними просто не способны. Протестанты буквально заели – у них литература из Германии, США идет полным ходом. А какое качество их книг! Что делать? Нам говорят, что кто хочет, тот спасется, вы исполняйте добросовестно свое дело, а Сам Господь изберет призванных ко спасению. Как все это можно понимать, принимать, как угодно назовите. Наше бездействие выглядит скорее юродством плохого тона, чем исповеданием Евангелия. Апостолы ведь в люди несли слова Спасителя, не ждали, пока кто-то к ним придет и захочет выслушать. Разве не так все это было?!»

«Так, дорогой, именно так. И нынче, как никогда надо на распутья дорог идти. Только времена изменились».

«Отец Антоний, но как бы не изменялись времена, принцип-то должен сохраняться!»

«А он и сохраняется, – отвечал старец, – этот принцип. Он единственный и неизменный – соблюдение себя. Равным образом, как и несение слова спасительного в люди. Ты носи, именно ты, а не мечтай о том, насколько ревностно проповедуют евангельские истины сослуживцы! На сколько мы сами ревностны, на столько и мир будет изменяться в лучшую сторону. Вот он какой, этот принцип. Будем ленивыми и попадающими под прилоги диавольские, – вот и будет тебе несчастье. Не Бог накажет, но сам навлечешь на свою голову страшные негоразды собственными поступками. Вот так, отче, все очень просто».

«Простите, батюшка, – продолжал настаивать я, – просто-то оно просто, только понять сложно. А если и понять, то исполнять вообще невозможно! Неужели вы не знаете всего происходящего? У меня на приходе чуть не каждую неделю бывают те же «старцы» и «старницы». Да, батюшка, люди идут к ним, только с чем приходят от них?»

«А не полезнее ли подумать: отчего люди мечутся и в поисках чего? Мню, если бы пред очами их был образец веры и праведности, образ кротости, то не бегали бы. Отче, возьми ты такой пример. Вот тонут в реке два человека. Один кричит и ищет помощи, пытается как-то выплыть, а другой тихо идет ко дну. Тонут-то оба, но совсем разное отношение к происходящему. И тот, кто жаждет помощи, понимает свое жалостное состояние, он ее найдет, эту помощь. Тяжело было блудному сыну возвращаться к отверженному им отцу, только после свиной еды он решился на это. Но какова и радость его была.

Не стоит уподобляться тем, кто стремиться наесться рожец свиных. Но и осуждать их нельзя. Любое осуждение греха есть погружение в него. Сейчас любят говорить: «Прими Господи не в осуждение, а в рассуждение», но хоть осуждай, хоть рассуждай, а одно вспамятование греха уже есть осквернение. А оскверненный не может быть сопричастен святости Господней. Просто не может, как не может быть совмещаемы тьма со светом.

Подобных случаев лже-старчества, лже-монашества, лже-священства всегда хватало – диавол лжец и на лжи взращивает древо соблазна людей. Увы, далеко не всегда такие люди и понимают-то сами, что несут верующим заблуждения, а не спасение. Спасать их надо, а не осуждать. Но из прелести ой как нелегко выкарабкаться!»

Старец замолчал. Легкая грусть видна была на его лице. Думал он, вероятно, о чем-то своем. Я боялся отвлечь его и тихонько рассматривал тиснение на кожаных обложках старинных книг, лежавших на прикроватной тумбочке. Затем он продолжил.

«Как-то давно, в то время, когда я искал духовного водительства опытным подвижником той, старой школы, мне стало известно об одном старце необычайного аскетизма. О его внешних подвигах рассказывали чудеса – бывало, весь Великий пост на воде и паре сухарей проводил. Носил власяницу и вериги. Сапоги его были подбиты свинцовыми пластинами. Посох у него был сделан из тяжелой дубовой слезы. Все признаки святой жизни. Даже архиереи почитали за счастье у этого старца благословение взять! И он давал.

Приехал я к батюшке то ли в конце весны, то ли в начале лета, посмотрел, как он удары паломникам палкой раздавал, на благословение архиерея, малость пообщались – и я убрался восвояси не солоно хлебавши.

Прошла пара лет, судил мне Господь обрести наставника, от которого однажды отлучился на время. Каково же было мое удивление, когда по возвращении, я в доме своего учителя застал первого старца. Оба монаха приязненно вели разговор о спасении. Их вид был очень различен – мой наставник, маленький и худенький, облачен в тоненький серый подрясник, подаренную кем-то рясу, в шитых сельских тапочках и с небольшим посохом в руках. Выражение лица у старца – благостное, мягкое, все светящееся любовью, без всякой видимой строгости.

Старец-аскет был грозен видом, внешность его мало в чем изменилась за прошедшее время, только чувствовалось, что и сапоги, и вериги, и посох-слега уже не по силам ему – возраст давал себя знать. Но оба подвижника мирно сидели и беседовали. Бывало, что мнения их отличались, и сильно. Только подвижники хотели найти истину, желали своего улучшения, пользы для людей. Поэтому, большей частью, они спокойно принимали чужой взгляд, конечно, если считали его верным.

Видишь ли, отче, скажем, два человека гонят скот на пастбище, большое такое стадо. Один на коне, с погонным хлыстом, а другой – пешком и с кнутом. Если они будут гнать стадо по договоренности, сообща, то обязательно все будет хорошо. А если станут выяснять, кто лучший, кто больше делает – скот голодным останется. Да и домой в стойла пригнать его вряд ли удастся.

Волков, восхищающих пасомых, гнать надо – католиков, сектантов, иноверцев... А своих ни кто не должен кусать. Хочешь научить – подари книгу хорошую, словом добрым согрей. Так-то оно».

Я понял, что разговор наш окончен и, с испрашиванием святых молитв старца, тихонько удалился. После этого старца видел только один раз, хотя много продолжал слышать о нем, особенно тогда, когда разговор пошел о его видении конца света.

Отец Антоний последнее время практически не служил из-за немощей, присущих возрасту. Старшие батюшки пригласили меня ехать к старцу, чтобы услышать рассказ об открытом ему будущем. Жил он тогда уже почти безвыездно на окраине большого города. Собралось нас человек пятнадцать духовенства, и поехали к старцу.

Отец Антоний гостеприимно принял всех прибывших, попросил матушек принести огромный, не меньше чем на ведро, старинный самовар, и пошел разговор. Рассказ его о конечных временах не был единым повествованием, нет. Скорее, его можно было сравнить с мозаикой, когда из сложенных маленьких кусочков цветного стекла получается полный вид изображаемого.

Когда же он начинал говорить о том, как избежать искушений антихристовых, о том, что именно приводит человека к падению, правилах праведного поведения и т.п., то назидания его были необыкновенно стройными, логичными, даже – жесткими. Это уже была не мозаика, а произведение из мрамора или гранита.

Больше всего внимания старец уделял поражению соблазном ума человеческого, отсутствию борьбы с помыслами у современных христиан, говоря, что если садовник с червями не борется, то и плода достойного не сможет обрести. Поэтому безумное безпечие проявляет тот, кто колодец пытается чистить за много метров от самого источника, и при этом надеется получить чистую воду. Следует же следить за местом истечения воды, его чистотой.

Когда он говорил об итогах подобных заблуждений – конечных временах, в келии стояла полная тишина. Самовар призывно пофыркивал, только звук этот не мог отвлечь от страшных мыслей. Каждый ведь знал, чем чревато безпечие, равнодушие к ревности о Господе, но кто смог бы не упрекнуть себя за подобное? В той или иной степени, но грехов у всех хватает. Но именно увлечение грехами, по словам старца, и способствует гибели. Он не призывал нас к аскезе, принятию монашества, нет, он увещевал к отказу от неумеренности.

«Отцы, братия, – говорил он, – разве постовой указ можно считать приказом? Человек, бывает, весь Великий пост проводит на сухарях и воде, но думает при этом о разговении, о яствах праздничных. Так это не пост, это поругание его. Весь смысл поста в том, чтобы радостью был сам праздник, а не неумеренное обилие стола праздничного. Сытое чрево Бога и милостей Его не помнит! А разнузданная плоть к бесам стремится – свой свояка видит издалека.

Ругают сейчас монастыри и братию их, но поступи-ка по примеру черного духовенства и откажись хотя бы от собственного жилья? Разве это не пример следования Христу, не повод задуматься над сотворяемым?! Вот и будут всех тянуть бесы за пристрастия к земному – живых, на поклон антихристу, мертвых – в преисподнюю».

Мы молчали – а что тут можно сказать?

После некоторой паузы, старец проговорил: «Что, отцы святии, закручинились, буйны головы повесили?! Знали ведь все это – открыл Господь своею благодатью участь грешников давным-давно. И Ветхий, и Новый Заветы об этом только и говорят. Знаю, – выдержав паузу, сказал отец Антоний, – прочитать легко – исполнить трудно, ибо всегда исполнению сопутствует отречение, самоусмирение. А нам надо все, мы обязательно должны найти древо с запретными плодами посреди райского сада! Спасается же тот, кто хочет спастись, а не вести бесконечные разговоры о том, что слаще».

Уходили мы от старца задумчивыми и с изрядной долей грусти – каждый понимал, что при всей безспорности слов отца Антония, исполнить их будет трудно.

Воспоминания Екатерины Н., Верхнедонское.

Шли семидесятые годы, для кого-то счастливые и сытные. У меня же последовала целая серия не просто неудач, а серьезных жизненных катастроф: вначале неудачный, не по любви, брак. Затем бесконечные измены мужа-железнодорожника, проблемы с жильем, деньгами, в общем, со всем, что только можно придумать.

Наконец, когда муж вызвал меня к себе на работу, чтоб сообщить, что он подает на развод – хотел жениться на другой, ждавшей от него ребенка, я совсем упала духом. Прожили мы, так или иначе, больше десяти лет, были радости, были и огорчения, но двое детей называли нас папой и мамой!

Я брела раскаленными от летней жары улочками своего поселка и ничего не замечала вокруг. Мысль крутилась возле одного – самоубийство. Думаю, даже если бывший муж детей наших бросит, то государство не оставит, есть же всякие интернаты. Пусть делает, как хочет, а кому я нужна? Второго брака душа не принимала, первый уже был разрушен, к родителям – тоже не уйдешь.

С такими раздумьями я шла, уже выбирая и путь оставления земной жизни, когда вдруг была остановлена спокойными, но твердыми словами:

«И не думай, чадо! Тебе жить надо, а не терзать себя мечтаниями о смерти! Уймись!»

Подняв глаза, я увидела возле себя старика в каком-то нелепом длинном черном халате, огромного роста с абсолютно белыми волосами. Я не сильна была в религиозных познаниях, но тут пришло внутреннее понимание того, что передо мной – священник. Чуть в стороне от него стояли двое мужчин, явно сопровождающих.

«Простите, – говорю, – как попа правильно называть – падре, отец, батюшка – мне не до вас. Давайте, вы пойдете своим путем, а я – своим. Думаю, так будет лучше, и меньше беспокойств».

Старик чуть улыбнулся, но необычайно по-доброму, и сказал: «Дочь моя, иди любым путем, только не в ад через самоубийство! Чтоб ты не выбрала – питье зелья смертного, веревку или камень на шее, все едино, все погибель для души. Вот об этом я тебе и говорил».

Меня зазнобило, именно эти пути расчета с жизнью я и обдумывала. Как мог старик догадаться, что у меня не просто на душе, но в голове? С другой стороны, кто он такой, чтобы пытаться отгадывать мои мысли и настроение, да еще и учить чему-то?

Однако подобные размышления отвлекли меня от проблем семейных, на какое-то время я забыла о них и вступила в разговор со странным стариком.

«Простите, но вы не представились. Как вас зовут?»

– спрашиваю неожиданного собеседника.

«Отец Антоний, вот гощу у ваших матушек, в их общинке. Чай слышали о них?» – мягко отвечает он.

Конечно, я слышала, и даже раз или два видела этих очень пожилых женщин в длинных черных платьях, с какими-то средневековыми черными же головными уборами в окружении более молодых женщин. В поселке говорили, что это монашки со старых времен. И хотя доля уважения к ним существовала, большинство, все же, их побаивалось. Старались стороной обойти загадочный дом со странными обитателями.

«Вот у них и обретаюсь, туда мы сейчас пойдём и поговорим с тобой».

Удивительно, но я безропотно согласилась и побрела к дому монахинь вслед за отцом Антонием.

Потом был долгий разговор и его просьба: «То, что ты задумала, всегда успеешь совершить. Подожди несколько дней, отложи исполнение задуманного. На работе возьми отпуск и с утра сюда, хорошо?»

Я согласилась, целую неделю приходила в общину. Вначале все, что они делали, кроме домашних работ, было для меня «темным лесом». Но беседы с отцом Антонием, с матушками, послушницами, которым я стала помогать, сделали свое дело. Прежде всего, мысль о самоубийстве была уже омерзительна. Открылась дорога в Православие, в чистый мир, живущий исполнением Христова закона любви.

Однажды утром отец Антоний сказал, что допускает меня к Причастию. Спросил, готова ли я принять в себя Тело и Кровь Христовы.

Первый раз, когда я увидела старца, для меня он был просто глубоким стариком, хоть и необычной внешности.

О впечатлении от его взгляда расскажу такой случай: однажды мне пришлось его сопровождать из Верхнедонского к постоянному месту жизни в другой, более северной области. Машину организовать не удалось и ехали электричками, с пересадками. Отец Антоний как всегда в подряснике и рясе, но наперсный крест был скрыт под одеждой: старец считал осквернением его открытое ношение в общественных местах в безбожном обществе. И вот в одной из электричек подвыпивший парень проявил атеистическую ревность и сказал какую-то дерзость в адрес старца. Отец Антоний не проронил ни слова, только чуть привстал и посмотрел на говорившего – тот сник. При выходе, молодой человек попросил прощения.

Пробыв столько времени в общине, видев его по несколько раз в день и общаясь с ним, внешность отошла на второй план. На первом же была сила веры и духа для жизни по ней. Я расплакалась и упала на колени: «Хочу батюшка, но – недостойна, не готова». Вначале он нахмурился – отец Антоний не любил, когда кто-то перед ним становился на колени и запрещал это делать, говоря при этом: «В храм, в храм, к иконам, неси все поклоны Господу, а не мне грешному». Но потом улыбнулся: «Вот и хорошо, что так думаешь, только сам человек во век не подготовит себя без Божьей помощи. Будешь причащаться».

Не забыть мне той службы никогда. Во многих местах бывала, но воспоминание о домашнем храме старушек-схимонахинь со служащим отцом Антонием всегда больше теплит душу. Была исповедь, было причастие, а потом пришло состояние легкости и души, и тела.

Вскоре отец Антоний уехал. Но отсутствие его никогда не было долгим: очень он любил маленькую обитель старых монахинь. Часто говорил так: «Тут вся жизнь – служба Богу, а служба Богу есть жизнь. Напитывайтесь, чада, духа чистоты и святости, пока старицы-схимонахини живы. Уйдут они, все рушиться будет, их молитвой край держится. А уже близки те времена, когда обитель исчезнет. Как град, ушедший в воду от осквернения, так и сие место опустеет».

Страшно это было тогда слышать и удивительно – монахини-старушки еще достаточно крепки, столько послушниц, наконец, от чего дом может разрушиться? Увы, все это пришло через пару десятков лет. Много он говорил о будущем, особенно в последние годы, очень сетовал по поводу падения нравов. Что-то в рассказах его было понятным, что-то – нет, пытались расспросить его, матушек. Удивляло и другое. В семидесятых годах добрая половина тех, кто приезжал к старцу за благословением на священство, выходили от него в приподнятом настроении. В восьмидесятых уже довольным выходил один из десяти. В девяностых, не помню даже, чтоб кто-то оставался удовлетворенным ответом праведника.

Он был очень строг к ставленникам на священство. Однажды одна из послушниц, долгое время подвизавшаяся в обительке, попыталась вступить за племянника. Парень был на первый взгляд не плохой, учился в семинарии, и мы все очень переживали за него. Поэтому, когда старец отказался благословить – стали спрашивать о причине такого решения. Батюшке разговор этот был явно неприятен, но все же коротко он ответил: «Если одна овца целое стадо может испортить, то нерадивый пастырь...» И замолчал.

Мне отец Антоний помог поставить детей на ноги – и духовно, и материально, прося о помощи матушек обители. Своих средств у него не было. Он был абсолютно не сребролюбив и не потому, что поступал так только из желания исполнить заповеди, нет. Ему было чуждо любое материальное попечение о жизни, даже о еде. Он постоянно забывал, что надо есть, хотя иногда и сознательно отказывался даже от весьма убогой трапезы, считая это излишеством. Не любил, когда ему совали деньги в руки, и всячески ограждал себя от этого, предлагая опустить даруемое в общую скриню. В своем кругу он пояснял это так: «Этими руками, – показывая свои руки, говорил он, – я держу крест с изображением Христовым, касаюсь Тела Спасителя. Как же мне в руки брать изображение Его врага?!» При этом он просил развернуть какую-нибудь денежную купюру с изображением очередного идола. Единственными деньгами, которые он при большой необходимости брал в руки, были металлические юбилейные рубли с изображением воина-победителя. Батюшка уважал воинов – защитников Отечества, всегда правил службы за упокой душ погибших, и о здравии оставшихся в живых.

Те пожертвования, которые, особенно в девяностых, стали привозить к нему, по его благословию направлялись на поддержку восстанавливавшихся сельских храмов, священников маленьких приходов, для помощи малоимущим, особенно – вдовам.

Но не каждое пожертвование и было принимаемым. Пришлось быть свидетельницей случая, когда у обители была особенная нужда в деньгах – хотели помочь болящей, ну и другие проблемы. И тут приехали к батюшке на иномарках несколько человек. О чем они говорили с отцом Антонием – не знаю, только выскочили из келии старца приехавшие красными, судорожно засовывая пачки денег в свои сумочки. От других я тоже слышала неоднократно об отказах старца от принятия принесенных ему денег.

Вообще, батюшку уговорить изменить свое решение было невозможно. Если уж он говорил «нет», то «да» не звучало. Не было способов уговорить его. Думаю, что старец очень взвешено формировал свое мнение по какому-либо вопросу, чему способствовал его дар прозорливости. В делах веры он был склонен к абсолютному следованию церковным догмам, а вот в отношениях церковных, приходских отец Антоний все соотносил со словами Апостола: «Бог есть любовь». Когда к нему обращались верующие с жалобами на ближних, а тем более на пастыря, он их увещевал словами Спасителя: «По тому узнают, что вы ученики Мои, если будете иметь любовь между собой».

Смиренный и добрый, он становился гранитом, если дело касалось вопросов принципиальных. Старец мог увещевать грешащего бездомного, исповедать его и отдать нищему все свое. От него же отец Антоний просил одного – бросить безпутную жизнь. Однако он очень чутко чувствовал истинность раскаяния и ложь душевную. Было, что после попытки обмана, приходили, а то и приползали пытавшиеся обмануть его. Несколько раз даже привозили обманщиков – те не могли ходить. Тут уж они действительно каялись. Он не проклинал, чувствуя обман, не накладывал епитимий, он говорил: «Бог нам всем судья, если ты говоришь правду, пусть тебе это пойдет на пользу!». После этого готов был и исподнее снять для исполнения просьбы пришедшего. Это было потрясающе.

Как-то произошел разговор о праведности, об избранности угодников Божиих. Говорили за самоваром, в состоянии расслабленности, может, из-за этого и озвучивались мысли о том, что праведность – это некий дар. Для грешника тоже определена, уготована своя судьба, кому что на роду написано. Едва услышав наши рассуждения, старец сразу стал серьезным, даже чашку с чаем отставил.

«Чада, – сказал он, – так что, и ужасы последних времен, по вашему мнению, Господь попустит по жестокосердию Своему?! Не кощунствуйте, а то вас послушать, так призванные к праведности и так спасутся, а не определенные к чистоте грешники – пускай помучатся? Нет, дорогие, в том-то и суть будущего суда, который мы называем Страшным, что у каждого был выбор, каждый мог спастись. Святая Варвара не мечем ли отца своего была усечена, а Борис и Глеб не от братской ли руки смерть прияли? Одно семя, да плоды разные. Во времена Спасителя, сколько смоковниц росло, но только не плодоносящую Он проклял! Бойтесь уподобиться дереву, не приносящему плода, и не дерзайте испытывать пути Господни».

За столом воцарилась абсолютная тишина, мы поняли, что даже в простом разговоре, который так или иначе есть отображение наших суждений, нужно помнить об истине, о спасении. А старец продолжал.

«Чада, из праздных и пустых слов рождается грех. Словом змий соблазнил Еву, и словом же она привела ко греху Адама. И он также словом оскорбил Бога, когда вместо принесения покаяния обвинил во всем Творца: «Жена, которую Ты мне дал, она соблазнила меня». Но Словом мы и оправданы, искуплены. Мысль грешная страшна, слово – еще пуще, попустил им взрасти – будь уверен, что последует и грех действием».

Кто-то стал тихонько плакать, думаю, все перебирали свои грехи мыслями, словами. Стало грустно, настроение упало, хотелось полного уединения. Отец Антоний почувствовал наш настрой.

«Вы не рюмсайте, а ты, Виталий, подбрось-ка углей в самовар. Говорю вам не с обличением, и не для того, чтоб испугать, но ради предостережения. Каждый знает, что если на дереве образуется гниль, а на металле пятно ржавчины – через время они довершат свою работу. Дерево пропадет, и изделие из металла потеряет прежние качества. Вот только мы не думаем, что мысли греховные – та же гниль и та же ржавчина, уничтожающие даже то, что было добротным. Эта невнимательность себе и приведет к приходу антихристову, к готовности шествовать на поклон воплощению зла. А сейчас, пейте чай, и не обижайтесь на старика, который за вас переживает. Я не доживу, а вам все терпеть придется!».

«Батюшка, – не выдерживаю я, – так кто же сможет оправдаться? Каждый ведь и едва ли не ежесекундно, по крайней мере, грешит мыслями. Что, не имеет смысла и думать о спасении, если все так сложно?!»

«А ни кто и не сможет оправдаться, – спокойно отвечал отец Антоний. – Не читали разве слов Спасителя, что не оправдится всяк живой? Вот и верьте Ему, верьте детской верой, не допускающей сомнений. Но при этом следует стремиться к праведности, к чистоте души. Как сказал великий Иоанн, святитель Константиноградский, принеси все свое, а чего уж не хватит, то Господь восполнит. Но что-то надо принести, не с пустой же сумой идти на суд Христов. И Сам Искупитель говорил, что у неимущего отыметя, а имущему – добавится. Вот и ответ на твое недоразумение».

«Простите, батюшка, – настаиваю я, – вы сейчас говорили о полном конце, о Страшном суде, но как же с последними временами, с периодом владычества антихриста. Если человек не может сам достичь полной чистоты и праведности, как тогда устоять, не поддаться на искушения, сохранить себя?».

«То же тебе и повторю. Сейчас уже надо себя готовить, не прельщаться прелестями бесовскими. Давай пойдём к тебе в дом – сколько там вещей, которыми ты никогда не пользовалась и вряд ли воспользуешься? Так, или нет?».

«Конечно, что-то есть, для красоты может...» – отвечаю старцу.

«В чем красота их? В чесании твоего тщеславия, что я живу не хуже, чем прочие? Нет, чадо, великий царь, имевший все, что может только пожелать растленный грехом разум человеческий, в конце жизни сказал: «Суета сует». А посмотри на жилье праведников – ни чего для утехы глаз, все для воспоминания суда Божьего.

Вот с этого и начинать следует. Внешние подвиги вместе с желанием спастись приведут к строгости жизни, к постоянному слежению и за мыслями, и за поступками своими. Позволь плоти хоть на миг повластвовать над собой – не обуздаешь. Поэтому все сейчас, а особенно в будущем, будет направлено на то, чтобы человек не смог отказать плоти в ее прихотях. Везде соблазн, всюду искушение. Вот от этого и отрешаться надо. Вездесущий Господь поможет, только стремись. А случилось что-то, не пытайся оправдываться – кайся, что попала в сети бесовские».

Наставления старца так успокаивали душу, привносили мир в нее, что казалось – так должно быть всегда. Увы, он отошел ко Господу.

Митрофорный протоиерей от. В.

Как и каждому, мне много раз приходилось слышать о старцах, о появлении какого-нибудь очередного прозорливца и чудотворца. С отцами мы собирались и ехали «на прием», но, как правило, обнаруживали ханжество, духовную безграмотность, иногда – откровенное шарлатанство и мошенничество. Был случай, когда «старец» оказался просто бесноватым. Хотя иногда и происходили случаи соприкосновения с истинной праведностью, православием чистой незамутненной воды апостольских времен.

Рассказы об отце Антонии расходились как-то своеобразно – медленно и спокойно. Но разговоров становилось все больше: передавались части видения старца, спорили о необходимости категоричного отказа от благ цивилизации, к которому призывал он. И мы решили ехать.

Ждали мы отца Антония долго – то батюшка отсутствовал, то нам недосуг. А отлучался он довольно часто – любил тихие обители, скиты и, особенно, посещение остававшихся еще в живых довоенных священников и монахов. Потом старец скажет, что в кругу своих ровесников, переживших страшное лихолетье коммунистического наваждения, ему понятнее происшедшее и ощутимее будущее. В монашестве же он ценил преемственность духа, навыков спасения, с большим сомнением относился к монастырям со славным прошлым, но не имевшим приемственных старцев для научения новоначальных иноков.

Но вот встреча состоялась. Приехали мы испытывающими, и старец сразу понял цель нашего визита, при этом даже намеком не выразил своего неприятия. Мы говорили о прошлом и будущем Руси, где-то он чуть подсмеивался над нашими взглядами, но все очень по-доброму, по-отечески назидательно.

Что говорить, впечатление было необыкновенным, сродни, вероятно, тому, что может ощутить человек, нашедший золото вместо выкапываемого им картофеля. Мы общались

со старцем, для которого внешний мир, казалось бы, и не существовал – он не видел его, не хотел видеть всех тех изъянов, которые были грехом привнесены в сотворенное Богом. И не просто не видел, но и всех призывал следовать одному – внимать себе. Даже малейшее заострение внимания на проблемах сегодня было для него абсолютно неприятным – старец начинал молиться с закрытыми глазами, казалось, что он спит.

Приехали мы, как я уже говорил, достаточно большой группой духовенства, были с нами и молодые батюшки с маленьких приходов. Их волновал, по большей части, один общий вопрос: «Как спасение в последнее время увязать с общепринятой в церкви системой «поклонов» священноначалию за награды, за приходы и прочее. Кто тут прав?». Старца вопросы эти не смутили, и он спокойно отвечал: «Поступайте, отцы святии, так, как велят правила. Не столько тот грешит, кому вы носите, сколько вы – искушая его и осуждая после очередного «поклона». Зачем вам чужие грехи, да еще и святительские?! Ты сотворяешь, ты грессишь, вот и борись со своим грехом. А вспомоществованием Господним победишь его – еще и кому-то из немощных поможешь. Себя спасай от греха, своим негорздам внимай, и зачем тебе все остальное.

Кой толк для человека, видящего грязь на теле ближнего своего и кричащего об этом, но при этом обходящего баню за три версты? Отмойся сам, упроси Бога убелить свою душу, как вовну, тогда если и увидишь грех – то только состраждешь брату своему, но не осудишь. Преподобный Сергей какой благодатью облечен был, но креста золотого не принял, даже от патриарха Иерусалимского. Не побрезговал, а просто не принял, чуждо было злато это праведнику. Но и не осудил при том. От священноначалия отказался, от великого апостольского сана святительского из рук праведника же. Отказался, но не осудил, не стал перебирать возможные грехопадения на этом поприще, но тек в свою пустыню. Поступай также – спасешься!».

Нас, священников в возрасте, больше волновал вопрос о последних временах, возможности спасения в этот период. Первым заговорил со старцем пожилой протоиерей. Отец Антоний ответил ему коротко: «Ты, отче, не доживешь. Поэтому не пекись о будущем, думай о настоящем, больше пользы будет. Нельзя мечтать о длительности жизни, это все прилоги бесовские. Надо всегда ожидать, что именно сегодня ты предстанешь перед судом Божиим, тогда и результат будет.

Любому же священнику стоит помнить слова великого старца, что и пылинка, украденная из алтаря, будет обличением на суде Христовом. Пыль, тем паче, неправедные деньги и поборы вне правил церковных. Увлекся одним – жди и другого падения. Все будет завлекать в ад: и деньги, и машины, и удобства жизни, все, ибо люди станут просто неистово злоупотреблять всем этим. Чем лучше будет сейчас, тем хуже будет потом, после смерти. Вот и выбирай, чего хочешь, что твоей душе милее: то ли призрачная сиюминутная услада сытой жизни на земле, то ли вечное блаженство в царствии небесном. Но главное – не распудить доверенное стадо, наоборот, преумножить и увеличить его. Так вот, отцы святии».

Долго еще шел разговор, много задавалось вопросов отцу Антонию, каждый из них не оставался без ответа. Мы понимали, что старец устал, что пора бы и честь знать, прощаться, только делать этого не хотелось – так велико было обаяние его личности. Кроме пророчеств о конце света, говорил он вещи достаточно обычные, знакомые. Только из его уст звучало все это несколько иначе, слова наполнялись особым смыслом.

Наконец, все поднялись и стали прощаться. Возвращаясь по домам, мы молчали, не обсуждая, как обычно, результат поездки. Все и так было предельно ясным – Господь сподобил нас встречи с праведником.

Бог есть любовь... (Ин. 4,16)

Преп. Максим Исповедник и его «Главы о любви»

Минуты расставания с близкими, кто их не переживал? Хочется сказать самое главное. А если разлука предстоит с детьми, то дать самые важные наставления, наставления о том, как не погубить жизнь свою.

Тайная Вечеря, последние часы перед Голгофой. И Христос, зная о предстоящей разлуке, наставляет учеников о сохранении жизни, но не земной – вечной. Он уже не облакает поучения в форму притч, нет. Ведь обращения Его не к рабам, но к друзьям, чадам, которым все открыто. О чем Он говорит? О любви. Он дает ученикам, а через них всему миру, единственную заповедь, о которой потом Апостол скажет, что это «закон царский» (Иак. 2, 8) – «Да любите друг друга!» (Ин. 15, 34). Одна заповедь и один признак сопричастности Христу: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 15, 34). Любовь – кажется, так все просто. Но простота эта кажущаяся, не даром Апостол Павел называет любовь «совокупностью совершенств» (Кол. 3, 14), и дорога к стяжанию этой совокупности и сбережению ее узка и терниста. Длина ее – длина жизни.

Преп. Максим Исповедник прошел этим путем. И не только прошел сам, но и оставил наставления для христиан будущих веков о том, как практически стяжать совершенства духовные.

Преп. Максим уже в детстве высказывает большое стремление к наукам и к юношескому возрасту становится блестяще образованным человеком. О нем говорят при Константинопольском дворе. И вскоре он становится личным секретарем императора Ираклия. Молниеносная карьера, открывавшая перспективу спокойной и сытой жизни чиновника самого высокого ранга. Но уже тогда его все больше влечет к любомудрию – стяжанию духовного опыта, делательному велению Бога. Молодой человек оставляет императорский дворец и уходит в монастырь. Потом, как бы объясняя это, преподобный скажет: «Любящий Бога предпочитает ведение Бога всему сотворенному Им... (преп. Максим Исп. Главы о любви. Сотница 1, слово 4, в дальн. - 1,4).

Молодой монах стремится к уединению, созерцательному подвижничеству. Но Церковь захлестывают мутные волны ересей – монофизитство, монофелитство... И преподобный Максим выступает на защиту Православия. Благодаря потрясающей образованности, дару слова и личным добродетелям, он оказывается в самом водовороте этой борьбы за чистоту веры. Вся жизнь – изгнание.

Будет церковный суд и обвинения во всем – «оригенизме», «манихействе», даже в язычестве. А он пишет о любви... Нет, он не пишет, он поет гимн любви: «Когда влечением любви ум возносится к Богу, тогда он совершенно не чувствует ни самого себя, ни чего-либо из сущих. Озаряемый божественным безпредельным Светом, он перестает ощущать все тварное подобно тому, как и чувственное око перестает видеть звезды, когда восходит солнце». (1, 10). Сами гонения и хуления он воспринимает как благо – возможность совершенствования. «Верующий Господу боится вечного наказания, боящийся наказания воздерживается от страстей; воздерживающийся от страстей терпеливо переносит скорби;

терпеливо переносящий скорби возымеет упование на Бога; упование на Бога отрешает ум от земного пристрастия, а отрешенный от этого ум возымеет любовь к Богу». (1,3).

Гонимый, оскорбляемый и оклеветанный едва ли не всем миром, преподобный доказывает гонителям в том числе о необходимости стяжания любви: «...Истина ныне существует в тенях и подобиях».

Стоит вернуться и обратить внимание на такие слова преподобного: «Верующий Господу...» (1,3). Не верующий в Бога, в Сущего, но верующий Богу. На первый взгляд, это понятия, несущие идентичный смысл. Но так ли это? Конечно, нет. И бесы веруют и трепещут, но не спасаются, не исполняют заповедей Господних, суть закона, по которому сотворен мир. Нужно верить Богу, верить в то, что Он заповедал: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга» (Ин. 15, 12). И преподобный объясняет, как к этому прийти: «Разумное употребление мыслей и вещей творит целомудрие, любовь и ведение, а неразумное – распущенность, ненависть и неведение». (3, 1). «Не пища зло, но чревоугодие; не деторождение, а блуд; не материальные блага, а сребролюбие; не слава, а тщеславие». (3, 4).

«Любовь к Богу противостоит похоти, ибо убеждает ум воздерживаться от наслаждений. Любовь к ближнему противостоит гневу, ибо вызывает презрение к богатству и славе». (4, 75). «Старайся, насколько возможно, полюбить всякого человека. Но если это невозможно, то старайтесь, по крайней мере, не ненавидеть никого. Однако и этого не сможешь сделать, если не презришь мирских вещей» (4, 82).

И тут стоит остановиться и особо подчеркнуть, что речь не идет о возвращении буквальной ненависти к окружающему миру, вещам, нас окружающим, как к носителю зла. Нет! Мир сотворен Любовью. Бог сказал, что он хорош. Преп. Максим Исповедник особый акцент делает на том, что «Ничто из сотворенного и приведенного в бытие Богом не является злом... В сущих нет никакого зла: оно – лишь в злоупотреблении вещами» (3, 3 - 4). Т. е. тот, кто ищет оправдания своим злым поступкам, отсутствию в себе любви тем, что в сущем изначально наличествует зло, т. е. природе свойственно зло, либо в неведении, либо – безумен. «Зло – лишь в злоупотреблении вещами, которое происходит от небрежения ума о естественном возделывании сил души!» (3, 4).

И «пороки приключаются с нами вследствие злоупотребления силами души: желательной, яростной и разумной. Злоупотребление разумной силой есть невежество и безрассудность, яростной и желательной – ненависть и распущенность» (3,3). Соответственно, и «вся цель заповедей Спасителя состоит в том, чтобы освободить ум от невоздержанности и ненависти и возвести его до любви к Самому Спасителю и к ближнему. От этой любви и рождается сияние святого ведения во всей его осуществленности» (456).

Пророчества старца Антония согласуются с предсказаниями святых отцов.

Преп. Анатолий Оптинский

Чадое мое, знай, что в последние дни, как говорит Апостол, наступят времена тяжкие (2 Тим. 3,1-6). И вот, вследствие оскудения благочестия, пойдут в Церкви ереси и расколы, и не будет тогда, как предсказывали Св. Отцы, на престолах святительских и в монастырях людей опытных и искусных в духовной брани. От этого ереси будут распространяться всюду и прельщать многих. Враг рода человеческого действовать будет с хитростью, чтобы склонить к ереси и избранных. Он не станет грубо отвергать догматы о Святой Троице, о Божестве Иисуса Христа, о Богородице, а незаметно станет искажать переданное Св.

Отцами и от Святого Духа учение Церкви, сами его дух и уставы, и эти ухищрения врага заметят только немногие, наиболее искусные в духовной жизни. Еретики возьмут власть над церковью, всюду будут ставить своих слуг, и благочестие будет в пренебрежении. Но Господь не оставит Своих рабов без защиты и в неведении. Он сказал: «По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16). Вот и ты по действиям еретиков старайся отличить их от истинных пастырей. Это – духовные тати, расхищающие духовное стадо, и войдут они во двор овчий – Церковь «перелезая инуде», как сказал Господь, то есть войдут путем незаконным, употребляя насилие и попирая Божии уставы. Господь именует их разбойниками (Ин. 10,1). Действительно, первым шагом их будет гонение на истинных пастырей, заточение их, ссылка, ибо без этого нельзя им расхитить овец. Посему, сын мой, когда увидишь разрушение Божественного чина Церкви, отеческого предания и установленного Богом порядка, знай, что еретики уже появились, хотя, может быть, и будут по временам скрывать свое нечестие и будут искажать веру незаметно, чтобы еще более успеть, прельщая и завлекая неопытных в сети. Гонение будет не только на пастырей, но и на всех рабов Божиих, ибо бес, руководящий ересью, не терпит благочестия. Узнавай сих волков в овечьей шкуре по их горделивому нраву, сластолюбию и властолюбию: это будут и клеветники, и предатели, сеющие вражду и злобу. Истинные рабы Божий смиренны, братолюбивы и Церкви послушны. Большое притеснение будет от еретиков и монахам. И монашеская жизнь будет тогда в поношении: оскудеют обители, сократятся иноки, а те, которые останутся, будут терпеть насилие. Однако, ненавистники монашеской жизни, имеющие только вид благочестия, будут стараться склонить иноков на свою сторону, обещая им покровительство и житейские блага, непокорным угрожая изгнанием. От сих угроз будет у малодушных тогда большое уныние, но ты, сын мой, если доживешь до этого времени, радуйся, ибо тогда право верующие, но не показавшие других добродетелей, будут получать венцы за одно стояние в вере, по слову Господа: «Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10, 32, 33). Бойся Господа Бога, сын мой, бойся потерять уготованный венец, бойся быть отторгнутым от Христа во тьму кромешную и муку вечную. Мужественно стой в вере Православия и, если нужно, с радостью терпи изгнание и другие скорби, ибо с тобою будет Господь и святые Мученики и Исповедники: они с радостью будут взирать на твой подвиг. Но горе будет в те дни монахам, кои обзавелись имуществом и богатством, и, ради любви к покою, готовы будут подчиниться еретикам. Они будут усыплять свою совесть, говоря: «Если мы охраним и спасем обитель, Господь нас простит».

Несчастливые и ослепленные не помышляют о том, что с ересью войдет в обитель бес, и будет она тогда уже не святой обителью, а простыми стенами, откуда отступит благодать. Но Бог сильнее врага и никогда не покинет Своих рабов. И истинные монастыри будут пребывать до скончания века, только избирать будут для этого пустынные и уединённые места. Не бойся же скорбей, а бойся пагубной ереси, ибо она обнажит человека от благодати и разлучит со Христом, потому повелел Господь считать еретика за язычника и мытаря (Мф. 16, 17). Итак, укрепляйся, сын мой, в благодати Иисусом Христом, с радостью спеши к подвигам исповедничества и переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа (2 Тим. 2, 1.2), рекшего: «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откр. 2,10). Ему же со Отцем и Святым Духом Честь, Слава и Держава во веки веков.

Преп. иеросхимонах Серафим Вырицкий (+ 1949 г.)

«Придет такое время, когда будет в России духовный рассвет. Откроются многие храмы и монастыри, даже иноверцы будут к нам приезжать креститься. Но это не надолго – лет на пятнадцать, потом придет антихрист. Когда Восток наберет силу, все станет неустойчивым. Наступит время, когда Россию станут раздирать на части. Сначала ее

поделят, а потом начнут грабить богатства. Запад будет всячески способствовать разрушению России и отдаст до времени восточную ее часть Китаю. Дальний Восток будут прибирать к рукам японцы, а Сибирь – китайцы, которые станут переселяться в Россию, жениться на русских и в конце концов хитростью и коварством возьмут территорию Сибири до Урала. Когда же Китай пожелает пойти дальше, запад воспротивится и не позволит. Многие страны ополчатся на Россию, но она выстоит, утратив большую часть своих земель. Эта война, о которой повествует Священное Писание и говорят пророки, станет причиной объединения человечества. Иерусалим станет столицей Израиля, а со временем он должен стать и столицей мира. Люди поймут, что невозможно так жить дальше, иначе все живое погибнет, и выберут единое правительство – это будет преддверие воцарения антихриста. Потом начнутся гонения на христиан; когда будут вглубь России уходить эшелоны из городов, надо спешить попасть в число первых, так как многие из тех, кто останутся, погибнут. Наступает царство лжи и зла. Будет так тяжело, так плохо, так страшно, что не дай Бог дожить до этого времени... Придет время, когда не гонения, а деньги и прелести мира сего отвратят людей от Бога, и погибнет куда больше душ, чем во время открытого богоборчества. С одной стороны, будут воздвигать кресты и золотить купола, а с другой – настанет царство лжи и зла. Истинная Церковь всегда будет гонима, а спастись можно будет только скорбями и болезнями, гонения же будут принимать самый изощренный, непредсказуемый характер. Страшно будет дожить до этих времен».

Очень любил старец молодежь. В то время молодые люди почти не ходили в церковь, и он так радовался, когда они приходили к нему. Старец говорил об огромной роли молодых в будущем возрождении Церкви. Он говорил, что наступят времена (и уже наступают!), когда развращение и упадок нравов молодых достигнет последних пределов. Почти не останется нерастленных. Они будут считать, что все им дозволено для удовлетворения прихотей и похотей, ибо будут видеть свою безнаказанность. Станут собираться в компании, банды, будут воровать, развратничать. Но наступит время, когда будет глас Божий, когда поймет молодежь, что так жить дальше невозможно, и пойдут к вере разными путями, усилится тяга к подвижничеству. Те, кто были до того грешниками, пьяницами, наполнят храмы, почувствуют великую тягу к духовной жизни, многие из них станут монахами, откроются монастыри, церкви будут полны верующих – и большинство будет молодежь. И тогда пойдут молодые в паломничества по святым местам – славное будет время! То, что сейчас грешат – так горячее каяться будут. Как свеча перед тем, как погаснуть, ярко вспыхивает, озаряя все последним светом, так и жизнь Церкви. И это время близко.

Преп. Лаврентий Черниговский

«Русские люди будут каяться в смертных грехах, что пустили иудейскому нечестию в России, не защитили помазанника Божия Царя, церкви православные и монастыри, сонм мучеников и исповедников святых и все русское святое, презрели благочестие и возлюбили бесовское нечестие.»

Стяжавший обильно Всесвятого Духа Божия, Старец Лаврентий часто беседовал со своими чадами о последних временах, предупреждал, что нужно быть бдительными и осторожными, так как антихрист близко.

Батюшка говорил: «Вот сейчас голосуем, то левой рукой брось – это ничего, да еще не за одного во всем мире. А если будут голосовать за одного – это уже он самый, и голосовать нельзя».

Говорил Преподобный, что такая будет война всемирная, что никто нигде не останется, разве только в ущелье.

И будут драться, и останутся два или три государства, и решат: «Давайте изберем одного царя на всю вселенную». И изберут.

И в последние времена истинные христиане будут ссылаться, а старые и немощные пусть хоть за колеса хватаются, а бегут вслед за ними.

О грядущем антихристе просвященный Святым Духом Старец говорил такие слова: «Будет время, когда будут ходить подписывать за одного царя на земле. И будут строго переписывать людей. Зайдут в дом, а там – муж, жена, дети. И вот жена станет уговаривать супруга:

«Давай подпишемся, у нас дети, ведь ничего же не купишь для них». А муж скажет: «Ты как хочешь, а я готов умереть, но за антихриста подписывать не буду». Такая трогательная картина будущего.

«Придет время, – говорил преподобный Лаврентий, – когда и недействующие (закрытые) храмы будут восстанавливать, оборудовать не только снаружи, но и внутри. Купола будут золотить, как храмов, так и колоколен. А когда закончат все, наступит то время, когда воцарится антихрист. Молитесь, чтобы Господь продолжил нам еще это время для укрепления, потому что страшное ожидает нас время. И видите, как все коварно готовится? Все храмы будут в величайшем благолепии, как никогда, а ходить в те храмы нельзя будет.

Антихрист будет короноваться как царь в Иерусалимском великолепном храме.

Будет свободный въезд и выезд из Иерусалима для всякого человека. Но тогда старайтесь не ездить, потому что все будет сделано, чтобы прельстить.

Антихрист будет происходить от блудной девы-еврейки двенадцатого колена блудодеяния. Уже отроком он будет очень способным и умным, а особенно с тех пор, когда он, будучи мальчиком лет двенадцати, гуляя с матерью по саду, встретится с сатаной, который выйдя из самой бездны, войдет в него.

Мальчик вздрогнет от испуга, а сатана скажет: «Не бойся, я буду помогать тебе». И из этого отрока созреет в образе человеческого антихрист.

Сойдут с Неба пророки Енох и Илия, которые также будут всем говорить, что пришел антихрист: «Это антихрист, не верьте ему». И он умертвит пророков, но они воскреснут и вознесутся на Небо.

Антихрист будет обучен всем сатанинским хитростям и будет давать знамения ложные. Его будет слышать и видеть весь мир одновременно. Святой Угодник Божий говорил: «Блажен и треблажен тот человек, который не пожелает и не будет видеть богомерзкого лица антихриста. Кто будет видеть и слышать его богохульную речь, его обещания всех земных благ, тот прельстится и пойдет ему навстречу с поклонением. И вместе с ним погибнет и будет гореть в вечном огне».

Они же спросили Старца: «Как все сие будет?» Святой Старец ответил со слезами: «На святом месте будет стоять мерзость запустения и показывать скверных обольстителей

мира, и они будут обманывать людей, отступивших от Бога, и творить ложные чудеса. И после них явится антихрист и весь мир увидит его однократно». Отцы спросили Святого:

«Где на святом месте? В церкви?» Преподобный ответил: «Не в церкви, а в каждом доме. В углу, где стоят и висят сейчас «святые иконы, будут стоять обольстительные прилады для прельщения людей. Многие скажут: «Нам нужно смотреть и слушать новости». Вот в новостях-то и явится антихрист».

«Он своих людей будет «штамповать» печатями. Будет ненавидеть христиан. Начнутся последние гонения на душу христианскую, которая откажется от печати сатаны... Ничего нельзя будет ни купить, ни продать христианину. Но не унывайте: Господь своих чад не оставит... Бояться не нужно! Церкви будут, но христианину православному в них нельзя будет ходить, так как там не будет приноситься Бескровная Жертва Иисуса Христа, а там будет все «сатанинское» сборище...

Еще раз повторяю, что ходить в те храмы нельзя будет, благодати в них не будет.

Христиан будут умерщвлять или ссылать в пустынные места. Но Господь будет помогать и питать Своих последователей.

Евреев также будут сгонять в одно место. Некоторые евреи, которые истинно жили по Закону Моисея, не примут печати антихриста. Они будут выжидать, присматриваться к его делам. Они знают, что их предки не признали Христа за Мессию, и здесь так Бог даст, что глаза их откроются и они не примут печати сатаны, а признают Христа и будут царствовать со Христом.

А весь слабый народ пойдет за сатаной, и когда земля не даст урожая, люди придут к нему с просьбой дать хлеба, а он ответит: «Земля не родит хлеба. Я ничего не могу сделать».

Воды также не будет, все реки и озера высохнут. Это бедствие будет длиться три с половиной года, но ради избранных Своих Господь сократит те дни. В те дни еще будут сильные борцы, столпы Православия, которые будут под сильным воздействием сердечной Иисусовой молитвы. И Господь будет покрывать Своей Всемогущей Благодатию, и они не будут видеть тех ложных знамений, которые будут приготовлены для всех людей.

Из Вас чада мои многие доживут до этого страшного времени». Одна сестра, слушая эту беседу, спросила: «Как быть? Не хотелось бы дожить до этого времени!» «А ты молодая, можешь дождаться», – сказал Старец. «Как страшно!» – «А ты выбирай одно из двух: или земное, или небесное».

«Будет война, – продолжал Батюшка, – и где она пройдет, там людей не будет. А перед этим Господь слабым людям пошлет небольшие болезни, и они умрут. А при антихристе смерти не будет. И война третья Всемирная уже будет не для покаяния, а для истребления».

«Ремонты храмов будут продолжаться до самого пришествия антихриста, и везде будет благолепие небывалое, – говорил Старец. – А вы для нашей церкви в ремонте будьте умеренны, в ее наружном виде. Больше молитесь, ходите в церковь пока есть возможность, особенно на Литургию, на которой приноситься Бескровная Жертва за грехи всего мира. Почаще исповедуйтесь и причащайтесь Тела и Крови Христовой и вас Господь укрепит.»

Одному диакону, который еще жив, но уже стар. Батюшка прямо сказал: «Ты доживешь до времени, когда будет антихрист, не бойся, а говори всем, что это «он», и не нужно бояться!»

(1948): «Игуменья Домницкая с двумя келейницами (1923 г. рожд.) зашли к Батюшке на чай, а он за обедом сказал:

«Мы с тобой, матушка, не доживем до антихриста, а эти (указал на племянниц) доживут»».

Наветы лукавого и лжеучения на Руси исчезнут, а будет Единая Церковь Православная.

Преподобный Лаврентий говорил настойчиво и строго, с предупреждением, что наше родное слово Русь и русский. И обязательно нужно знать, помнить и не забывать, что было Крещение Руси, а не крещение Украины. Киев – это второй Иерусалим и мать русских городов.

В Польше была тайная иудейская столица. Иудеи понуждали поляков завоевывать Русь. Когда поляки завоевали часть Руси, то отдали иудеям в аренду православные монастыри и церкви. Священники и православные люди не могли без их разрешения совершать никаких треб. Теснили и притесняли православных со всех сторон, покровительствуя Польше, католичеству и унии.

Иудеям очень не нравились слова: Русь и русский, поэтому назвали сначала завоеванные поляками и отданные им в аренду русские земли Малороссия. Потом опомнились, что здесь есть слово Рос, и назвали Окраиной. Слово окраина – это позорное и унижительное слово! Какая окраина? Чего, почему окраина?! Ведь за этой мнимой иудо-польской окраиной находятся другие страны и государства. И позже по их же указке поляки узаконили нам понятия Украина и украинцы, чтобы мы охотно забыли свое название русский, навсегда оторвались от Святой и Православной Руси.

Преподобный Феодосий, игумен Киево-Печерский

Старец писал, чтобы мы не хвалили чужую веру и ни в коем случае не соединялись с католиками и не оставляли Православную Веру. Близкие по духу великие Архиепископы Лазарь Баранович, Святитель Феодосий Черниговский и Святитель Иоанн, Митрополит Тобольский, - они всеми силами старались по слову Господа Иисуса: «Да вси будут едино», быть с Православной Россией, чтобы вместе составить Святую Русь и чтобы навсегда освободиться от польского владычества и от гнета иудеев и их аренды и избавиться от чуждого нам католичества и унии душепагубной, введенной и насажденной угрозами, пытками, насилием и смертью. И еще Батюшка сказал: «Как нельзя разделить Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа, это Един Бог, так нельзя разделять Россию, Украину и Белоруссию. Это вместе Святая Русь. Знайте, помните и не забывайте.

Россия вместе со всеми славянскими народами и землями составит могучее Царство. Окормлять его будет Царь Православный, Божий Помазанник. Царь будет от Бога.

Нужно твердо знать, что Россия – жребий Царицы Небесной, и Она о ней заботится и ходатайствует о ней сугубо. И надо помнить что Един Бог, едина вера и едино крещение.

Господь Иисус Христос создал одну Церковь (а не церкви), которую не одолеют и врата адавы. Одна только Церковь Православная Святая, Соборная и Апостольская. Другие, называющие себя церквами, не церкви, а плевелы диавола среди пшеницы и скопища диавола.

Нам, православным, ничего не надо, а только Православной Веры, спасения души и получения Царствия Небесного, а у нашей Матери Святой Православной Церкви все это есть. Благодарение Господу! И откалываться, и отходить от нее – величайший и непростительный грех и в сей жизни, и в будущей – это хула на Духа Святаго.

И Батюшка озарился светом неземным, окончив свою беседу словами: «Слыши и виждь!» – так Святое Евангелие гласит, – и добавил: – «Будут глухи и слепы!»

Преп. Нил Мироточивый

...Итак, когда антихрист будет налагать печать свою на людей, сердца их будут делаться как бы мертвыми.

И тогда, то есть во время того предреченного бедствия, антихрист начнет запечатлевать людей своей печатью якобы для того, чтобы знаменем сим спасать их от бедствия, ибо имеющим печать, согласно Апокалипсису (Откр. 13, 17), будет продаваться хлеб. Многие будут умирать на дорогах. Люди сделаются как хищные птицы, набрасывающиеся на падаль, будут пожирать тела мертвых. Но какие люди будут пожирать тела мертвых?

Те, которые запечатлены печатью антихриста; христиане, хотя им не будет ни выдаваться, ни продаваться хлеб за неимением ими на себе печати, не станут есть трупы; запечатленные же, несмотря на доступность им хлеба, станут пожирать мертвецов.

Когда же проклятая слава увидит Еноха и Илию, проповедующих и говорящих людям, чтобы не принимали печати антихриста, то повелит схватить их. Они же будут убеждать людей не принимать печати, будут говорить, что кто явит терпение и не запечатлется ею, тот спасется и Бог непременно примет его в Рай ради одного того, что он не принял печати. И да знаменуется каждый честным крестом, творя знамение креста на всякий час, ибо печать крестная освобождает человека от муки адской; печать же антихриста приводит человека в муку адскую.

Если алчете и требуете еды, малое время потерпите, и Бог, увидав терпение ваше, пошлет вам помощь свыше; вы оживотворитесь (живонасытитесь) помощью Бога Вышнего. Если же не окажете терпения, будете печататься печатью сего нечистого царя, то потом раскаетесь в этом.

Тот, кто запечатлевается печатью антихриста, становится демоном; хотя утверждает, что якобы не чувствует ни алчбы, ни жажды, однако алчет и жаждет еще больше, и не только больше, но в семь раз больше вас. Потерпите только малое время. Не видите разве, что тот, кто принимает печать антихриста, не будет жить (то есть духом мертв и ожидает его вечная мука)? Ужели вы также желаете погибнуть с печатью в муке вечной, чтобы там быть с теми, которые запечатлелись ею, – «идеже плач и скрежет зубов»? И иными многими увещаниями будут проповедовать людям Енох и Илия.

Услышит антихрист, что проповедуют два человека, называющие его льстецом, чародеем, обманщиком и коварным диаволом; услышав это, разгневавшись, повелит их схватить, привести к себе и обратится к ним с льстивыми словами.

И ответит Илия: «Царство твое презираем, а славу твою проклинаяем вместе с печатью твоей». Услышав такой презрительный ответ, антихрист сделается как бешеный пес и собственными руками убьет их.

Преп. Аверсий Оптинский (+ 1891 г.)

«Наступит время когда верные чада Церкви будут скрываться в пещерах, и только молитвы Божией Матери возымеют власть спасать людей от преследований и смут». (Особенно важно будет читать Архангельское приветствие «Богородице Дево радуйся...» – это та духовная «канавка», которую антихрист не перепрыгнет, то есть не обольстит душу, покрываемую молитвами Божией Матери. – Сост.)

Преп. Варсонофий Оптинский (+ 1913 г.)

«Многие из свв. Отцов толкуют, что «мерзость запустения», реченная пророком Даниилом, «стоящая на месте святе», будет храм еврейский, построенный на месте древнего Иерусалимского храма, в котором проповедовал Спаситель. В этом храме, который будет построен при пришествии антихриста, сядет на престоле сам антихрист. Тогда исполнится пророчество пророка Даниила...»

Затем Батюшка (Преподобный) говорил про евреев, про Китай и про то, что все идет против России, вернее сказать, против Церкви Христовой, ибо русский народ – богоносец. В нем хранится истинная вера Христова.

«Правда в Церкви у нас теперь нет живых источников пророчеств, но знамения времени есть, которые и даны нам для познания времени и которые ясно видны имеющим духовный разум. Смотрите, например, на евреев, какое к ним отношение. 50 лет тому назад евреи молчали, их не было слышно. В Пруссии, не то в Австрии, еврея всякий мог без всякого наказания обидеть, даже убить. Я не говорю, что это законно или хорошо, я хочу только сказать, насколько бессильны и ничтожны были они... И вдруг они приобрели славу и силу. Не знамение ли это времени? Ведь они существовать начали не вчера, не 50 лет тому назад, а несколько тысячелетий. Они были отвержены со времени Распятого Христа и Его Воскресения – и почему они не могли приобрести такой силы в десятки столетий, какую приобрели в столь короткое время? Не знамение ли это времени? Всюду упадок, разложение. Антихрист явно идет в мир».

«Тот, кто будет читать Апокалипсис перед концом мира, будет поистине блажен, ибо будет понимать то, что совершается. А понимая, будет готовить себя. Читая, он будет видеть в событиях, описанных в Апокалипсисе, те или другие современные ему события».

Преп. Нектарий Оптинский (+1928г.)

Иеромонах Нектарий (Тихонов + 29 апреля 1928) Оптинский на вопрос «Будет ли соединение Церквей?» – ответил:

«Нет, это мог бы сделать только Вселенский Собор, но Собора больше не будет. Было 7 Соборов, как 7 Таинств, 7 Даров Святаго Духа. Для нашего века полнота числа 7. Число будущего века 8. К нашей Церкви будут присоединяться только отдельные личности».

«Наступает время молитв. Во время работы говори Иисусову молитву. Сначала губами, потом умом, потом она сама перейдет в сердце.»

Молитва, составленная старцем Нектарием: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, грядый судити живых и мертвых, помилуй нас грешных, прости грехопадения всей нашей жизни, и ими же веси судьбами сокрый нас от лица антихриста в сокровенной пустыне спасения Твоего».

«Над человечеством нависло предчувствие социальных катастроф. Все это чувствуют инстинктом, как муравьи... Но верные могут не бояться: их оградит Благодать. В последнее время будет с верными то же, что было с апостолами перед Успением Богоматери. Каждый верный, где бы он ни служил, – на облаке будет перенесен в одно место. Ковчег – Церковь. Только те, кто будут в ней, спасутся».

(27.1.1923): «Те, кто останутся верными Православной Церкви, где бы они ни были разбросаны. Господь всех соберет вместе, как апостолов при Успении Богоматери».

Святитель Игнатий Брянчанинов (+ 1867г.)

«Лицемерие антихриста в этот период дойдет до того, что он даже в отношении к христианам не только не покажет себя противником их, но выступит даже с готовностью своего покровительства им. Своей внешней показной стороной жизни, он будет стараться подражать Христу. Большинство христиан, руководствующиеся не духовным разумом Церкви, а плотской мудростью, не увидят этого обмана и признают антихриста Христом, вторично пришедшим на землю... Испытания для Святых Божиих настанет страшное: лукавство, лицемерство, чудеса гонителя будут усиливаться обмануть и обольстить их, утонченные, продуманные и прикрытые коварною изобретательностью преследования и стеснения, неограниченная власть мучителя – поставит их в самое затруднительное положение; малое число их будет казаться ничтожным пред всем человечеством... общее презрение, ненависть, клевета, притеснения, насильственная смерть делается их жребием... Противники антихриста сочтутся возмутителями, врагами общественного блага и порядка, подвергнутся прикрытому и открытому преследованию, подвергнутся пыткам и казням... Нужно крайнее внимание к Слову Божию, оправдываемому самими событиями враждебного ему времени и настроения, да не когда отпадем. Только для тех, кто будет руководствоваться Св. Писанием, оно ему скажет, что не большинство, а только немногие шествуют по узкому пути, в последние же дни мира путь этот до крайности оскудеет».

«Во времена скорбей и опасностей, видимых и невидимых, особенно нужна молитва: она будучи выражением отвержения самонадеянности, выражением надежды на Бога, привлекает нам помощь Божию».

«При наступлении великих скорбей во времена антихриста возопиют усиленную молитву к Богу все истинно верующие в Бога. Они возопиют о помощи, о заступлении, о ниспослании Божественной благодати в подкрепление им и руководство. Собственные силы человек, хотя и верных Богу, недостаточны, чтобы противостоять соединенным силам отверженных ангелов и человек, которые будут действовать с остервенением и отчаянием, предчувствуя свою скорую гибель. Божественная благодать, осенив избранников Божиих, соделает для них недействительными обольщения обольстителя, негрозными угрозы его, презренными чудеса его; она дарует им мужественно исповедать совершившего спасение человек Спасителя, и обличить лже-мессию, пришедшего для погубления человек; она возведет их на эшафоты, как на царские престолы, как на брачный пир».

Господь «и в самые времена антихриста будет руководить рабов Своих и уготовлять им места и средства к спасению, как это засвидетельствовано в Апокалипсисе...».

Милосердие Бога длит и отсрочивает решительную развязку для небольшого остатка спасающихся, между тем гниющие или сгнившие достигают полноты тления. Спасающиеся должны понимать это и пользоваться временем, данным для спасения, «яко время

сокращено есть», и от всякого из нас переход в вечность недалек. К положению Церкви должно мирствовать, хотя вместе должно понимать его. Это допущение Свыше. Старец Исаия говорил: «Пойми время. Не жди благоустройства в общем церковном составе, а будь доволен тем, что предоставлено в частности спасаться людям, желающим спастись». «Спасаяй да спасет свою душу», – сказано остатку христиан, сказано Духом Божиим».

Преп. Кукша Одесский (+ 1964 г.)

«Последние времена наступают. Скоро будет экуменический собор под названием «Святой». Но это будет тот самый «восьмой собор», который будет сборищем безбожных. На нем все веры соединятся в одну. Затем будут упразднены все посты, монашество будет полностью уничтожено, епископы будут женаты. Новостильный календарь будет введен во Вселенской Церкви. Будьте бдительны. Старайтесь посещать Божии храмы, пока они еще наши. Скоро нельзя будет ходить туда, все изменится. Только избранные увидят это. Людей будут заставлять ходить в церковь, но мы не должны будем ходить туда ни в коем случае. Молю вас, стойте в православной вере до конца ваших дней и спасетесь!»

Святитель Феофан Полтавский

«Вы меня спрашиваете о ближайшем будущем и о грядущих последних временах. Я не говорю об этом от себя, но то, что мне было открыто старцами. Приход антихриста приближается и уже очень близок. Время, разделяющее нас от его пришествия, можно измерить годами, самое большее – десятилетиями. Но перед его приходом Россия должна возродиться, хотя и на короткий срок. И царь там будет, избранный Самим Господом. И будет он человеком горячей веры, глубокого ума и железной воли. Это то, что о нем нам было открыто. И мы будем ждать исполнения этого откровения. Судя по многим знамениям, оно приближается; разве что из-за грехов наших Господь отменит его и изменит Свое обещание. Согласно свидетельству Слова Божия, и это тоже может случиться».

«О Восьмом Вселенском Соборе я пока ничего не знаю. Могу сказать только словами св. Феодора Студита: «Не всякое собрание епископов есть собор, а только собрание епископов, стоящих в Истине». Истинно Вселенский Собор зависит не от количества собравшихся на него епископов, а от того, будет ли он мудрствовать или учить Православно. Если же отступит от истины, он не будет вселенским, хотя бы и назвал себя именем вселенского. – Знаменитый «разбойничий собор» был в свое время многочисленнее многих вселенских соборов, и тем не менее не был признан вселенским, а получил название «разбойничьего собора»!..»

Преп. Серафим Саровский

Будет время, говорит батюшка о Серафим, когда под предлогом церковного и христианского прогресса, в угоду требованиям мира сего будут изменять и извращать догматы (учение) и уставы Святой Церкви, забывая, что они имеют начало от Самого Господа Иисуса Христа, научившего и давшего указания Своим ученикам – Св. Апостолам – о создании Церкви Христовой и ее правил, и заповедавшего им: «Шедше, научите все народы тому, что Я заповедал вам» (Мф. 28,19).

Отсюда доньше сохранились дошедшие до нас правила и предания Св. Апостолов, которые разъяснены и утверждены окончательно раз навсегда их Св. Преемниками – Св. Отцами, руководимыми Духом Святым на семи Вселенских Соборах.

«Горе тому, кто одно слово убавит или прибавит, говорил батюшка о. Серафим, – наша Церковь не имеет никакого порока; горе тому, кто дерзнет внести какие-нибудь изменения в Богослужение и уставы той Церкви, которая есть «Столп и утверждение Истины» и о которой Сам Спаситель сказал, что даже врата ада не одолеют ее; т. е., что она пребудет неизменно до конца – до второго пришествия».

Всякое желание внести якобы усовершенствование, изменения в правила и учение Св. Церкви есть ересь, желание создать свою особую Церковь по измышлению разума человеческого, отступление от постановления Духа Святаго и есть хула на Духа Святаго, которая не простится во век. Так поступали и будут поступать все отпавшие от единения со Святой Апостольской Церковью, о чем Апостол Павел говорит: «Такие апостолы – лукавые делатели принимают вид апостолов Христовых и не удивительно, ибо и сам сатана принимает вид Ангела Света, поэтому не великое дело, что и служители его принимают вид служителей правды, но конец их по делам их». (2 Кор. 11, 13-14).

В одной из своих бесед с Мотовиловым преподобный Серафим, говоря о духовном состоянии последних христиан, оставшихся верными Богу перед концом мира, поведал нечто весьма важное для укрепления исповедников Христовых: «И во дни той великой скорби, о коей сказано, что не спаслась бы никакая плоть, если бы, избранных ради, не сократились оные дни, – в те дни остатку верных предстоит испытать на себе нечто подобное тому, что было испытано некогда Самим Господом, когда Он, на кресте вися, будучи совершенным Богом и совершенным человеком, почувствовал Себя ... настолько оставленным, что возопил к Нему: Боже мой! Боже мой! для чего Ты Меня оставил? (Мф. 28, 46).

Подобное же оставление человечества благодатью Божиею должны испытать на себе и последние христиане, но только лишь на самое краткое время, по минованию коего не умедлит вслед явиться Господь во всей славе Своей, и все святые Ангелы с Ним. И тогда совершится во всей полноте все от века предопределенное в Предвечном Совете».

Святитель Иоанн Шанхайский

Антихрист предоставит возможность жизни Церкви, будет разрешать ей богослужения, обещать постройку прекрасных храмов при условии признания его верховным существом и поклонения ему. У него будет личная ненависть ко Христу. Он будет жить этой ненавистью и радоваться отступлению людей от Христа и Церкви. Будет массовое отпадение от веры, причем изменят вере многие епископы и в оправдание будут указывать на блестящее положение Церкви. Искание компромисса будет характерным настроением людей. Прямота исповедания исчезнет. Люди будут изошренно оправдывать свое падение, и ласковое зло будет поддерживать такое общее настроение, и в людях будет навык отступления от правды и сладость компромисса и греха.

Преп. Ефрем Сирин

Преп. Ефрем Сирин в «Слове на пришествие Господне на скончание мира и на пришествие антихриста» говорит: «Всего более воздадут честь и обрадуются царствованию (антихриста) иудеи. Посему и он как бы из предпочтения, промышляя о них, укажет всем им место и храм».

«Много молитв и слез нужно нам, возлюбленные, чтобы кто-либо из нас оказался твердым в искушениях; потому что много будет мечтаний, совершаемых зверем. Он сам богоборец, и всех хочет погубить. Ибо такой способ употребит мучитель, что все должны будут носить

на себе печать зверя [...], и в таком только случае можно им будет покупать себе снеди и все потребное; и поставит надзирателей исполнять его повеления. Заметьте, братия мои, чрезмерную злокозненность зверя и ухищрения его лукавства, каким образом начинает он с чрева, чтобы человек, когда приведен будет в крайность недостатком пищи, вынужден был принять печать его, то есть, злочестивые начертания, не на каком-либо члене тела, но на правой руке, а также на челе, чтобы человеку не было уже возможности правою рукою напечатлеть крестное знамение и также на челе назнаменовать святое имя Господне или славный и честный крест Христа и Спасителя нашего. [...] Посему, братия мои, страшный предлежит подвиг всем христоролюбивым людям, чтобы до часа смертного не приходиться в боязнь и не оставаться в бездействии, когда змий будет начертывать печать свою вместо креста Спасителя. [...] Ибо если кто не будет запечатлен печатью зверя, то не пленится и мечтательными его знаменами. Притом и Господь не отступает от таковых, но просвещает и привлекает их к Себе. [...] Умоляю вас, братия, я, малейший из вас, не будем ленивыми, христоролюбцы, но станем паче возмогать силою крестною. Неотвратимый подвиг при дверях. Восприимем все щит веры. Будьте же готовы, как верные рабы, не принимающие иного. [...] Блажен, кто окажется всецело святым и верным, у кого сердце несомненно предано Богу, потому что безстрашно отринет он все предложения змия, пренебрегая и истязаниями и мечтаниями его. [...] Многие из святых, какие только найдутся тогда, в пришествие оскверненного, реками будут проливать слезы к Святому Богу, чтобы избавиться им от змия, с великою поспешностию побегут в пустыни, и со страхом будут укрываться в горах и пещерах, и посыпят землю и пепел на главы свои, в великом смирении молясь день и ночь. И будет им сие даровано от Святого Бога; благодать Его отведет их в определенные для сего места, и спасутся, укрываясь в пропастях и пещерах, не видя знамений и страхований антихристовых; потому что имеющим ведение без труда сделается известным пришествие антихриста. А кто имеет ум на дела житейские и любит земное, тому не будет сие ясно; ибо привязанный всегда к делам житейским, хотя и услышит, не будет верить и погнушается тем, кто говорит. А святые укрепятся; потому что отринули всякое попечение о сей жизни».

...Восплачут тогда и вся земля и море, и горы и холмы, восплачут и светила небесные о роде человеческом, потому что все уклонились от Святого Бога и поверили лести, приняв на себя вместо Животворящего Спасителя Креста начертание скверного богоборца. По исполнении же трех с половиной лет власти и действия нечистого и когда исполнятся соблазны всей земли, придет наконец Господь, подобно молнии, блещущей с неба, придет Святой, Пречистый, Страшный, Славный Бог наш с несравненною славою в предшествии Его славы чинов Архангельских и Ангельских: «Восстаните, почившие, се, пришел Жених!» Отверзутся гробы, и во мгновение ока пробудятся все колена земная и воззрят на святую лепоту Жениха. И тьмы тем и тысячи тысяч Архангелов и Ангелов – бесчисленное воинство возрадуется великою радостью; святые и праведные и все, не приявшие печати змия и нечестивца возвеселятся. Мучитель со своими демонами, связанный Ангелами, а также все приявшие печать его, все нечестивцы и грешники связаны будут и приведены пред судилище. И Царь даст на них приговор вечного осуждения, в огонь неугасимый. Все же, не приявшие печати антихристовой и все скрывающиеся в пещерах, возвеселятся с Женихом беспредельные веки веков.

МОЛИТВА ОТ АНТИХРИСТА ПРЕПОДОБНОГО АНАТОЛИЯ ОПТИНСКОГО (ПОТАПОВА)

Избави мя, Господи, от обольщения близ грядущего богомерзкого и злохитрого антихриста, и укрой мя от коварных сетей его в сокровенной пустыне Твоего спасения. Дажь ми, Господи, крепость и мужество твердого исповедания Имени Твоего Святого, да

не отступлю страха ради дьявольского, да не отрекуся от Тебе, Спасителя и Икупителя моего, от святых Твоя Церкви. Но даждь ми, Господи, день и ночь плачь и слезы о гресех моих и пощади мя. Господи, в час Страшного Суда Твоего. Аминь.

Примечания.

[1] У отца Алексия не было своего дома вообще. Дети от него отказались. Сын – генерал, орденноносец, даже на порог не пустил амнистированного отца-священника – попросту выгнал. А на приходе попал он на проживание к бывшей «красно-косыночнице», славившейся своим безнравственным поведением в молодые годы. Не смотря на внешнее принятие веры, она и ее бесноватая дочь всячески издевались над батюшкой, отбирали заработанные ним деньги, съестное, доходило дело даже до побоев. Он смиренно терпел – считал крестом своим за плохо воспитанных собственных детей.

[2] Саддукеи не верили в жизнь после смерти и, соответственно, в воскресение мертвых.

[3] Места наибольшего распространения монашества первых времен христианства. Скажем, в Фивах, по разным данным, проживало до 100 тыс. подвижающихся в монашестве.

[4] На одном из сельских приходов, в брошенном доме, поселились «бомжи» из города. Местные жители, селяне, поначалу опасались таких соседей. Но скоро выяснилось, что поселившиеся мужики – народ степенный. Они всегда готовы были прийти на помощь каждому, кто в ней нуждался. Жили, да и живут, они в основном за счет рыбной ловли. С государством и его структурами в контакт не входят, участковому, как водится, носят мзду рыбой, чтоб не приставал. Бывают и в храме, но дальше того, чтоб поставить несколько свечей – дело не доходило.

[5] «Грешнику говорит Бог: что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои, а сам ненавидишь наставление Мое и слова Мои бросаешь за себя?».

[6] Сельские священники были изгоями не только у священноначалия, т.к. с них нечего было взять. Но, прежде всего, на них подозрительно смотрели уполномоченные по делам религий, большинство которых либо вышли из рядов НКВД-КГБ, либо состояли штатными или внештатными сотрудниками этой могущественной организации. Кроме того, редкий сельский батюшка был на подписке у того же НКВД-КГБ. Для города же было характерно обратное.

[7] Пугаться и бить тревогу было из-за чего – через приоткрытые двери в страну хлынул, прежде всего, мутный поток нужной Америке лжи. Дух вещиизма, сребролюбия, цинизма, морального разложения начал шествовать из столиц к провинциям. В конце концов, все это и приведет к гибели огромной и социально обустроенной империи, главная беда которой была в отрицании Бога, в Православии исповедуемого.

[8] «Догмат о главенстве и непогрешимости римских пап» принятый на Ватиканском Соборе в 1870 году.

[9] Там же.

[10] Областная психиатрическая больница.

[11] Петр Аркадьевич Столыпин, министр внутренних дел, председатель Совета министров (1906-1911), из старинного дворянского рода, бабушка М.Ю.Лермонтова – урожденная Столыпина. Родился в 1862 году, блестяще закончил физико-математический факультет Петербургского университета. В 1902 году назначен гродненским губернатором, в 1903 году – саратовским. Весной 1906-го года назначен министром внутренних дел, летом – председателем Совета министров. Автор реформ в России, в частности, передачи земель крестьянам. После ряда неудавшихся покушений убит в 1911 году в Киеве. Почивает на территории Киево-Печерской Лавры.

[12] Ересь, еретик – учение и последователь его, противное точной церковной догматике. Слово это производилось от греческого «беру, захватываю», ибо означало личный произвол, стремление противопоставить христианской догме субъективное мнение. Такая трактовка используется всеми богословами от апостолов и до Вселенских Соборов, осуждавших иномыслие церковным догмам, ибо: «кому Церковь не мать, тому Бог не Отец».

Православная Церковь на основании заповеди Христовой (Мф. 18; 15,17) признает еретика-грешника равным язычнику и считает необходимостью отлучение еретиков от общения церковного до полного покаяния их. Ересиарх – видимый людьми родоначальник ереси; рогатый нигилист, конечно же, прячется.

Почему отец Антоний сказал, что Толстого трудно отнести к еретикам? Еретики, так или иначе, но старались оставаться внутри Церкви Православной, их сравнить можно с глистами, микробами, вирусами и пр. Для развития всем этим паразитам нужен здоровый организм, забравшись в который однажды, они уже не торопятся его покинуть. С толстовством все несколько иначе. Хотя богословские науки воззрения Толстого и считают лишь повторением древних ересей, но изначально он не просто стремился к «реформированию», «улучшению» Православия. Толстой отвергал Христа и Церковь правоверную. Он дьявольски хулил Самого Спасителя, Божью Матерь и всех святых, а последователей Искупителя считал жалкими ничтожествами, не способными на собственный анализ окружающего мира, толпу без мысли, ораву недостойных даже сожаления подражателей. Поэтому еще с самой молодости, обуянный гордыней молодой повеса был одержим идеей создания собственной религии, хотел стать объектом поклонения, но не Христом, иначе пришлось бы довольствоваться второй ролью.

Толстой же хотел быть только первым! Поэтому он отбрасывает практически все то, что наличествует в других религиях – молитвенные собрания, обряды, песнопения. Идеи, заложенные в лжеучение, хотя и включают в себя верования молокан, духоборцев и пр., больше состоят из анархических и социалистических понятий, чем религиозных. Один прозорливый старец на Валааме видел толпу бесов, влекших Толстого в ад. Позже подвижник узнал, что именно в это время хульник Христа и Пречистой Его Матери умер. Не просто же так Ленин назвал Толстого «отцом русской революции».

[13] «Типикон, сиесть Устав», определяет порядок церковных служб, проведения постов, праздников православными христианами. Содержит церковные правила, касающиеся большинства сторон жизни верующего.

[14] Фарисеи и законоучители часто переступали заповеди Божии, чтобы исполнить предания (Мф. 15,1-19; Мк. 7, 1-23). И хотя этого нельзя сказать о боговдохновенных постановлениях святых Отцов Церкви, но Иисус Христос также учил жить по духу, а не по букве закона. (Лк. 6, 1-11; 13, 10-17; Ин. 5, 1-16; 7. 15-24). «Не судите по наружности, но

судите судом праведным» (Ин. 7, 24). «Дух животворит; плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Ин. 6, 63). Поэтому так важно вникнуть в дух закона Христова, стяжать благодать Божию, без которой мы не сможем правильно поступать в сложных ситуациях.

[15] Отец Антоний назвал мне имя и фамилию этого человека. Каково же было мое удивление, когда этот сатанист появился в храме и предложил мне свои услуги по росписи стен. Я вежливо отказал, сославшись на то, что уже подобрал добросовестную бригаду художников взамен прежних маляров. Вероятно, он догадался, что меня кто-то предупредил о его взглядах и стал оправдывать сатанизм и доказывать, что его принадлежность к «семье» не помеха для качественной росписи православных храмов. В качестве доказательства своих слов он показал образцы выполненных им икон. Техника письма на них была безупречна, только глаза у изображенных – жесткие и злые. Через некоторое время он уже расписывал один из вновь построенных храмов областного центра.

[16] Вервия - крепкие плетеные веревки.

[17] Верия - крепость.

[18] «Бесплатно получил, бесплатно отдай».

<http://hramsatka.orthodoxy.ru/bib/bib00010.htm>